

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО ПО СРЕДСТВАМ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ,
ОБЩЕСТВЕННЫМ И РЕЛИГИОЗНЫМ
ОРГАНИЗАЦИЯМ КБР
ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР»

Главный редактор – ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Магомед Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Мотгаева
Анжела Мусукаева
Анатолий Парпара (Москва)
Александр Пряжников (Ростов)
Зейтун Толгуров
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафиц

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Руслан Фиров
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

3. 2014 МАЙ – ИЮНЬ

21 мая 2014 г. в Нальчике у мемориала «Древо жизни» состоялся многолюдный митинг, посвященный 150-летию окончания Кавказской войны. В нем приняли участие представители федерального центра, руководители Парламента и Правительства КБР, общественных организаций, национальных культурных центров, религиозных объединений.

*Выступление на митинге
врио Главы КБР Ю. А. Кокова*

Сегодня исполняется 150 лет со дня окончания Кавказской войны.

Идут годы, сменяются поколения, но эта печальная дата заставляет нас вновь воскресить в памяти её драматические страницы, ещё раз осмыслить причины трагедии.

В истории человечества было немало войн. И всё же Кавказская война по продолжительности, жестокости и масштабам человеческих жертв занимает особое место. В результате этой войны адыгский народ, в большинстве своём, вынужденно покинул родную землю и оказался разбросанным по всему миру. Война изменила судьбы нескольких поколений адыгского народа.

В разные периоды истории в зависимости от политической конъюнктуры Кавказская война оценивалась и освещалась по-разному. Но при любых трактовках тех событий остаётся бесспорным, что Кавказская война представляет собой драматическую страницу истории адыгов.

Сегодня мы склоняем головы перед памятью тех, кто пал на поле

боя, потерял жизнь от жестокости войны, и тех, кто умер на чужбине, – памятью всех жертв Кавказской войны.

Вопреки всем невзгодам и тяжким испытаниям адыгский народ не исчез, не очерствел, ещё более окреп, сохранил своё достоинство и созидательный потенциал, за что мы признательны и благодарны всем предшествующим поколениям нашего народа.

Кавказская война была порождением своей эпохи, эпохи экспансии и соперничества империй, в жерновах которой в тот период оказался адыгский народ. Вместе с тем, оглядываясь назад, мы должны помнить и о том, что задолго до этого наш народ добровольно связал свою судьбу с Россией и всегда оставался верен историческому судьбоносному выбору. На протяжении нескольких столетий адыги принимали активное участие в формировании Российского государства и не раз доказывали свою приверженность данной клятве «Навеки с Россией». Время убедительно подтвердило правильность сделанного нашими далёкими предками почти пятьсот лет назад выбора. Именно благодаря этому наш народ сохранил историческую родину, свой духовный и интеллектуальный потенциал и ныне может гордиться тем, что подарил миру выдающихся поэтов и писателей, музыкантов и художников, деятелей науки, спортсменов, которые являются достоянием не только адыгов, а и всей России.

Следует особо подчеркнуть, что нынешнее поколение адыгов осознаёт, что трагические события проявились на разных этапах не только в их судьбе, но и судьбе многих народов России, в том числе и русского народа. Для адыгов неприемлемы попытки спекуляции на страданиях своих предков, получения на этой основе привилегий в ущерб другим народам. Более того, адыги высоко ценят всё, что сделано и делается Российским государством для экономического, социального и культурного развития нашего народа, всех многочисленных народов нашей страны, а потому не мыслят успешного продвижения в будущее без дальнейшей интеграции в российскую культуру, без России – нашего Отечества.

Являясь полноправным субъектом Российской Федерации, обладая всеми атрибутами государственности, многонациональный народ Кабардино-Балкарии сегодня уверенно строит новую жизнь. В республике созданы необходимые условия для сохранения и развития самобытной адыгской культуры, традиций, языка. В решении этих вопросов активно участвуют общественные организации, в том числе и Международная Черкесская Ассоциация. Следуя культурно-цивилизационным ценностям и традициям, адыгские общественные организации стараются предельно деликатно и толерантно решать проблемы, доставшиеся нам в наследство от этой войны. Одним из убедительных тому свидетельств явилась позиция, занятая адыгским сообществом при проведении XXII Олимпийских зимних игр в г. Сочи, что было с благодарностью отмечено Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным.

В последние годы мы являемся свидетелями возрастания притя-

гательной силы Российской Федерации для множества духовно связанных с ней народов, в том числе и наших соотечественников, живущих более чем в 50 странах мира. Тысячи представителей зарубежной адыгской молодёжи обучаются в российских вузах. Расширяются и укрепляются гуманитарные и культурные связи. Многие адыги возвратились на свою историческую родину и созидательно трудятся на общее благо.

И, что очень важно, абсолютное большинство наших соотечественников понимает и глубоко осознаёт, что только в мирных условиях, на основе взаимного уважения всех наций и народов нашей великой страны возможны поступательное развитие и достойное будущее нашего народа.

Уверен, что единство, сплочённость и общественное согласие будут и впредь оставаться прочной основой благополучия и процветания Кабардино-Балкарии.

Выступление президента МЧА Сохрокова Х. Х.

Дорогие друзья! Уважаемые гости!

Прошло 150 лет со дня окончания Кавказской войны. Как и всякая жестокая война, она сопровождалась гибелью, страданиями и лишениями сотен тысяч людей. Наибольшие потери в ней понёс адыгский (черкесский) народ. Война привела к огромным людским и материальным потерям, затормозила дальнейшее социально-политическое развитие адыгского народа. Только одна десятая народа осталась на своей исторической родине, остальные погибли или были изгнаны в Османскую империю. Многим переселенцам пришлось в полной мере

испытать трудности и второго, и третьего мухаджирства.

Мы все хорошо понимаем, что эта война проходила в геополитических интересах нескольких империй. Однако никакая политическая и экономическая выгода не может оправдать гибель и страдания людей.

Исторические процессы необратимы, но в памяти народной трагедия той войны не забывается до сих пор. И независимо от того, сколько лет отделяет нас от тех событий, память по отношению к мученикам и жертвам той войны, а также к изгнанникам-мухаджирам – священна! Мы всегда будем помнить о принесенных нашим народом жертвах.

Поиск причин и последствий Кавказской войны и здравое рассуждение на эту тему преследуют одну цель: дать объективную оценку факту трагедии. Это нужно не только для торжества исторической справедливости, но для поиска нравственной составляющей демократического будущего нашей страны.

Оказавшись разбросанными по всему миру, адыги нашли в себе силы сохраниться физически, сохранить свою самоидентификацию, язык, традиции. Они достойно влились в общественно-политическую жизнь и социальную структуру как России, так и тех стран, где они оказались волею судьбы.

Здесь уместно вспомнить, что русско-адыгские отношения имеют вековые традиции добрососедства, взаимопомощи и боевого содружества как до Кавказской войны, так и после неё. Испытания, выпавшие на долю не одного поколения соотечественников, оказавшихся в изгнании, только обострили чувство сопричастности к делам и судьбам своей исторической Родины. Сегодня адыги-черкесы – российский народ, зарубежные черкесы – российские соотечественники. У нас общая история и общее будущее.

К сожалению, и в XXI веке на долю многих стран и народов выпали жесточайшие испытания, которые приводят к большим человеческим жертвам. Мы в очередной раз выражаем поддержку усилиям руководства России по дипломатическому решению сирийского кризиса. Сегодня Российская Федерация предоставляет сирийским беженцам временное убежище, северокавказские республики принимают их на постоянное место жительства. Мы понимаем уровень сложности этих вопросов, но, к сожалению, не всё мы можем. Однако меры, предпринимаемые в эти дни органами власти Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии, общественными организациями и частными лицами, показывают, что при совместных усилиях нам многое под силу. Мы и впредь будем оказывать им максимально возможную помощь.

Дорогие соотечественники! Проблема признания факта трагедии для адыгов итогов Кавказской войны многие годы волнует нашу общественность. Однако, обращаясь к прошлому, мы не должны поворачиваться спиной к будущему. А ради будущего можно многое переосмыслить, многое соизмерить. К каждому шагу надо относиться вдумчиво, серьёзно, следуя мудрой заповеди «Не навреди!». Наши предки говорили: «ФЫМ кьымышар лейм кьишэркьым».

Знать и помнить свою историю имеет смысл не для того, чтобы прошлое властвовало над нами, а для того, чтобы конструировать своё будущее. Именно в этих целях Международная Черкесская Ассоциация приняла решение, начиная с этого года, отмечать в сентябре Международный день черкесов (адыгов). Тем самым мы хотим вселить в сердца нашей молодёжи, помимо горечи, силу духа далёких предков, умевших дорожить жизнью и родиной. Отныне каждый адыг-черкес вместе со всеми народами мира будет иметь возможность праздновать своё бытие на этой земле.

Желаю вам, дорогие друзья, мирного неба, и пусть реализуются наши добрые помыслы!

Касболат ДЗАМИХОВ,
доктор исторических наук,
профессор КБГУ

Черкесская историческая мысль и проблемы Кавказской войны

Черкесская (адыгская) историография проблемы стала формироваться с XIX в. как часть истории взаимоотношений адыгских народов с Россией. Центральное место в работах адыгских историков (И. Атажукина, Ш. Ногмова, Хан-Гирея, В. Кудашева и др.) отведено истории политических взаимоотношений различных адыгских подразделений с Россией в XVI-XIX вв. Они отмечают важность политической ориентации адыгов в середине XVI в. на Москву, являвшейся следствием крымско-османской агрессии; подчеркивают общую заинтересованность двух народов в борьбе с внешними врагами. Затрагивая события Кавказской войны, они обосновывают предпочтительность мира и сотрудничества завоевательной политике царизма. Названные авторы, в

Кабардинские послы в Москве

*Кабарда встречает послов
царя Ивана IV*

большинстве своём русские офицеры, формировались под влиянием русской культуры и науки. В условиях первой половины XIX в., когда происходило военно-политическое утверждение России на Северном Кавказе и окончательное внедрение общероссийских государственных и гражданских порядков в регионе, названные авторы своими работами пытались практически воздействовать на эти процессы. Не всегда они могли согласовать сложившуюся конкретно-политическую ситуацию в Кабарде и Западной Черкесии с существующим в России государственным режимом и интересами последней на Кавказе. Но при всем этом для нас особую значимость имеет четко сформированная ими концепция проблемы взаимоотношений России и адыгов – она может быть решена только в условиях мира, в неразрывной дружбе и тесном сотрудничестве обеих сторон [13].

Во второй половине XIX – первой четверти XX вв. после трагических последствий Кавказской войны (насильственного перемещения и демографической катастрофы) перед необходимостью этнополитического самоопределения в той или иной форме оказались все группы черкесского населения на территориях бывшей Российской и бывшей Османской империй. Возможности выработки единой общечеркесской программы решения своего национального «черкесского» вопроса были весьма ограничены. Обнаруживаются расхождения в историческом опыте обеих групп черкесов. Кавказская война и мухаджирство становятся системообразующим фактором «черкесского» вопроса и ключевым моментом этнической исторической памяти. А. Х. Боров, анализируя эти процессы, обращает внимание на следующие моменты. Для черкесов диаспоры реальные отношения и взаимодействие с российским обществом и государством прекратились с момента изгнания, их отношение к России главным образом формировалось собственно этим событием. Для черкесов, оставшихся на Северном Кавказе, взаимодействие (социально-правовое, экономическое и культурное) с российским обществом и государством продолжалось и после завоевания. И их отношение к ключевому моменту черкесской истории формировалось не только исторической памятью, но и ближайшим этносоциальным опытом и поиском будущего [14].

Представители черкесских интеллектуальных элитных слоёв диаспоры делают различные попытки перевода «черкесского вопроса» в практическую политическую плоскость и ставят вопрос об исторической, морально-нравственной и правовой оценке Кавказской войны. Ярким образцом такого примера служит выступление вице-президента «Лиги нерусских народов России» и руководителя черкесской делегации из Турции Исмаила Беданоко на третьей конференции «Союза национальностей», состоявшейся в Лозанне 27-29 июня 1916 г. И. Беданок подчеркивал, что присоединение Кавказа к России есть результат завоевания, не имеющего «ни одного легального и логического довода», способного его оправдать, что Черкесия до завоевания представляла собой одну страну, которую Россия первым же ударом разделила на две части – Западную и Восточную Черкесии; что методы ведения войны были

Изгнанники в пути

чрезвычайно жестокими и сопровождались уничтожением сёл, разграблением имущества, убийством женщин и детей, истреблением и массовой гибелью населения от голода и холода; что период между 1858 и 1864 гг. был временем наибольших жестокостей русских, когда Россия вышвырнула за пределы их собственной родины 750 тысяч жителей Западной Черкесии. И Беданок, понятным образом, не употребляет термин «геноцид».

Но он говорит: «Современный язык, вследствие присущего ему эвфемизма, называет эту болезнь словом «империализм». Таким образом, войны, которые вели русские против мирной страны под названием Кавказ, представляют собой **преступления против человечества** (выделено мной – Д. К.), которые каждый истинно цивилизованный человек должен всемерно осуждать». Далее докладчик вводит проблему в масштабный исторический контекст: «Современный цивилизованный мир всегда проклинает римских императоров Тита и Веспасиана, изгнавших народ Израиля с родины их предков и рассеявших его по четырем краям Римской империи. В XIX веке москвиты совершили еще более отвратительное деяние, рассеяв народ, единственная вина которого заключа-

Совет кабардинских старейшин. Художник Хамид Савкуев

лась в том, что он хотел сохранить свою политическую и национальную свободу» [15]. Складывающаяся в дальнейшем черкесская зарубежная историография (П. Коцев, Р. Трахо, И. Беркок, К. Натхо, И. Айдемир, Н. Бэрзэдж, М. Кандур и др.) исследует Кавказскую войну как колониальную, сопровождавшуюся истреблением и изгнанием черкесского населения за пределы своей исторической родины.

Отечественная черкесская историография (адыговедение) 1920 – конца 1980-х гг. развивалась в общем русле развития советской исторической науки со всеми присущими ей идеологическими и методологическими издержками. В обобщающих исследованиях по истории народов Северного Кавказа, монографиях и статьях четко выдерживалось положение об «объективно-исторически прогрессивных последствиях присоединения» горских народов к России и «истории складывания боевого союза трудящихся за свое социальное и национальное освобождение». Определенным исключением являлась монография Г. А. Дзидзария, в которой автор впервые на широкой документальной основе дал основные этапы переселенческого движения (мухаджирства) на черкесском (абхазо-адыгском) материале [16]. Необходимо отметить определенные закономерности, присущие черкесской историографии и «черкесскому» взгляду на ключевой момент своей национальной истории: 1) «черкесский» взгляд имеет историческую глубину, он эволюционировал на протяжении длительного времени, периодически актуализируясь в определенных конкретно-исторических ситуациях и влияя на общественное сознание глобального черкесского сообщества, 2) наблюдается тесное взаимовлияние результатов исторической науки и общественного сознания, то есть, говоря словами Д. И. Олейникова, «исторические традиции формируют политическую культуру, а политические устремления создают определенный заказ на создание «исторических традиций» [17].

Наиболее выраженной чертой историографического процесса на рубеже 1980-1990-х гг. была резкая актуализация проблематики путей и форм вхождения народов Северного Кавказа в состав Российского государства. Общий сдвиг в историографической ситуации определялся соединением двух тенденций. Во-первых, переходом инициативы в определении общественной и научной актуальности тех или иных тем к местным интеллектуальным кругам, тесной увязкой постановки научных проблем с национальным вопросом, восстановлением исторической памяти, возрождением национально-культурных традиций. Во-вторых, установкой на замещение идеологемы «добровольного вхождения» народов Северного Кавказа в состав России идеологемой завоевания и колониального порабощения.

Важной публичной манифестацией поворота историков Северного Кавказа к новым исследовательским приоритетам и к новым концепциям стали научные конференции 1989-1990 гг., посвященные комплексу

*Кабардинский воин.
Художник Тимм М. В.,
1846 г.*

проблем Кавказской войны, национально-освободительной борьбы народов Северного Кавказа и мухаджирства. Наряду с общностью проблематики и важных итоговых оценок, для этих конференций характерна определенная перестановка методологических акцентов. Разумеется, между этими двумя обстоятельствами нет причинно-следственной связи. Скорее, они имеют общим основанием эволюцию идейно-политической атмосферы в стране.

В выводах и рекомендациях Всесоюзной научной конференции «Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в.» (20-22 июня 1989, г. Махачкала) констатировалось, что «до сих пор не создана цельная, правдивая, подлинно научная концепция событий, сыгравших важнейшую роль в судьбах этого многонационального региона», и выражалась «уверенность, что настоящий форум станет качественно новым этапом в изучении и интерпретации всего сложного комплекса проблем истории Кавказской войны». Вместе с тем указывалось, «что ряд поднятых докладчиками и выступавшими в ходе дискуссий вопросов требует дальнейшего, более углубленного и мотивированного освещения на базе марксистско-ленинской идеологии». Было признано методологически неверным «внесоциальное отождествление русского царизма с русским народом» и была подчеркнута необходимость «руководствоваться классовыми критериями при интерпретации и оценке идейных позиций и движущих сил движения горцев» [18].

Рекомендации научно-практической конференции «История адыгов в XIX в.», проходившей 24-25 апреля 1990 г. в ауле Кошехабль, почти полностью воспроизводили выводы и рекомендации конференции в Махачкале, но вносили и существенные нюансы. Хотя здесь и присутствовала сочувственная ссылка на оценку К. Марксом и Ф. Энгельсом движения горцев как народно-освободительной войны против царизма, но необходимость «дальнейшего более углубленного и мотивированного освещения» ряда вопросов никак не связывалось с марксистско-ленинской идеологией. Воспроизводился призыв «признать методологически неверным внесоциальное отождествление российского царизма с русским народом», но ничего не говорилось о применении классовых критериев в интерпретации движения горцев. Ключевое же положение рекомендаций фиксировало, что царизм проводил политику геноцида по отношению к адыгским народам в XIX в. и что борьба адыгов за свободу и независимость была массовой, народной, антиколониальной, прогрессивной [19].

Еще одна Всесоюзная научно-практическая конференция «Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства», прошедшая в Нальчике 24-26 октября 1990 г. С точки зрения целей данного исследования в обобщенных выводах и рекомендациях конференции привлекают внимание следующие моменты.

Во-первых, четко заостренная оценка политики русского царизма в регионе как «завоевательной, колонизаторской, сопряженной с покорением, геноцидом и изгнанием большей части адыгского народа и ча-

сти других народов за пределы Родины» соседствует с положениями о неблаговидной роли «правительства Османской империи и отдельных западных держав»; о необходимости проводить в исследованиях четкое разграничение между русским царизмом и русским народом и «руководствоваться этими же критериями при интерпретации и оценке идейных позиций и движущих сил борьбы народов»; о том, что «в сложных условиях Кавказской войны развивались торгово-экономические, культурные и иные связи». Во-вторых, общая постановка задач дальнейшей разработки и уточнения понятийного и категориального аппарата никак не связывается с марксистско-ленинской методологией, классовым подходом и т.п. и звучит весьма амбивалентно. **В-третьих, призыв постоянно обращаться к историческому опыту и духовному наследию народов базируется на том, что «воспитание историей предполагает, прежде всего, восстановление национальной исторической памяти и формирование национального исторического сознания на гуманистических традициях и убеждениях»** [20].

Противоречивость историографической ситуации по проблематике Кавказской войны проявилась на конференции «Кавказская война: уроки истории и современность» (Краснодар, 16-18 мая 1994 г.). С одной стороны, ряд докладчиков акцентировал тезисы о нетипичности России как империи, о Кавказе как колонии, о значимости геополитических аспектов происхождения Кавказской войны. Звучал также тезис о роли в происхождении войны общественного строя самих горцев, основанного на набеговой системе и традициях наездничества, с оговоркой, что в этой теме нет ничего обидного для северокавказских народов. Высказывалось критическое отношение к попыткам строить оценки на догматическом толковании высказываний классиков марксизма-ленинизма, значительное место было уделено внешнеполитическим аспектам Кавказской войны. С другой стороны, ряд докладчиков жестко выступил против любых попыток смягчить картину жестокого завоевания Северного Кавказа и затушевать антиколониальный, народно-освободительный, героический и справедливый характер борьбы горцев. Политика России оценивалась в терминах геноцида и жесточайшего колониального гнета. Все это связывалось с задачей «разбудить горькую память о Кавказской войне» и совершить «принципиальный поворот в ее оценке» [21].

Материалы указанных конференций подтверждают вывод о том, что марксистская методология (более или менее аутентично толкуемая) как ядро советской историографии пережила советскую общественно-политическую систему. На основе и под влиянием приведенных выше рекомендаций представительными органами власти Кабардино-Балкарской и Адыгейской республик были приняты в 1990-х гг. соответствующие законодательные акты о характере Кавказской войны.

С 1980-х гг. черкесскими историками введен в научный оборот значительный корпус документальных источников [22], который или по незнанию или специально игнорируется многими авторами, претендующими на свое видение проблем Кавказской войны. Успешно разрабатываются социально-экономические, внешнеполитические, полити-

Собрание черкесских князей и дворян

ко-правовые, переселенческие и другие аспекты Кавказской войны на материалах черкесской истории [23]. С советских времен в российской историографии сложился и усиленно поддерживается миф, что главным и чуть ли не единственным вождём северокавказских горцев был

Лагерь черкесского отряда

имам Шамиль и основным фронтом Кавказской войны являлся Восточный Кавказ. О характере, длительности и последствиях войны на Северо-Западном и Центральном Кавказе официальная историография чаще стремится умалчивать или давать её усечено и выборочно. Черкесская историография (приведенные сборники документов и монографические исследования), а также такое важнейшее обобщающее издание, как Адыгская (Черкесская) энциклопедия (М, 2006) считают, что с последней трети XVIII века Россией-

ская империя приступила к прямому военно-колониционному покорению Кавказа и первой жертвой этой политики стали Адыги, которых в различных странах еще с XIII века знают как Черкесов. Черкесский этнос оказался перед необходимостью выбора, и он выбрал путь сопротивления, путь отстаивания своей независимости. Это была борьба, направленная не на достижение внешних целей, а на защиту суверенности своего жизнеустройства, верховенства на своей земле, своего традиционного социально-политического порядка, иными словами, это была борьба за национальное самосохранение. За трагедией поражения черкесов последовала и другая – их массовая депортация в пределы Османской империи.

Ф. А. Озова в своих последних работах доказывает, что действия русского военного командования на Северо-Западном Кавказе являлись грубым нарушением международного и русского военного права того времени в части запрета на уничтожение мирного населения и системы его жизнеобеспечения; в отказе от коллективной ответственности за деяния отдельных лиц; неприкосновенности религии, обычаев, образа жизни, земель завоеванных народов; запрете на депортацию автохтонного населения и т.д. [24]. Широко известные специалистам планы генералов Д. А. Милютин и Н. И. Евдокимова, разработанные под руководством главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом А. И. Барятинского, акцентировали: строя новые линии казачьих поселений «стеснять постоянно горские племена до полной невозможности жить в горах», «совершенно вытеснить... из страны». А. И. Барятинский считал, что депортации подлежали, прежде всего, черкесы Западного Кавказа, занимавшие прекрасные причерноморские земли и оказывавшие отчаянное сопротивление Кавказской армии. Он писал: «Единственным средством прочного утверждения нашего в Закубанском крае признано водворение казаков на передовых линиях, чтобы постепенно стеснять горцев и лишать их средств к жизни. Нет причины щадить те племена, которые упорно остаются враждебными, государственная необходимость требует отнятия у них земель». Говоря о планах военного командования, Барятинский подчеркивал: «Сознавая, что преждевременное обнаружение подобного намерения было бы опасно, должно тщательно скрывать эту мысль правительства от горцев, пока не наступит пора для исполнения ее» [25]. В марте 1857 г. рассмотрение вопроса о дальнейшей стратегии войны на Северо-Западном Кавказе было возложено императором на Особый комитет, представивший свое заключение в 1858 г. Комитет негативно оценил планы Главнокомандующего Кавказской армией по депортации черкесов с Кавказа. Планы Барятинского и Милютин по депортации черкесов были оценены комитетом в том смысле, что «это повело бы не к покорности, а к их истреблению. Такая попытка совершенно бы изменила характер войны на Кавказе, т.е., вместо постепенного замирения горских племен и постепенного подчинения их правительству не только силою оружия, но и всеми средствами, которые могли бы их сблизить с нами и обеспечить их благосостояние, нарушая сколько можно менее их вековые обычаи, повели бы к самой непримиримой и единодушной про-

Прощание с родной землей

тив нас борьбе, развязку которой трудно угадать» [26]. Бывший начальник Штаба Отдельного Кавказского корпуса, член Особого комитета генерал-адъютант Коцебу, соглашаясь с необходимостью усиления русского казачьего населения на Кавказе, полагал, что черкесов не заставит покинуть родину «ни богатство, ни роскошь, ни нега» и что план Милютин приведет «не к завоеванию Кавказа, а к ожесточеннейшей, чем когда-либо, борьбе, которая прекратилась бы разве только с обращением Кавказа в пустыню». Наказной атаман Войска Донского генерал-адъютант М. Г. Хомутов назвал предполагаемое выселение на Дон черкесов, а казаков за Кубань тяжелой и несправедливой мерою, «и особенно в отношении Черкесов жестокою и бесчеловечною» [27]. В конечном итоге, несмотря на противостояние, высшее руководство империи выбрало и реализовало именно план насильственной депортации черкесов со своей исторической родины в пределы другого государства. Именно эти действия, осуществленные в 1858-1864 гг., не оставили черкесам никакого выбора. Они обусловили трагедию переселения с её многотысячными жертвами. Эти действия характеризуются в черкесской историографии и в программных документах международных черкесских организаций как преступление против человечества. По официальным данным царских военных властей число депортированных адыгов составило 493 000 человек. Специальные научные исследования (отечественные, европейские и турецкие) называют количество изгнанников в пределах свыше 1 млн. человек. Огромное количество людей погибло от голода, холода и эпидемических заболеваний, вызванных скоплением населения как в местах выселения на черноморском побережье Кавказа, так и на турецком берегу в пунктах прибытия депортированных адыгов. Таким образом, в XIX веке руководством Российской империи по существу была осуществлена грандиозная этническая чистка. Черкесскому этносу был нанесен удар, который потряс его до самого основания – это разрушение внутриэтнических связей и производительных сил, утрата общности территории, разрушение этнопсихологии. Указанные события, связанные с колониализмом и имперской политикой, основательно

подорвали процесс естественного развития адыгов, привели к нарушению традиционного баланса народонаселения, потере основной части своих исконных земель, в чем во многом кроются корни сегодняшних бед.

Анализ и обобщение конкретно-исторического материала, историографических концепций и теоретико-методологических подходов по проблемам истории Кавказской войны показывает, что выработка целостной интерпретации ее природы и исторического места является трудной задачей. Это связано не только с многосторонним, комплексным характером самого явления, но и с множественностью и часто несовместимостью вариантов его осмысления в исторической науке и историческом сознании. Ряд глубоких работ обзорного и аналитического характера, выполненных ведущими специалистами в этой сфере, позволяет суммировать черты историографического процесса, существенные для решения поставленных в настоящем докладе задач [1]. Вместе с тем попытки предложить какую-либо «новую», «современную», «комплексную» трактовку Кавказской войны в отрыве от историографической традиции будут бесплодными.

Проблема заключается в том, что указанная традиция не исчерпывается собственно научным содержанием исследовательских работ. Как подчеркивают специалисты, изучение Кавказской войны в отечественной историографии развивалось и развивается при сильнейшем влиянии идеологической составляющей, что оказывает определяющее воздействие на характер исследований, на выбор сюжетов, на трактовку источников, на построение концептуальных работ.

Аналитический обзор литературы приводит к заключению, что решение задач обобщенной, комплексной характеристики Кавказской войны требует выбора определенной перспективы. В данном случае речь идет о месте этой войны в общем процессе социально-политической эволюции народов Северного Кавказа. С другой стороны, обобщающие, комплексные суждения о предмете должны строиться в максимально широком временном формате и при достаточно полном охвате внутренних и внешних связей и зависимостей, его конституирующем. Многообразие концептуальных подходов и острая дискуссионность проблематики Кавказской войны объясняется тем, что она представляла собой сложный, многомерный исторический феномен. Его целостная интерпретация в какой-либо отдельной плоскости – истории международных отношений, геополитики, социальной истории народов Северного Кавказа, политической истории России и т.д. и т.п. – невозможно. Значение Кавказской войны для нас, для настоящего и будущего России и народов Северного Кавказа можно определить, только рассматривая ее на фоне всего длительного исторического цикла российско-кавказских отношений от их истоков до сегодняшнего дня. В этом случае обнаруживается, что различные подходы к осмыслению Кавказской войны не столько опровергают, сколько дополняют друг друга.

МЕСТА ПРОЖИВАНИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ АДЫГОВ (ЧЕРКЕСОВ) В СТРАНАХ МИРА

<i>Абхазия – 2,3 тыс.</i>	<i>Латвия – 1,1 тыс.</i>
<i>Австралия – 1,6 тыс.</i>	<i>Ливан – 1,7 тыс.</i>
<i>Австрия – 3,4 тыс.</i>	<i>Ливия – 77 тыс.</i>
<i>Азербайджан – 609 чел.</i>	<i>Литва – 625 чел.</i>
<i>Алжир – 452 чел.</i>	<i>Мексика – 303 чел.</i>
<i>Аргентина – 476 чел.</i>	<i>Молдова – 160 чел.</i>
<i>Бахрейн – 403 чел.</i>	<i>Египет – 82 тыс.</i>
<i>Белоруссия – 1,3 тыс.</i>	<i>Новая Зеландия – 708 чел.</i>
<i>Бельгия – 1,7 тыс.</i>	<i>Португалия – 806 чел.</i>
<i>Болгария – 20 тыс.</i>	<i>Румыния – 106 чел.</i>
<i>Бразилия – 700 чел.</i>	<i>Саудовская Аравия –</i>
<i>Великобритания – 2,3 тыс.</i>	<i>500 чел.</i>
<i>Германия – 42 тыс.</i>	<i>Сербия – 1,4 тыс.</i>
<i>Голландия – 2,1 тыс.</i>	<i>Сингапур – 250 чел.</i>
<i>Дания – 1,8 тыс.</i>	<i>Сирия – 110 тыс.</i>
<i>Израиль – 4,2 тыс.</i>	<i>Судан – 6,3 тыс.</i>
<i>Иордания – 90 тыс.</i>	<i>США – 12,3 тыс.</i>
<i>Ирак – 5 тыс.</i>	<i>Турция – 7 млн. 500 тыс.</i>
<i>Испания – 800 чел.</i>	<i>Туркмения – 1,1 чел.</i>
<i>Италия – 400 чел.</i>	<i>Украина – 3,3 тыс.</i>
<i>Канада – 2,4 тыс.</i>	<i>Франция – 1,2 тыс.</i>
<i>Катар – 1,5 тыс.</i>	<i>ОАЭ – 4,6 тыс.</i>
<i>Кувейт – 1,2 тыс.</i>	<i>Чехия – 405 чел.</i>
<i>Грузия – 270 чел.</i>	<i>Швеция – 1,1 тыс.</i>
<i>Киргизия – 450 чел.</i>	<i>Эстония – 700 чел.</i>
<i>Казахстан – 1,8 чел.</i>	<i>Япония – 150 чел.</i>

Самир ХОТКО,
кандидат исторических наук,
член-корреспондент АМАН,
г. Майкоп

ЗНАМЕНИТЫЕ СЫНОВЬЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЧЕРКЕШЕНОК

У формирования этого материала есть своя маленькая предыстория. Недавно, в феврале 2012 г., во время беседы (когда усталый взор научного сотрудника ненадолго отрывается от экрана монитора) высококвалифицируемая мною Нуржан Емыкова поведала мне о появившейся в инете информации о черкесском происхождении матери Леонардо да Винчи. В тот же день я с большим энтузиазмом набрал в строке поиска «Леонардо да Винчи черкес» и тут же вышел на ряд сообщений на черкесских сайтах. Зайдя на сайт <http://www.aheku.org/> прочел весьма интригующую информацию, которая представляла собой перевод аннотации книги американского писателя и исследователя творчества Леонардо – Кертиса Пеппера. В тексте приводилась также английская цитата. Взяв из нее словосочетание «the illegitimate son of a Circassian slave», я, к своему удивлению, не только получил выход на целый ряд аналогичных сообщений из разных литературоведческих сайтов (что ожидалось), но и наткнулся на еще одного видного отпрыска черкешенки-невольницы в Италии в этот же XV век. Им оказался сын великого политического деятеля Флоренции Козимо де Медичи – Карло де Медичи. Таким образом, был сформирован предлагаемый читателю «ЛКБ» обзорный материал. Со временем мы постараемся развить эту интереснейшую проблематику, касающуюся итальянско-черкесских связей в XIV–XV вв.

Мэри Макрейнольдс в обзоре монографии Кертиса Пеппера отмечает: «Рожденный в век последовательного просвещения, незаконнорожденный сын черкесской невольницы сопротивлялся неприятию и предубеждению посреди войн, мелочной политики, эпидемий и религиозного рвения. Символом ранней страсти Леонардо стал эскиз его умершей и нежно любимой мачехи, наскоро нарисованной в нездоровом воздухе покойницей».

Литературоведческий сайт «Кларисс Левин Ассошиэйтс» сообщает: «Кертис Билл Пеппер справился с этой сложной задачей после пятнадцати лет исследований доступных архивных записей в Италии, которые засвидетельствовали идентичность матери Леонардо, черкесской рабыни, и пролили свет на различные личности, которые сыграли важную роль в развитии его характера и интеллекта. Автор помещает Леонардо в контекст истории династий Медичи, Сфорца и французских королей, политики враждующих городов-государств, непрерывающихся внутренних войн и иностранных вторжений, теологических диспутов между религиозными орденами, и развращенного властью папства, которые характеризовали эту эпоху».

Энциклопедия журнала «Вокруг света» содержит великолепно написанную статью о жизни и творчестве Леонардо да Винчи: «Леонардо – внебрачный сын сэра Пьеро ди Антонио да Винчи. Его отец был нотариусом, постоянно работавшим во Флоренции. Профессия передавалась в семье по наследству с 1339 г. Судя по записи в старой нотариальной книге, сделанной дедом Леонардо, Антонио, мальчик родился 15 апреля в 22.30: «1452. Родился у меня внук от сэра Пьеро, моего сына, 15 апреля, в субботу, в три часа ночи. Получил имя Леонардо». Ночное время отсчитывалось от заката, так что «3 часа ночи» – это примерно 22.30. Мать Леонардо, Катерина, была «хорошей крови», т. е. красавицей, но из более низкого класса общества. Сэр Пьеро не мог на ней жениться; возможно, он был также связан контрактом со своей будущей первой женой. Тем не менее, незаконнорожденный Леонардо был как дитя любви принят в семью, а Катерину выдали замуж за друга семьи, гончара Антонио ди Пьеро Бути дель Вакка по прозвищу «Задира» (Аккатабрига, Accatabriga) из городка Кампо-Дзеппи. Аккатабрига всю жизнь находился в хороших отношениях с семейством да Винчи и в 1472 г. выступил свидетелем при заключении контракта между Пьеро да Винчи и его братом Франческо, любимым дядей Леонардо.

Неизвестно, с кем провёл своё детство Леонардо – с отцом или с матерью. Зигмунд Фрейд, анализируя записи Леонардо, пришёл к выводу, что в детстве ему не доставало внимания отца. Вместе с тем, «он всю жизнь демонстрировал уверенность в себе и сознание своего необычайного таланта – черты, нехарактерные для детей из неполной семьи». (<http://www.vokrug-sveta.ru/encyclopedia>).

В романе Джина Калогридиса «Я, Мона Лиза» одним из главных персонажей является черкешенка Дзалумма, преданная служанка и воспитательница героини, предложенной автором на роль прототипа леонардовской Моны Лизы: «Встретить его вышла Дзалумма, рабыня моей матери. В этот день она нарядилась, словно фрейлина при дворе. Мама, нежная душа, внушавшая слугам преданность, обращалась со своей рабыней как с любимой подругой. Дзалумма была черкешенка, родом с высоких гор таинственного Востока; ее народ славился красотой, и Дзалумма – рослая, чернобровая и черноволосая, с лицом белее мрамора – не была исключением. Ее тугим локонам, созданным не раскаленной кочергой, а самой природой, завидовали все флорентийские женщины. Временами она бормотала что-то себе под нос на своем родном языке, совершенно не похожем ни на одно наречие, которое я когда-либо слышала». (Калогридис Дж. Я, Мона Лиза. М.: Эксмо, Домино, 2006. <http://www.litmir.net/br/?b=12987>).

Эта же эпоха породила, по меньшей мере, еще одного, если и не столь знаменитого, то известного отпрыска итальянско-черкесских родителей. Ценность обнаруженного биографического материала не только в его полезности для изучения многих этносоциальных аспектов истории Черкесии и итальянско-черкесских контактов, но и в том, что один из гениев итальянского Возрождения Андреа Мантенья создал портрет этого итало-черкеса. Для антропологов портрет может послу-

жить весьма и весьма ценным наглядным материалом. По сути, перед нами очень точное и отлично сохранившееся изображение лица человека, мать которого являлась черкешенкой, и который жил в XV веке. За период второй половины XV – начала XVI вв. мы располагаем еще двумя портретами черкесов – султанов Египта и Сирии ал-Ашрафа Каитбая (1468–1496) и ал-Ашрафа Каншао Гури (1501–1516). Это также работы итальянских мастеров, оба этих портрета демонстрируют нам типаж, близкий итальянскому.

Это сходство подчеркивалось самими итальянцами. Так, венецианец Иосафат Барбаро (нач. XV в. – 1493), длительное время находившийся в Тане, писал о черкесах: «Знатнейшие жители страны живут хищничеством и преимущественно грабежом караванов, от времени до времени здесь проходящими. Они имеют прекрасных лошадей, отличаются мужеством и лукавством, и лицом весьма сходны с итальянцами». (Барбаро И. Путешествие в Тану // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: «Эльбрус», 1974. С. 41-42).

В XIV-XV вв. и позднее в Италии и Черкесии проживало, по всей видимости, значительное число представителей смешанного, италяно-черкесского, происхождения. Причем далеко не всегда это смешение было результатом работорговли. Так, в Матреге, на западе Черкесии, в период между 1419 и 1475 гг., правило генуэзско-черкесское семейство Гизольфи. Матрега была дана как приданое зятю могущественного черкесского князя Берозока – Виккентию де Гизольфи. Вместо сына в городе распоряжался его отец Симон, а впоследствии власть унаследовал Заккария де Гизольфи, (соответственно, сын черкесской княжны, приходившийся внуком Берозоку и Симону). (Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. II. Одесса, 1880. С. 234; Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 109-110; Kressel R. Ph. The Administration of Caffa under the Ufficio di San Giorgio. University of Wisconsin, 1966. P. 390-392.)

Эмиддио Дортелли д'Асколи – католический монах Доминиканского ордена, возглавлявший в 1624-1634 гг. миссию в Каффе, автор «Описания Черного моря и Татарии», составленного в 1634 г., зафиксировал существование италяно-черкесской общины в Крыму. Эта небольшая община черкесо-франков исповедовала католичество и имела родным языком черкесский. (Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Кафы, Татарии и проч., 1634 // АБКНКА. С. 61-67.)

Итак, начнем подборку кратких биографических сведений с отца Карло – Козимо Медичи.

Козимо Медичи Старый (итал. Cosimo di Giovanni de' Medici, Cosimo il vecchio) (27 сентября 1389, Флоренция – 1 августа 1464, Флоренция) – сын Джованни ди Биччи (1360–1429), основателя династии Медичи, активный флорентийский политический деятель, в 1434-1464 гг. – прави-

тель Флоренции. Козимо являлся одним из выдающихся государственных деятелей своего времени, он был также владельцем крупнейшего в Европе состояния. Похоронен в церкви Сан-Лоренцо, а на его надгробии начертано «Отец отечества». (Медичи, Козимо (Старший) // [http://ru.wikipedia.org/wiki/Медичи,_Козимо_\(Старший\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Медичи,_Козимо_(Старший))).

На протяжении большей части XV столетия фамилия Медичи управляет Флорентийской республикой и приобретает громкую известность покровительством всем направлениям Ренессанса.

В 1414 г. Козимо женился на Контессине де Барди, которая родила ему двух сыновей: Пьеро I Подагрика (1416-1469) и Джованни (1421-1463). Русская версия Википедии сообщает, что «также от его служанки Магдалены у Козимо был внебрачный сын Карло (1430-1492), ставший настоятелем монастыря Сан-Стефано в Прато».

Английская версия Википедии уточняет, что Магдалена (Магдалена) была черкешенкой: «Козимо имел также незаконного сына от черкесской невольницы Карло (ок. 1428-1492), который стал прелатом». «Cosimo also had an illegitimate son by a Circassian slave; Carlo (c. 1428-1492), who became a prelate». (http://en.wikipedia.org/wiki/Cosimo_de'_Medici#Biography).

В английской Википедии есть статья о Карло де Медичи: «Карло ди Козимо де Медичи (1428 или 1430 – май 29, 1492) был итальянским священником. Рожденный во Флоренции, он был незаконнорожденным сыном Козимо де Медичи и рабыни-черкешенки по имени Магдалена. Отец заставил его принять религиозную жизнь. После принятия канона в кафедральном соборе Флоренции в 1450 г., он был назначен приходским священником Пьеве ди Санта Мария (Дикомано) в Мугелло и Пьеве Сан Донато ди Калензано. Он стал аббатом Сан-Сальваторе в Вайано, поблизости от Прато. Он был также папским сборщиком налогов и нунцием в Тоскане (нунций – папский посол, лат. Nuntius. – *Прим. С. X.*). Карло был деканом (декан – старшее после епископа духовное лицо. *Прим. С. X.*) в Прато, начиная с 1460 г. Он умер во Флоренции в 1492 г.».

На сайте «The Splendour of the Medici» (Великолепие Медичи) приводится генеалогическое древо Медичи, на котором интерактивно всплывают портреты. Интересно, что портрет Карло расположен прямо у основания, ниже отца. (<http://www.medicisexhibition.hu/medici/english/medicis.html>).

Таким образом, матери Леонардо да Винчи и Карло де Медичи происходили из отдаленной, но вместе с тем очень хорошо известной итальянцам страны. В Черкесии на протяжении последней трети XIII – XIV вв. уроженцами древней Лигурии было основано более трех десятков торговых факторий. У северных границ Черкесии была основана мощная колония венецианцев – Тана. Основным экспортным товаром Черкесии, привлекавшим итальянцев, было зерно. Но попутно коммерсанты не упускали случая приобрести невольников. Черкесские рабы стоили много дороже рабов других национальностей, а их численность была относительно невелика. Таким образом, указание в итальянских

документах на черкесское происхождение раба следует воспринимать как в высокой степени точное.

Вильям Филипс в монографии, посвященной истории работорговли, отмечает: «В 1427 г. у Козимо де Медичи из Флоренции родился незаконный сын от черкесской невольницы. Позднее ребенок был признан и закончил свою жизнь настоятелем Прато». (Phillips William D. *Slavery from Roman times to the early transatlantic trade*. Manchester University Press, 1985. P. 98.)

Филипс приводит весьма показательные сведения средневекового автора Ириса Ориго о работорговле во Флоренции в период, предшествующий появлению здесь матери Леонардо. Это лист рабов, проданных во Флоренции с 1366 по 1397 гг.

Татары – 274,
греки – 30,
русские – 13,
турки – 8,
черкесы – 4,
боснийцы – 5,
критяне – 1,
мусульмане – 22.

Из этого числа 329 – женщины или молодые девушки, только 28 мужчин, из которых только 4 были старше 16 лет. Эта таблица свидетельствует о том, что черкесские рабы были редкостью и, видимо, стоили дорого. Соответственно, их не могли путать с кем-либо из других наций (Ibid. P. 105).

Автор XV века Агостино Джустиниани рассказывает любопытную историю о черкесской рабыне по имени Маргарита, которая в 1462 году принадлежала ремесленнику и страдала от неизлечимой болезни. С огромной набожностью она поцеловала обрывок власяницы Святой Катерины Сиенской и была исцелена. Государство затем освободило ее, что отражало осознание греховности рабства, а также чувство уважения к святой. (Epstein Steven A. *Genoa and the Genoese 958 – 1528*. The University of North Carolina Press, 1996. P. 282 – 283.)

После захвата османцами Кафы в 1475 г. коммуникации европейцев с бассейном Черного моря оказались почти полностью прерваны. Черное море на более чем два столетия превратилось во внутреннее озеро Османской империи. Но и в XVI – XVII веках европейские коммерсанты и миссионеры проникали в черноморский регион. Поэтому какое-то незначительное число уроженцев Черкесии различными путями могло оказываться в странах Западной Европы. Кроме этого, существовала постоянная возможность для европейцев приобретать черкесских невольников на османском рынке. Таким путем оказалась во Франции знаменитая черкешенка Аиссе.

Мировую известность приобрела уроженка Черкесии – знаменитая светская дама Франции и основательница эпистолярного жанра французской литературы мадемуазель Аиссе (1694-1733). Ее выгравированный портрет работы Ф. Вексельберга демонстрирует нам типичную

черкесскую красавицу. Известность Аиссе была основана не только на ее интеллектуальной одаренности и красоте, но и высоком моральном облике, который вызывал восхищение, смешанное с удивлением.

Ги Бретон пишет о той неудаче, которую потерпел самый знаменитый любовник Франции: «Регент Франции Филипп Орлеанский заинтересовался знаменитой мадемуазель Аиссе. Это была молодая красивая черкешенка, которую г-н де Ферьольт, французский посол в Константинополе, купил на невольничьем рынке за восемь тысяч франков, намереваясь сделать ее своей любовницей. Когда его отозвали во Францию, он привез с собой юную Аиссе – ей было тогда восемнадцать лет – и попытался затащить в постель, но, если верить Сент-Беву, который защищает добрую память Аиссе с поразительной горячностью, потерпел полную неудачу. Когда регент встретился с ней в одном из салонов, она была уже не угловатым подростком, а красивой женщиной двадцати пяти лет. Влюбившись в нее, он с обычной своей непринужденностью предложил ей пройтись в спальню. Однако у бывшей рабыни оказалось больше гордости и достоинства, нежели у придворных дам: она ответила, что никогда не согласится стать его любовницей, а если он будет принуждать ее, то немедленно удалится в монастырь. Несколько удивившись, регент не стал настаивать. (Бретон Ги. От великого Конде до Короля-солнце. Истории любви в истории Франции. Пер. С. Г. Чалтыкьян // <http://lib.rus.ec/b/71969/read>.)

В этом же плане показательной является судьба целого ряда черкешенок, волею случая оказавшихся в среде европейской элиты. В творческом наследии знаменитого голландского живописца Антониса Ван Дейка хорошо известен портрет леди Элизабет или Терезии Ширли, облаченной в восточный костюм. (Портрет был написан в Генуе в 1622 г.) Черкешенка Элизабет-Терезия Ширли (род. 1589 г.), супруга лорда Роберта Ширли, дочь черкесского военачальника по имени Сампсаф Искаон, находившегося на службе у иранского шаха Аббаса I. Встреча Ван Дейка с семейством Ширли произошла в Генуе. Сэр Роберт Ширли являлся крупным английским внешнеполитическим деятелем, многократно бывал в Иране, где и познакомился со своей будущей супругой. Первоначально информация о Терезии Ширли и ее отце Сампсафе Искаоне, и его черкесском происхождении получена из письма московской исследовательницы Ольги Кошелевой, которой автор этой публикации приносит искреннюю признательность.

В английских публикациях, посвященных Роберту Ширли, неизменно подчеркивается черкесское происхождение Терезии и ее отца. Имя последнего указывается как Исмаил-хан, что, вероятно, было его мусульманским именем, полученным на шахской службе. Так, в одной из обстоятельных биографических статей отмечается, что «перед 1607 г. он женился на Терезии, дочери Исмаил-хана, черкеса знатного происхождения и христианской веры, который приходился родственником одной из черкесских жен шаха Аббаса».

Вполне вероятно, что черкешенкой (абазинкой) являлась и Мария (Тинагин) ди Дзиба, супруга итальянского путешественника и диплома-

та Пьетро Делла Валле (1586-1652), современника Роберта Ширли, также много времени проведшего в Иране. Нахождение значительной черкесской общины в Иране времен шаха Аббаса является хорошо засвидетельствованным фактом. Черкесская община была увлечена в Иран с территории Кахетии, куда немногим ранее переселилось значительное число черкесов, поступивших на военную службу к царю Кахетии. Первая жена итальянского дипломата происходила из Багдада, но при этом носила типичную абхазскую фамилию Маан – ее полное имя звучало как Ситти Маани Джозерида Делла Валле. Она умерла рано и не родила детей своему супругу, но успела приютить в своем доме девочку Тинатин, осиротевшую дочь кахетинско-черкесского военачальника по прозвищу Дзиба. Та выросла, стала женой своего благодетеля и родила ему много детей. Потомки этой пары до сих пор живут в Италии и других странах. (Ватейшвили Д. Л. Грузия и европейские страны. Т. 1. М., 2003. С. 15, 63.)

Образ Черкесии, загадочной страны на Кавказе, ее рыцарство и красота стали неотъемлемой частью европейского романтизма в литературе и живописи. Михаил Лермонтов, великий поэтический гений России шотландского происхождения, создал свои лучшие произведения именно на черкесскую тему. Его поэма «Измаил-бей» является как самым крупным произведением, так и заслуженно считается венцом его творчества. Черкесы представлены у Лермонтова как исключительно благородный и отважный народ, рыцарскими нравами которого нельзя не восхититься. Эпиграф к этой поэме взят им у Байрона, творчество которого оказало на него огромное влияние. Для нашей темы очень символично, что и британский поэтический гений в поэме «Гяур» уделил внимание теме Черкесии и образу черкешенки.

«Так шествовала по земле дочь Черкесии,
Прелестнейшая птица Франгистана».
(«So moved on earth Circassia's daughter.
The loveliest bird of Frangestan»).

Эти строки великого поэтического гения можно отнести и к мадемуазель Аиссе, и к другим великим черкешенкам Европы.

Но, как оказывается, интерес к черкешенке был продиктован не только эстетическими пристрастиями писателей, но и тем неопенимым вкладом, который внесли женщины-врачевательницы Черкесии в развитие европейской медицины. Клод Адриан Гельвеций писал: «Как много мы обязаны легкомысленной черкешенке, которая, желая сохранить свою красоту или красоту своих дочерей, первая решила привить себе оспу! Скольких детей оспопрививание вырвало из когтей смерти! Может быть, нет ни одной основательницы монашеского ордена, которая оказала бы миру столь же великое благодеяние и тем самым заслужила бы его благодарность». (Клод Адриан Гельвеций. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1975. С. 254.) В числе первых спасенных детских жизней в Европе были особы королевских домов.

В XVIII в. внимание к черкешенкам неуклонно росло, что было связано с вовлечением территорий Османской империи в орбиту интел-

лектуального обозрения европейцев. В числе стран, заново открываемых европейцами, была Черкесия. Философ истории Иоганн Готфрид Гердер (1744-1803) уделил особое внимание теме красоты черкешенок в главе «Органическое строение в областях, где живут изящно сложенные народы»: «Здесь – Черкесия, родина красоты... черкешенок все знают и все превозносят за их красоту, за черный шелк тонких бровей, за черные глаза, в которых горит огонь, за гладкий лоб, маленький рот, округлость лица. Прямо кажется, что стрелка весов человеческого телосложения замерла тут на середине, и на одной чаше весов – Греция, а на другой – Индия, Запад и Восток. Счастье, что Европа была не очень удалена от этого средоточия красивых форм, что многие из населивших Европу народов в разное время или жили в областях между Черным и Каспийским морями или же медленно прошли по этим землям. По крайней мере, европейцы – отнюдь не антиподы тамошних мест». (Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. Пер. и прим. А. В. Михайлова. М.: «Наука», 1977. С. 149-150.)

А. Н. Соколова, выдающийся специалист по черкесской музыкальной культуре, при анализе проблемы происхождения танца «Черкесский круг» в странах Западной Европы, отмечает: «Еще в XVIII-XIX вв. для лондонской оперной сцены избирались сюжеты из черкесской жизни. Епископ сэра Генри Ровлей, автор многих музыкальных опусов, директор Ковент Гардена, возглавлявший знаменитый лондонский оперный театр 14 лет, свою первую полновесную оперу назвал «Черкесская невеста» («Circassian Bride»). 23 февраля 1809 г. состоялась ее премьера в театре «Drury Lane», но буквально на следующий день случился пожар, здание театра сгорело дотла, и вместе с ним сгорела партитура оперы. Черкесский сюжет был использован и другим автором – Томасом Линлеем. Автор более чем 30 опер в 1781 г. создает трагедию «Прекрасная черкешенка». Конечно, сегодня, не имея партитуры, невозможно судить о музыке английских композиторов. Исследование «Черкесского круга» только началось, и на данный момент для нас самым ранним документом, свидетельствующим о наличии в Англии танца с таким названием, является книга Поллака «Дополнение к современной Терпсихоре» (Лондон, 1820). К сожалению, в книге нет нотных примеров. В справочнике по популярным народным танцам Джеймса Скотта Скинера, созданном в 1900 г. и изданном в 1905 г., «Черкесский круг» назван «замечательным легким танцем». Мелодия к нему не приводится, но отмечается, что оригинальная музыка может варьироваться с любыми подходящими мотивами. Французы констатируют, что «Черкесский круг» они заимствовали из Англии в начале XX в.». (Соколова А. Н. «Черкесский круг» <http://www.gazetayuga.ru/archive/2007/21.htm>.)

В последнее время стала появляться весьма интригующая информация, связанная с этногенетическими корнями великого Колумба. Так, Николай Тернавский, на основе статей испанских сайтов, сообщает: «Исследование ДНК останков, покоящихся в севильском соборе Св. Марии, показали, что они принадлежат мужчине 50 лет. Сравнительный анализ с ДНК брата Колумба Диего, чей прах также покоится в Севилье,

по утверждению историка Марсиала Кастро, свидетельствует о том, что они принадлежат именно Христофору Колумбу... Директор лаборатории генетической идентификации Гранадского университета Хосе Антонио Льоренте, проводивший исследование ДНК Х. Колумба и его братьев, заявил, что семья великого мореплавателя «почти с уверенностью является кавказской». Кавказский след – весьма интересный поворот в изучении родословной великого открывателя. Как известно, генуэзские колонии появились на южном побережье Тавриды уже в XII в., в XIV в. они объединились в княжество. Центр его располагался в Кафе (бывшей и нынешней Феодосии)... К тому времени политические, торговые и культурные связи итальянцев с аборигенами Крыма и Кавказа упрочились и окрепли. Появилась даже некоторая прослойка черкесов-франков, т.е. метисов. Знатные итальянцы брали в жен дочерей черкесских князей. Князья адыгских племен принимали католичество и женились на итальянках. В регионе весьма развита была работорговля. Каким образом был связан Христофор Колумб с жителями Кавказа: был ли его предок романизированным кавказцем, одним из черкесских князей, принявшим католицизм и перебравшимся на Аппенины, или же он обязан своим родством по женской линии, сказать сложно». (Тернавский Н. Кавказский след Колумба <http://www.proza.ru/2009/03/14/908>.)

В этом же контексте весьма показательной является информация о черкесских корнях нынешнего мэра Лондона Бориса Джонсона (Boris Johnson), появившаяся в результате его интервью газете «The Daily Mail» в 2008 г. (<http://forum.russianamerica.com/f/archive/index.php/t-45073.html>).

По словам Джонсона, его прапрабабушка, черкешенка с юга России, была продана его прапрадедушке в Турции, после того как бежала туда из-за войны на Кавказе в 1862 г. Затем, как утверждает Джонсон, они поженились, и его прапрабабушка получила свободу. Со стороны отца Джонсон – правнук Али Кемаль-бея (1868-1922), либерального турецкого журналиста и министра внутренних дел в правительстве Дамат Ферид-паши, великого визиря Османской империи, который был убит во время турецкой войны за независимость. Али Кемаль-бей был сыном той самой черкешенки, о которой рассказал Борис Джонсон.

Так, совершенно удивительным образом проявляются следы генетического влияния черкесов, вовлеченных на протяжении веков в национальные истории многих народов и стран.

АДЫГИ В ИСТОРИИ

КАБАРДИНСКИЕ КНЯЗЬЯ – ПЕРВОПРОХОДЦЫ К СОЮЗНИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ С РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ

Инал Нэху (Светлый) (конец XIV – первая половина XV вв.)

Родоначальник кабардинских, бесланеевских, темиргоевских, хатукаевских и части хегакских княжеских фамилий.

К Иналу возводила себя и известная осетинская фамилия Хетагуровых. Основатель Черкесского феодального государства в первой половине XV века. По преданию, происходил из черкесских мамлюков, был султаном Египта и Сирии, откуда вернулся на Кавказ и сумел объединить адыгские народы. Верховный князь Кабарды Темрюк Идаров – праправнук Инала Светлого. Инал считался идеальным правителем.

Был удачлив в войнах, проводил активную внешнюю политику. Его реформы по внутреннему управлению Черкесией, введение института 40 судей и др. способствовали политической консолидации адыгов.

Инал объединил адыгов и часть родственных им абхазов и абазин.

Верховный князь Кабарды Темрюк (Кемиргоко) Идаров (1502-1571)

Старший сын Идара Инармасовича, праправнук Инала – родоначальника адыгских князей. С середины 50-х гг. XVI в. до 1571 г. правил Кабардой. Инициатор заключения военно-политического союза между Кабардой и Россией (1557). Отважный воин, проповедовавший справедливость и законы рыцарской чести родного народа. Связи Темрюка Идарова с русским правительством стали еще прочнее после женитьбы Ивана

Грозного на его дочери Гуашэнэ (Марии) 21 августа 1561 г. В 1566 г. в союзе с бесланеевцами разгромил войска Буда-шамхала. Построил в месте слияния Сунжи и Терека первое адыгско-русское военное укрепление. В 1570 г. кабардинское войско пришло на помощь западным адыгам, которые подверглись нашествию крымского царевича Алды-Гирея. В решающем сражении на реке Афипс Темрюк был ранен, а два его сына, Мамстрюк и Домануко, попали в плен.

Темрюк скончался от полученных ран через несколько месяцев. Его потомки, выезжавшие на русскую службу в Москву, проявили себя ярко на политическом, военном и дипломатическом поприще.

Верховный князь Кабарды Камбулат Идаров (1508-1589)

Младший брат Темрюка Идарова. Правил Кабардой 12 лет (1577-1589). Продолжил политику союзничества с Россией. Возглавил кабардинское посольство в Москву в 1578 г. В результате получил от Ивана Грозного жалованную грамоту, в которой оговаривались условия вступления Идаровых под покровительство России. Камбулат Идаров – организатор обороны южных рубежей Российского государства.

Бесланеевский князь Машуко Каноков (1512-1561)

Верховный князь Бесланея. Возглавил посольство западных адыгов в ноябре 1552 г., прибывшее в Москву к Ивану Грозному с просьбой о покровительстве. В 1557 г. окончательно выезжает в столицу России, принимает крещение под именем Ивана. Командир Передового полка в Ливонской войне (1558-1559). Вместе с воеводой Дмитрием Вишневецким и жанеевским князем Сибoko направлен в Черкессию для участия в боевых действиях против турок и крымских татар (1560-1561), в ходе которых, видимо, и погиб.

Видный военный деятель России и Кабарды Мамстрюк Черкасский (1524-1601)

Старший сын верховного князя Кабарды Темрюка Идарова. Брат русской царицы Марии Темрюковны. Витязь огромного роста и недюжинной физической силы. В кабардинских песнях и русских сказаниях его часто именуют любимым царским шурином. В 1583 г., командуя объединенными силами кабардинцев и гребенских казаков, разбил турецкого полководца Осман-пашу. Дипломат. По поручению Московского правительства вел переговоры в Дагестане и Грузии. Получил жалованную грамоту на княжение в Кабарде, но реализовать свои притязания не смог. Погиб вместе с братом Домануко от рук вассала Крымского ханства Кази Пшеапшокова.

ДОЧЕРИ КАБАРДИНСКИХ КНЯЗЕЙ – ЦАРИЦЫ РАЗНЫХ СТРАН И ЗЕМЕЛЬ

Касимовская ханша, кабардинская княжна Алтынчач Идарова (1525-1583)

Старшая дочь верховного князя Кабарды Темрюка Идарова, родная сестра Марии (Гуашэн) – супруги Ивана Грозного. Жена Астраханского царевича Бекбулата, чьи земли вплотную подступали к Кабарде. После

присоединения Астраханского ханства к России Бекбулат и Алтынчач утверждены Иваном IV на ханский престол в Касимовском ханстве. Их сын Саин-Булат (в крещении Симеон Бекбулатович) был вызван в Москву Иваном Грозным и посажен на русский престол в период второго этапа опричнины (1574-1576).

Ханша Большой Ногайской Орды, кабардинская княжна Алхуроб Идарова (1528-1597)

Средняя дочь верховного князя Кабарды Темрюка Идарова. Жена Тинахмета – сына правителя Большой Ногайской Орды. После смерти отца Измаила (1563) Орду возглавил Тинахмет. Династический союз между Кабардой, Большой Ногайской Ордой и Россией стал мощным объединением для борьбы с Крымским ханством и Блистательной Портой. С 1590 г. Большой Ногайской Ордой правил Иштерек, сын кабардинской княжны Малхуроб и хана Тинахмета, продолживший политику укрепления русско-кабардино-ногайских отношений.

Русская царица, кабардинская княжна, жена Ивана Грозного Мария Темрюковна Идарова (1544-1569)

Родилась в Малой Кабарде. Младшая дочь верховного князя Кабарды Темрюка Идарова. В девичестве – Гуашэнэ, приняла крещение и была названа Марией. 21 августа 1561 г. русский царь сочетался с ней вторым браком. Этим браком был закреплен военно-политический союз Российского государства и Кабарды. У Марии Темрюковны и Иоанна Васильевича родился сын Василий (1563), который умер в младенчестве.

Грузинская царица, малокабардинская княжна Русудан Татарханова (1688-1756)

Дочь князя Малой Кабарды Гилахстана Татарханова, супруга царя Картли Вахтанга VI (1675-1737).

Молодая княжна Данизат после крещения (1705) приняла имя Русудан. 19 лет правили Картли Вахтанг VI и кабардинская княжна.

У них были три сына и две дочери. После падения Картлийского царства от иранских захватчиков Вахтанг VI вместе с семьей эмигрировал в Россию.

Старший сын Бакар дослужился до звания генерал-поручика, младший Георгий стал генерал-аншефом, дочь Тамара вышла замуж за царя Теймураза II.

ЧЕРКАССКИЕ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИИ

Потомки кабардинского князя Идарова (Темрюковичи, Камбулатовичи, Сунчалеевичи) с середины XVI в. составили ядро княжеской группировки, которая ориентировалась на Москву. С этого периода многие представители названных родов стали выезжать на службу в Россию и стали известны здесь как Черкасские. Они в ранге служилых князей сразу вошли в существующую иерархию званий и должностей и заняли высшее положение в России. Черкасские активно участвовали в политической жизни русского общества, занимали высокое положение в аппарате управления, являлись крупными землевладельцами. Среди них были руководители приказов и коллегий, видные военные и государственные деятели в ранге генералиссимуса и великого канцлера, губернаторов и командующих армиями.

Около 12 представителей рода Черкасских в разное время входили в состав Боярской думы – высшего государственного органа, исполнявшего законодательные, судебные и военно-административные функции в течение определенного периода русской истории.

Черкасские с момента выезда из Кабарды вплоть до угасания рода своими родственными связями с правящим домом и крупными русскими княжескими родами, своим устойчивым положением в социально-экономической и политической структуре государства во многом обеспечили стабильность кабардино-русских взаимоотношений.

Глава Правительства Российского государства Иван Черкасский (1579-1642)

Князь. Боярин. Видный государственный и военный деятель. Сын Бориса Камбулатовича, двоюродный брат основателя новой царской династии Романовых – Михаила Федоровича (1613-1645). Командуя Большим полком, разбил на подступах к Москве претендента на русский престол польского королевича Владислава. Возглавлял Стрелецкий, Иноземный приказ, Казенный двор и Большую казну. Создатель Аптекарского приказа. Председатель Правительства (с 1633 г.). В 1638 г. назначается главным воеводой русской армии. Один из образованнейших людей своего времени.

Видный российский военный и государственный деятель Дмитрий (Каншао) Черкасский (1586-1651)

Князь. Стольник. Боярин (1619). Внук Темрюка Идарова, сын князя Мамстрюка. В 1613 г. воевода Каншао Мамстрюкович освободил от польско-литовских войск Вязьму и Дорогобуж, крепость Белую. Через пять лет разбил орды польского королевича Владислава под Можайском. Возглавлял приказ Казанского дворца, ведавшего всеми восточными землями России. При освобождении Москвы от поляков в 1612 г. был ближайшим

сподвижником Дмитрия Пожарского. Выдвигался на царский престол как родственник Ивана Грозного, но в пользу Михаила Романова отказался выставлять свою кандидатуру.

Великий канцлер России Яков (Урускан) Куденетович Черкасский (1604-1666)

Сын верховного князя Кабарды Куденета Камбулатовича Черкасского. В 1624 г. уехал в Россию.

Его крестным отцом стал родной дядя царя Иван Никитович Романов. Первый в Золотой палате среди стольников. Талантливый полководец, внесший заметный вклад в укрепление и расширение Русского государства. Разбил армию гетмана Великого княжества Литовского Радзивилла (1654), гетмана Речи Посполитой Гансевского (1654), нанес поражение королю Польши Яну Казимиру (1663).

Возглавлял при царе Алексее Михайловиче Правительство России, Стрелецкий приказ (вооруженные силы), Иноземный приказ (иностран- ные дела).

Известный российский и кабардинский военный деятель, дипломат Касбулат Черкасский (? - 1681)

Князь. Старший сын Муцала Сунчалеевича.

В 1661 г. получил от царя Алексея Михайловича грамоту на княжение в Терском городке. Освобождал от разинцев Астрахань (1670). Командовал гребенскими казаками и кабардинцами при штурме османской крепости Азов (1674). Участник похода в Крым через Гнилое море (Сиваш), руководитель соединения в Русско-турецкой войне 1676-1681 гг.

В результате его дипломатических усилий был заключен мирный договор между Османской империей и Россией (1681).

Первый российский генералиссимус Михаил (Алей) Алегукович Черкасский (1645-1721)

Родился в Кабарде. Князь. Старший стольник, боярин. Новгородский и Московский воевода.

Предводительствуя русским войском (1679), удержал османов и крымцев от вторжения на Украину и нанес им значительный урон под Киевом. Доверенное лицо и ближайший сподвижник Петра Великого. Главнокомандующий сухопутными войсками России. 14 декабря 1695 г. стал первым российским генералиссимусом.

Посол Петра Великого, известный картограф Александр (Долетгерий) Бекович-Черкасский (1671-1717)

Из кабардинского княжеского рода Бекмурзиных. В 1690 г. уехал на службу в Россию. В числе молодых офицеров Петр I отправил его за границу для изучения военно-морского дела. В 1711 г. едет с дипломатической миссией на Северный Кавказ.

Позже возглавил экспедицию в Среднюю Азию (1714). Составитель первой подробной карты Каспийского моря. Через три года Петр I отправил Бековича-Черкасского в Хиву, где лейб-гвардии капитан Преображенского полка погиб в результате предательства хана Ширгази.

Великий канцлер России Алексей Михайлович Черкасский (1680-1742)

Князь. Губернатор Сибири (1719-1725). Будучи сенатором, награжден орденами св. Андрея Первозванного и св. Александра Невского. В 1740 г. назначен великим канцлером России. Действительный тайный советник.

Им были подписаны трактаты о союзе с Пруссией (1740), Великобританией (1741), конвенция с Данией (1741) и мн. др. документы. Честность, неподкупность и стойкость в защите интересов государства признавали за ним даже его враги. Был богатейшим человеком в России.

Адмирал флота, потомок князя Редеди Федор Ушаков (1745-1817)

Потомок касожского (адыгского) князя Редеди.

Великий русский флотоводец, адмирал (1799). Командующий Черноморским флотом (1790). Разработал и применил маневренную тактику, одержав ряд крупных побед над турецким флотом в Керченском морском сражении, у Тендры (1790) и Калиакрии (1791). Во время войны против Франции (1798-1800) успешно провел Средиземноморский поход русского флота. В 38 морских сражениях одержал 38 побед. Канонизирован Русской православной церковью 5 августа 2001 г. как святой праведный воин, адмирал Флота Российского.

Герой взятия крепости Измаил Измаил-Бей Атажукин (1750-1812)

Князь. Полковник русской армии. Прототип героя поэмы Михаила Лермонтова «Измаил-Бей» (1832). Видный общественно-политический деятель Кабарды. Учился в Крыму и России. Герой взятия Очакова (1788)

и Измаила (1790). Награжден орденом св. Георгия IV степени и бриллиантовой медалью. Участник переговоров по заключению Ясского мирного договора с Османской империей (1792). Посол императора Александра I на Кавказе. Автор работ «Краткое описание жителей горских черкас», «Записка о жителях Кавказа» и др. Ратовал за мирную интеграцию кавказских народов в Российскую империю.

Первый адыгский писатель, генерал-майор Российской армии Султан Казы-Гирей (1807-1863)

Князь. Участник Русско-персидской войны (1826-1828). Служил в лейб-гвардии Кавказско-горском полку эскадроне. Генерал-майор (1858).

Командовал полками, корпусом. Награжден золотым оружием с надписью «За храбрость».

Был знаком с А. С. Пушкиным, который высоко оценил литературные способности адыгского писателя.

Его произведения «Долина Ажитугай» и «Персидский анекдот» напечатаны в первых двух номерах журнала «Современник» (1836).

В. Г. Белинский в рецензии на публикации нового издания отмечал, что «Долина Ажитугай» примечательна как произведение черкеса, который владеет русским языком лучше многих почетных наших литераторов».

Адыгский просветитель, этнограф, историк Султан Хан-Гирей (1808-1842)

Участник Русско-персидской войны (1826-1828).

Служил в лейб-гвардии Черноморском эскадроне. Командир Кавказско-горского полку эскадрона в Санкт-Петербурге. Флигель-адъютант. Автор крупного историко-этнографического труда «Записки о Черкесии». Император Николай I назвал его «черкесским Карамзиным».

Перу талантливого исследователя принадлежат работы «Черкесские предания», «Вера, нравы, обычаи, образ жизни черкесов», «Князь Канбулат», «Бесльный Абат» и др. Хан-Гирей был уверен, что в составе России адыги получают «новую, изящную жизнь посредством образования». Исторические и этнографические работы великого черкесского просветителя внесли заметный вклад в российскую и мировую науку.

Кабардинский просветитель, выпускник МГУ, поэт Лукман Мухамедович Кодзоков (1818-1893)

Государственный и общественный деятель. Талантливый историк, философ и публицист.

Вырос в семье известного деятеля России А. С. Хомякова. В крещении Дмитрий Степанович. Окончил

Павловский пансион и Московский университет. Будучи студентом МГУ, издал сборник под названием «Стихотворения молодого черкеса» (1837).

С 1839 г. жил в Пятигорске, служил в Закавказье (1844-1863). В 1863 г. назначается председателем сословно-поземельной комиссии Терской области. Ратовал за введение образовательных учреждений в Кабарде, открыл начальную школу в родном ауле Абуково. Организатор кабардинского конного рассадника.

Писатель, просветитель, генерал-майор Российской армии Султан Адыль-Гирей (1820-1876)

Общественный, политический и военный деятель. Родной брат С. Хан-Гирея. Автор рассказов и этюдов «Жена черкеса», «Сулейман-эфенди», «Рассказ аварца», «Поход в Дарго», «Очерки горских народов» и др. Один из зачинателей адыгской национальной литературы, этнографии и историографии. На российской военной службе с 18 лет. Командовал полками, дивизией. Комендант Варшавы (60-е гг.). В 70-х гг. состоял в свите императора Александра II. В чине генерал-майора служил в Тифлисе.

Писатель, издатель, дипломат Казибек Ахметуков (1870-1929)

Родился в Турции. Рано лишившись родителей, переехал на Кавказ, усыновлен четой Эттингеров. Жил в Тбилиси и Одессе. Печатался в журналах «Вокруг света», «Звезда», «Живописное обозрение», «Нива», «Природа и люди», во многих газетах. В 1896-1903 гг. издает в Москве, Одессе и Бобруйске книги «Черкесские рассказы», «Повести сердца», «Тяжелый долг», «Современная Турция» и др. Главный редактор и издатель журнала «Мусульманин» и газеты «В мире мусульманства» (1908-1912). Российский и советский разведчик.

АДЫГСКИЕ ПРАВИТЕЛИ, ПРОСВЕТИТЕЛИ, ПИСАТЕЛИ, ВОЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ, БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА И ЕВРОПЫ

Султан Египта и Сирии Захир Бейбарс I (1226-1277)

Родился в Черкесии. Прошел курсы военного искусства в Дамаске. Талантливый полководец. Нанес несколько серьезных поражений крестоносцам. Правил Египтом и Сирией 17 лет. Победоносные походы сделали его популярным среди грозных мамлюков бахритской династии. При Бейбарсе I произошло перераспределение земельных владений, Каир и Александрия пре-

вратились в города-посредники в широкой торговле Востока с Западом.

Запретил курение гашиша, закрыл все питейные заведения и публичные дома. Издал закон (1264), запрещающий женщинам носить чалму и мужскую одежду. Во время голода в Каире обязал феодалов кормить за свой счет бедняков «вечного города». Жизни и деятельности черкесского правителя посвящены арабский народный роман «Жизнеописание султана аз-Захира Бейбарса» (XIV в.) и «Повести красных и черных песков» русского писателя Мориса Семашко (XX в.)

Султан Египта и Сирии Захир Беркук (1327-1399)

Первый султан черкесской (бурджитской) династии. Был правителем Египта и Сирии дважды – в 1382-1389 и 1390-1399 гг. В войнах с османами значительно укрепил границы государства, улучшил экономическое благосостояние страны. К эпохе Беркука восходит зарождение геральдики; развиваются архитектура, гончарное производство и обработка металлов.

Султан Египта и Сирии, поэт, музыкант, зодчий Сейфеддин Муаед (Кармоко) (1371-1421)

Родился в Кабарде. Был пажем. Зять султана Беркука. Увлекался гуманитарными науками.

Градоначальник Дамаска. Будучи правителем страны (1412-1421), продолжал сочинять музыкальные произведения, писать стихи. Занимался благотворительностью, провел в Египте и Сирии денежную реформу. За девять мирных лет Сейфеддин Муаед преумножил богатства государства, закрепил его границы.

«До сих пор стоят почти все построенные черкесскими мамлюками великие памятники, – пишет в документальной книге «Каир» английский писатель, лауреат Ленинской премии Джеймс Олдридж. – Их много, но два памятника (в том числе и мечеть Муаеда) являются образцом их изощренного, декадентского и в то же время замечательного и чарующего вкуса в архитектуре».

Султан Египта и Сирии ал-Ашраф Каит-Бей (годы правления 1468-1496)

**Султан Египта и Сирии
Джамболат Ашраф**
(годы правления 1500-1501)

Султан Египта и Сирии ал-Ашраф Кансава ал-Гаури (Каншао Гъур) (1431-1516)

Занял трон в 1501 году. Один из знаменитых султанов черкесской династии. Человек сильной воли. Несмотря на то, что ему в наследство досталась страна, пережившая тяжелый кризис, сумел за короткий срок упрочить безопасность Египта и Сирии; ликвидировал анархию и улучшил финансовое положение государства.

За 15 лет правления мудрый мелик проложил в Каире и Дамаске множество каналов, построил цитадели на побережье Средиземного моря, училище-мечеть (1503) и школу. В ар-Рамиле воздвиг великолепную библиотеку, в Старом городе – мельницы. Славился щедростью к стихотворцам и музыкантам.

Из Черкесии в Египет попал в зрелом возрасте, поэтому сохранил свое настоящее кабардинское имя – Каншао.

**Известный египетский ученый и писатель
Ал-Макдиси Абу-Халид**
(1416-1483)

**Известный арабский историк
Мухамед ибн Ийас**
(1448-1524)

**Султан Египта
Али-бек ал Кабир
(1728-1773)**

Классик французской литературы Шарлотта-Элизабет Аиссе (1694-1733)

Родилась на Кавказе. Куплена в малолетнем возрасте французским дипломатом графом де Ферриолем на Стамбульском невольничьем рынке. Из черкесского княжеского рода.

В Париже получила светское образование, общалась со многими незаурядными деятелями своего времени, в том числе с великим просветителем Вольтером, писательницей де Тансен и др. В своих знаменитых «Письмах к госпоже Каландрини» с необычайным мастерством рассказывает о своей любви, переживаниях и страданиях, о близких, знакомых, нравах французского общества XVIII века.

Вольтер посвятил Аиссе мадригал, крупнейший критик Ш. О. Сент-Бев создал ее литературный портрет. Многие известные прозаики Европы не обошли вниманием достойную жизнь Аиссе, написав о ней рассказы, повести, романы и драмы.

**Маршал Турции
Фуад Дели-паша
(1835-1931)**

**Султан Турции
Тлашэ Хердин-паша
(1819-1890)**

Классик турецкой литературы Ахмед Мидхат (Хагур) (1844-1913)

Родился в Стамбуле. Один из основоположников новотурецкой литературы. Издатель, публицист, прозаик, драматург. За оппозиционные статьи сослан на остров Родос (1873-1876).

Автор 800 романов, пьес, рассказов, работ по вопросам истории, религии, философии, географии. Известность принесли ему романы «Янычары», «Второе рождение», «Танцовщица», «Адмирал Винт», «Девушка с дипломатом», «Младотурок», «Кавказ», пьесы «Черкесские дворяне», «Грузинская девушка», рассказы «Гордость Кавказа», «Смерть в руках Всевышнего», «Второе рождение» и мн. др. Основатель Черкесского благотворительного общества в Стамбуле (1908), национальной школы при Хасэ.

**Маршал Турции
Бэрэддж Зеки-паша
(1861-1922)****Классик мировой литературы Омер Сейфеддин (Хатко) (1884-1920)**

Родился в турецком городе Гёнен. Окончил высшее военное училище. Преподавал в жандармской академии. Воевал на Балканах, попал в плен. С 1912 года уходит из армии и целиком посвящает себя литературной деятельности.

Основатель жанра новеллы в современной турецкой литературе. Его книги изданы во многих странах. Когда разговор заходит о турецкой сатире, первым называют имя Омера Сейфеддина.

Соединял в себе талант разностороннего прозаика и глубокого мыслителя.

Гениальными творениями великого черкеса считаются новеллы «Взятка», «Коллекция», «Жена фон Садриштайна», «Колода», «Ночь свободы», «Чин», «Дурак», повесть «Эфруз-бей» и мн. др.

Неоклассик арабской поэзии, премьер министр Египта Махмуд Сами-аль-Баруди (1838-1904)

Из знатной черкесской семьи Наурузоко. Окончил

военное училище и академию. Знаток истории арабов и адыгов. Участник критской (1866), русско-турецкой (1877) войн. Отмечен высшими наградами Турции и Египта. Губернатор провинции аш-Шаркийя и Каира. Министр просвещения и вакуфов (1878). Активный участник национально-освободительного движения 1879-1882 гг. против английских колонизаторов. Министр обороны, премьер-министр. Его революционное правительство разработало демократический избирательный закон, закон об уничтожении барщины. Своим декретом Баруди запретил курбаш, начал энергичную борьбу с злоупотреблениями чиновников, взяточников и казнокрадов. Но, как и прежде, вмешались внешние силы. И британские колонизаторы в период с 11 июля по 14 сентября 1882 года задушили борьбу египтян за независимость. Через три месяца Баруди и его ближайших сподвижников отправили на пожизненную каторгу на остров Сарандиб (Цейлон). Изгнание длилось 17 лет. В эти трудные и томительные годы написал свои лучшие стихи и поэмы. Баруди считают основоположником поэзии нового типа.

Герой Французского сопротивления Елмасхан Хагундокова (1904-1985)

Родилась в Кабарде. Окончила медицинский институт. Активная участница Второй мировой войны.

Добровольно вступила во французскую армию. Руководила военно-хирургической службой 3-й пехотной дивизии в Северной Африке. Спасла жизни свыше 3000 раненых солдат и офицеров. Сражалась в Тунисе, Италии, Франции и Германии. Участница знаменитого парада 14 июля 1945 года в честь Победы над фашистской Германией. Кавалер многих военных наград Франции и других государств. Командор ордена Почетного Легиона. Являлась крестной матерью Первого кавалерийского полка Иностранного легиона. После смерти ей были возданы воинские почести в Доме инвалидов в Париже – первый случай для женщины во Франции.

**Мисс мира 1932 года
Кариман Халис
(1912-2011)**

Последний из убыхов – хранитель языка и преданий родного языка Зеифэ Тевфик (1907-1992)

Прима-балерина театра «Гранд-Опера» в Париже Людмила Черина (1925-2004)

ВИДНЫЕ КНЯЗЬЯ КАБАРДЫ – ПРАВИТЕЛИ, ДИПЛОМАТЫ, ПРОСВЕТИТЕЛИ

Кабардинский дипломат, просветитель Лиуан Бжихатлов (XV век)

Родился в Кабарде, в верховьях реки Баксан.

Видный дипломат и просветитель родного народа. Советник великого князя Кабарды. Ратовал за укрепление дружбы с Русским государством.

Верховный князь Кабарды Кургоко Атажукин (1663-1710)

В период его правления произошла знаменитая Канжальская битва (1708), в которой кабардинцы наголову разбили крымско-османскую армию. Это событие имело большое значение в истории Черкесии и всего Северного Кавказа.

Кабардинские воины под руководством Кургоко Атажукина с достоинством защитили свою политиче-

скую независимость. О времени его княжения созданы многочисленные фольклорные сюжеты. В них говорится о храбром предводителе и знаменитом провидце, овеянном славой и окруженном всеобщим уважением и любовью.

Верховный князь Кабарды Хатакшuko Мисостов (? - 1721)

Сын Мисоста Казиева – верховного князя Кабарды в 70-80-х гг. XVII в. После смерти Кургоко Атажукина избран старшим князем Кабарды (1710). В годы его правления заключен союз с Россией (1711), разгромлен 15-тысячный корпус крымского хана на Кубани.

Видный кабардинский просветитель, дипломат, политический деятель Жабаги Казанoko (1685-1750)

Дворянин. Советник верховного князя Кабарды. Общественный и политический деятель, гуманист, мыслитель, реформатор и дипломат.

Придавал важное значение вопросам воспитания в духе адыгского этикета, выступал против кровной мести, за улучшение общественного положения женщин.

Особой его заслугой являлась деятельность, направленная на защиту Родины от турецких и крымских захватчиков и на прекращение феодальных распрей. Участник переговоров между Кабардой и Россией, один из авторов Сулакского соглашения между Петром I и верховным князем Кабарды Асланбеком Кайтукиным (1722). Позже (1731) посетил Петербург в составе кабардинского посольства, которое заключило договор с Россией о совместной борьбе с Крымским ханством.

Верховный князь Кабарды Хатахшоко Атажукин (1738-1809)

Верховный князь Кабарды Кучук Жанхотов (1758-1830)

Последний верховный князь Кабарды (1809-1822). Первый председатель Кабардинского временного суда (1822-1830). Полковник русской армии. Несмотря на упразднение должности верховного князя в связи с окончательным утверждением в Кабарде российской административной и судебной систем (1822), оставался до конца своей жизни признанным лидером нации. По словам пристава Кабарды И. П. Дельпоццо, Жанхотов всегда проявлял «отменную твердость характера». Активный политический деятель, стремившийся к установлению взаимопонимания между народами Северного Кавказа и России.

Кабардинский историк, просветитель, писатель Шора Ногма (1794-1844)

В адыгском просветительстве его имя занимает особое место. Историк, фольклорист, литератор, лингвист, зачинатель кабардинской письменности. Учился в Дагестане и России.

Был муллой, писарем казачьего полка, учителем в аманатской школе в Нальчике, служил в Кавказско-горском полуэскадроне в Санкт-Петербурге (1830-1835). Автор книг «История адыгейского народа», «Филологические труды».

Работая секретарем Кабардинского временного суда, защищал интересы простых людей, ставил вопросы об улучшении жизнеобеспечения родного народа.

Первовосходитель на Эльбрус, кабардинец Килар Хаширов (1799-1859)

Родился в Вольном Ауле в кабардинской семье. Проводник научной экспедиции Российской академии наук под руководством генерала Емануэля. Первым в истории в 1829 г. покорил восточную вершину Эльбруса (5633 м.). Один из основоположников российского альпинизма.

Успех отважного кабардинца запечатлен на чугунной плите, отлитой в том же году в городе Луганске.

Зарубежные очевидцы об адыгах

Так как судно, что должно было отвезти нас в Константинополь, отправлялось в путь лишь через час, мы все пошли взглянуть на этих несчастных черкесов; их состояние страдания и нужды источало из нас слёзы жалости; мы произвели сбор средств и раздали среди них продукты.

Матери, отцы брали своих малых детей на руки и, протягивая их нам, говорили: «Купите его, он хороший, он тихий, он полюбит вас, он будет вам хорошо служить; купите его, сеньор!».

То было зрелищем, разбивающим сердце. О, эти бедные матери, предлагавшие нам купить своих детей; конечно, невозможно было упрекнуть их в том, что у них нет сердца; так как, продавая их, они обеспечивали жизнь и, возможно, благополучие этим несчастным изгоям, тогда как хорошо знали, что если оставят их при себе, то те умрут от холода, голода и изнеможения. Чувством, их двигавшим, было возвышенное самоотречение...

*Олимпия Эдвард,
французская писательница; 1864 г.*

Черкесы (адыги) – один из наиболее древних народов мира. Их история столь продолжительна, что, за исключением Китая, Египта и Персии, история любой страны не более чем рассказ о вчерашнем дне. У черкесов поразительная особенность: они никогда не жили в подчинении внешнему господству. Адыги терпели поражение, их вытесняли в горы, подавляли превосходящей силой. Но они никогда не подчинялись никому, кроме собственных законов. И сейчас черкесы живут под властью своих вождей, по собственным обычаям.

Черкесы интересны ещё и тем, что представляют собой единственный народ на поверхности земного шара, который столь далеко в прошлое может проследить независимую национальную историю. Они немногочисленны, но их регион столь важен, а их характер столь поразителен, что черкесы хорошо известны древним цивилизациям. Упоминания о них встречаются у Геродота, Верия Флакка, Помпония Мелы, Страбона, Плутарха и других великих писателей. Их предания, легенды, эпос представляют собой героическое повествование о свободе, которую они сохраняют по меньшей мере в течение последних 2300 лет перед лицом самых могущественных в человеческой памяти правителей.

«Иллюстрированный журнал Глисона»; 1854 г.

В настоящем 1864 г. совершился факт, почти не имеющий примера в истории: огромное горское население, обладавшее некогда большим богатством, вооружённое и способное к военному ремеслу, занимавшее об-

ширный Закубанский край от верховьев Кубани до Анапы и южный склон Кавказского хребта от Суджукской бухты до р. Бзыба, владея самыми неприступными местностями в крае, вдруг исчезает с этой земли; между ними происходит переворот поразительный: ни один из горских жителей не остаётся на прежнем месте жительства, все стремятся очищать край с тем, чтобы уступить место его новому русскому поселению.

*Николай Евдокимов,
русский генерал, граф, покоритель Кавказа; 1864 г.*

Кабардинцы – это аристократы Кавказа... Кабардинцы храбры, честны, вовсе не склонны к вероломству и коварству; они красивы собою и очень внимательно относятся к своей внешности. «Он одет как кабардинец», – говорят на Кавказе про горца, отличающегося умением хорошо одеться. Кабардинцы изящны в движениях, отличаются изысканной деликатностью и, как выше сказано, благородством своего характера. Кабардинец редко лжёт и никогда не обманывает даже своего врага.

Александр Лавинцев, русский писатель, журналист, поэт; 1904 г.

Адыг по натуре храбр, решителен, но не любит бесполезно проливать кровь и не жесток. Ему нравится подвижная жизнь, однако он неохотно остаётся вдали от своей родины. Он больше всего на свете любит свои леса и горы; свою личную свободу он рассматривает как высшее благо; кротостью и убеждением он позволяет собой руководить, как ребёнком, и переносит даже строгость, но восстаёт против всякой несправедливости. Он ревниво относится к своей военной славе, но чистосердечно восхищается храбростью другого, даже своего врага. Легкомысленный, целый день скачущий и распеваящий, почти равнодушный, когда горит его сакля и гибнет его имущество и когда его тело разрублено и прострелено, он, однако, имеет глубокую любовь к своей семье. Его послушание родителям, его согласие в браке могли бы служить примером любому цивилизованному народу.

*Теофил Лапинский,
командир польского добровольческого отряда
в годы Кавказской войны; 1857 г.*

В Дагестане можно было совершить завоевание без уничтожения противника, и князь Барятинский охотно оставил лезгинам существование, явился покорителем, но не истребителем.

Относительно адыгейских народов он ясно понял, что Евдокимов говорит дело: что тут либо мы, либо они, а вместе мы жить не можем, – и бестрепетно решил: если так, то пусть они погибнут, а мы останемся жить

на их месте. Но истребить целый народ – это уже деяние «сверхчеловека», деяние, перед которым могут дрогнуть и Кромвель, и Наполеон. Но так как иначе нельзя поступить, чтобы свершить своё дело и заплести до конца венки своей славы завоевателя Северного Кавказа, то Барятинский решил: быть по сему.

Вся эта дикая травля – не умею найти другого слова – тянулась около четырёх лет, достигши своего апогея в 1863 году. Бедствия черкесов не поддаются описанию.

Убегая от преследований, они скитались без крова и пищи, зимой – при двадцатиградусном морозе. Зимы, как нарочно, были необычайно холодные.

Я говорю об ужасах изгнания горцев как очевидец. Когда понуждения к их выселению докатились и до Новороссийска, все горы, окружавшие Цемесскую долину и бухту, задымались столбами дыма от выжигаемых аулов, а ночью всюду сверкали иллюминацией пожаров. Мы даже не подозревали, что наши горы были так густо заселены. Дым подымался и огонь сверкал чуть не в каждом ущелье. Эта зловещая картина стояла перед нашими глазами, пожалуй, так в течение месяца.

*Лев Тихомиров, русский публицист,
общественный деятель; 1860 г.*

Большая Кабарда имела огромное моральное влияние не только на все черкесские народы, но и на соседних осетин и чеченцев... Князья и дворянство кабардинское славились своим наездничеством, храбростью, щегольством в наряде, вежливостью в обхождении и были для прочих черкесских народов образцом подражания и соревнования. Дворянский обычай кабардинцев (уорк-хабзе) сделался обычаем для всех черкесов. Черкесы характеризуют кабардинское дворянство прежних времён двумя словами – намазыра зауеныра, то есть благочестивое и рыцарство.

*Карл Сталь, русский генерал,
участник Кавказской войны; 1900 г.*

Невозможно коротко дать представление о стремительности черкесской атаки, для самых храбрых европейских войск она должна быть абсолютно ужасной, поскольку осуществляется буквально с быстротой молнии. Восхитительная тренированность лошади и всадника таковы, что все это кажется невозможным для человеческого организма. Черкесский воин никогда не сдаётся в плен и сражается до тех пор, пока в нём не останется хоть одна искра жизни.

Эдмонд Спенсер, агент английской разведки; 1830 г.

АДЫГСКИЙ ОЛИМП

Перед вами – второе, дополненное издание уникальной книги Хасан Гергова, в которой собраны биографические очерки о выдающихся адыгских спортсменах – чемпионах Европы, мира и Олимпийских игр, проживающих не только в нашей стране, но и за рубежом, в разных регионах и странах мира.

Книга адресована широкому кругу читателей, прежде всего – подрастающему поколению, педагогам, любителям спорта, а также всем, кто интересуется историей и культурой адыгского народа.

Автор этой книги, Хасан Ханахович Гергов, родился в 1950 году в селении Жемтала. Имеет два диплома Кабардино-Балкарского государственного университета – инженера-механика и ученого агронома. Долгое время работал в системе республиканской «Сельхозтехники», был одним из руководителей Нальчикского пищекомбината. В последние годы является предпринимателем; известный в республике меценат. Наряду с участием в многочисленных благотворительных акциях построил мечеть в родном селении, подготовил и издал на свои средства уникальную книгу «Адыги – чемпионы Европы, мира и Олимпийских игр», которая в 1998 году вышла в Стамбуле. Почти весь тираж данного издания, удостоенного впоследствии звания лауреата артиады народов России, использовал как призы на соревнованиях, в проведении которых принимал активное участие как бывший в прошлом спортсмен.

1. Чемпионы Олимпийских игр – 13 по разным видам спорта;
2. Чемпионы мира и обладатели Кубка мира – 82 по разным видам спорта;
3. Чемпионы Европы и обладатели Кубка Европы – 26 по разным видам спорта;
4. Всего их 121, представляющих 22 вида спорта до 2010 года. Далее – есть и другие.

Спортивная культура адыгов сыграла большую роль не только в судьбе самой нации, но и в жизни других народов и даже государств. Сведения о примерах спортивной доблести, включая очень отдаленные времена, донесли до нас устные предания. Нужно отметить, что адыгские князья и военачальники традиционно прибегали к разрешению разных споров, в том числе и военных, с помощью поединков своих пелиуанов (богатырей).

Любому обществу для нормального развития необходимы яркие личности, способные стать примером для подражания. Успехов, как правило, добивается тот, кто одержим стремлением обогнать идущего впереди. Будем надеяться, что и последующие поколения наших соплеменников окажутся именно такими.

*Юрий Темирканов с Владимиром Путиным
на Гала-концерте в Санкт-Петербургской филармонии,
посвященном юбилею Ю. Х. Темирканова*

Джамиля ХАГАРОВА

«ЮРИЙ ТЕМИРКАНОВ. МОНОЛОГ»

Отрывки из книги

Предисловие

Я познакомилась с Юрием Темиркановым в 1997 году в Нальнике, когда только делала первые шаги в журналистике. Он – в зените славы, гордость страны и нашей республики – в очередной раз вернулся в отпуск, чтобы увидеться с близкими, отдохнуть душой. Конечно, для меня было бы честью и большой удачей пообщаться с таким человеком, написать о нем в своей газете. Через знакомых нашла телефон, позвонила. И мне повезло – сразу получила согласие. Очень волновалась перед встречей, а он вошел, стройный, элегантный,

*Джамиля Хагарова.
Презентация
книги в Санкт-
Петербурге*

как будто принес с собой какой-то аристократический дух, посмотрел на меня с улыбкой, и волнение как рукой сняло. Час разговора, во время которого я буквально растворилась в бархатном тембре, пронизательных глазах, излучающих неподдельный интерес и доброту, поразительном остроумии, пролетел незаметно. Мне открылась еще одна грань этой необыкновенной личности – он потрясающий собеседник, который щедро делится своей мудростью, общается искренне, дружелюбно и на равных. Я как

будто побывала в другом измерении, в другой системе координат, в мире более чистом и честном, чем этот. Недаром он всегда говорит, что должен был родиться лет двести назад, что по духу ему ближе XIX век, когда еще было актуальным выражение «Честь имею»...

С тех пор стараюсь использовать любую возможность написать о Юрии Хатуевиче, благо информационных поводов для этого, причем самых благодатных для журналиста, всегда предостаточно. И вот, наконец, полтора года назад у меня возникла идея создания книги – ведь кроме двух сборников статей и интервью и отзывов о нем его друзей и коллег двадцатилетней давности за почти полувековую творческую деятельность ничего другого не издано. Подготовила концепцию будущего произведения и представила Маэстро в надежде на его согласие. Однако вопрос оказался сложнее, чем предполагалось. Дело в том, что Юрий Хатуевич всегда в движении, длительные паузы на большие интервью для него из разряда невозможного. Но главное препятствие заключалась в том, что он не считал нужным издание своих воспоминаний в каком-либо виде вообще: «Это ведь только называется воспоминаниями. На самом деле человек пишет о себе. Думаю, люди, которые этим занимаются, преувеличивают свое значение». Так говорит мастер, о роли которого в современном музыкальном процессе свидетельствуют любовь публики и восторженные отклики прессы на всех континентах, многочисленные награды и звания – к слову, он один из немногих деятелей искусства, кто является полным кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством».

В результате все, что мне перепало после многочисленных звонков и уговоров, – несколько встреч с Маэстро в Санкт-Петербурге. К счастью, у меня в запасе были еще не опубликованные материалы по итогам общения с ним в Нальчике. Кроме того я использовала интервью, сделанные ранее, просмотрела многочисленные публикации, телесюжеты и телефильмы о нем и с его участием. Из всего массива собранных текстов и выкристаллизовались монологи, выжимки, ставшие рассказом от лица Юрия Хатуевича. Разумеется, сохранены его интонация, стиль, особенности речи, настроение.

Текст разделен на три части, соответственно трем важным сферам жизни мастера. Первая содержит подробности творческой биографии в хронологическом порядке. Это рассказы об отце, детстве и годах учебы, о великих учителях, о его первой и самой важной победе, о работе с лучшими оркестрами мира, о легендарных оперных постановках, об опере как жанре, о секретах мастерства. Поскольку почти вся жизнь его подчинена служению искусству, эта тема занимает львиную долю повествования. Вторая часть – рассуждения Юрия Хатуевича о политике, непростых взаимоотношениях интеллигенции и власти, патриотизме, значении культуры в жизни общества. Третья – о том, что кроме музыки доставляет ему радость, что включено в его личное пространство: семья, друзья, дом, книги... И все это искренне, просто, живо, образно, где-то трогательно и романтично, где-то – с тонким чувством юмора и самоиронией, что придает тексту обаяние, присущее Маэстро, делает книгу не только интересной и познавательной, но и читабельной.

Главная ценность издания – эксклюзивность содержания: многие приведенные здесь факты ранее опубликованы не были. Но это отнюдь не мемуары, которые, думаю, великий дирижер все-таки напишет, когда сочтет, что

все задумки и планы в главном своем деле уже воплотил. Это рассказ дирижера об эпизодах творческого и жизненного пути, в котором он делится своим уникальным опытом. Например, о том, какие качества, помимо таланта, требуются для достижения вершин творчества. Как, родившись в семье, где нет музыкальных традиций, в отдаленном от больших культурных центров провинциальном городке, стать одним из лучших в мире в элитарнейшем из искусств, навсегда занять достойное место на дирижерском олимпе. И может быть, его жизнь, его судьба, его преданность любимому делу вдохновят талантливых молодых людей, мечтающих посвятить себя музыке. Хотя Юрий Темирканов и сейчас, бесспорно, – кумир для многих начинающих музыкантов.

ОТЦОВСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

В октябре 1942-го, когда враг был уже на территории республики, отец организовал партизанский отряд из односельчан и ушел в лес – таков был приказ партийного руководства. Нас он заблаговременно перевез в село. Помню, как в Зарагиж входили немцы. Мы стояли и смотрели на проезжающую с грохотом по сельским улицам бронетехнику, и земля, казалось, содрогалась от их тяжести.

Вскоре к нашему дому подъехал мотоцикл с коляской, и солдаты в немецкой форме, не обращая внимания на наши рыдания, схватили и увезли маму. Доносчики работали быстро: фашисты узнали, что она жена комиссара, и отправили в Нальчик в гестапо. Гитлер издал приказ: убивать без суда всех коммунистов, партизан, их близких родственников. Жен расстреливали, а детей увозили на работу в Германию. Нас не тронули, наверное, потому, что мы были еще слишком малы: Володе – 11 лет, Жене – 9, Борису – 5 и мне – неполных 4 года. А вскоре в наш дом вселился немецкий офицер.

Повоевать отец не успел. Партизан обнаружили по наводке предателя, одного из своих же, вернувшегося в село за провиантом. Их схватили, бросили в школьный подвал. Новость об этом тут же облетела все село, узнали и мы. Не спали всю ночь, а из подвала слышалось тихое пение: «Прощай, любимый город...».

Хату Сагидович – отец Юрия Темирканова

Наверное, партизаны понимали, что в живых их не оставят. Утром бабушка собрала провизию, послала старшего брата Володю к школе. Отец и еще трое партизан уже стояли во дворе, избитые, со связанными руками. Володя протянул сверток: «Папа, это курица, бабушка прислала». – «Боюсь, еда мне больше не понадобится. Скажите маме, как только

вернутся наши войска, пусть увезет вас в Нальчик. Помните, главное – получить образование», – это последнее, что отец сказал перед смертью. Поразительно, он шел на смерть, но до последней минуты верил в победу...

Вместе с другими арестованными его увели под конвоем на окраину села. Как потом свидетельствовали очевидцы, один из партизан попросил разрешения на последнюю молитву. И время, затраченное на намаз, на несколько минут продлило им жизнь. Хотя кто-то сказал: ожидание смерти страшнее самой смерти. Было холодно, шел мокрый снег. Отец стоял в своем кожаном плаще, с мокрыми волосами...

Убитых немцы хоронить не позволили, заминировали и оставили в лесу. Лишь через месяц, уже после освобождения республики, их нашли и разминировали наши солдаты. Когда фашисты отступали, а отступали перед кем – перед нашими голодными грязными оборванными красноармейцами, – ко мне подбежал живший у нас холеный офицер, его ждала машина, вынул из-за голенища сапога стальную вилку и протянул мне. Не знаю почему – вилки-то у нас были. Может, что-то человеческое в нем проснулось или я его ребенка ему напоминал. Эта вилка долго у нас хранилась...

Мама провела в гестапо 40 дней, спасло ее чудо. В списке на казнь, по которому вызывали, вывозили к месту расстрела, ее фамилия значилась одной из последних. Когда очередь дошла до нее, маму вместе с другими вывели на улицу, но места в машине не хватило, и она уехала без нее. Потом немцы в суматохе отступления о ней забыли. Пешком, еле живая, она вернулась из Нальчика в Зарагиж, а на следующий день ей пришлось хоронить мужа.

Я помню день, когда отца привезли на телеге. Рядом с ним лежал муж маминой сестры Фицы Барасби Кулов, он был еще моложе отца. Телега не проходила в узкие ворота, пришлось ломать плетеный забор. Похоронили партизан на сельском кладбище, прямо в одежде, обуви, поскольку тела были насквозь промерзшими. А доносчик отсидел и вернулся в село, благополучно дожил до старости...

Иногда размышляю, о чем отец думал перед смертью, уходя из жизни в 31 год. Наверное, ему было безумно страшно, больно от такой несправедливости, что умирает так рано, не дожив, не долубив, оставляет нас, совсем еще щенков, свою красивую молодую жену...

Отзвуки его доброты и мужества возвращаются ко мне до сих пор. Прокофьев тепло говорил о нем в своих мемуарах, очень сожалел о его смерти. Как-то мне написала женщина, еще до войны учившаяся с ним в партийном вузе, какой он был честный, благородный человек. Приятно, когда твоего отца и через много лет люди вспоминают добрым словом. Мы, его дети, старались быть достойными его памяти.

Каждый год мы приезжаем на сельское кладбище, где он похоронен. И до сих пор, через 70 лет, сердце щемит от боли потери. Раньше приходили вместе с Володей, теперь, когда его не стало, вдвоем с Борисом. Я сказал как-то: «Этот совсем еще мальчик, который здесь лежит, мог ли когда-нибудь в своей короткой жизни подумать, что мы, два старика, будем приходить к нему на могилу поклониться». У Бори навернулись слезы...

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА В НАЛЬЧИКЕ. ЛЕНИНГРАД

Школьные годы. Юрий Темирканов

В 1952 году я уже оканчивал музыкальную школу-семилетку и считался одним из лучших выпускников. Трувор Карлович предложил мне поступить в спецшколу при Ленинградской консерватории, располагавшей интернатом с питанием, полным государственным обеспечением (чего не имела, к примеру, школа при Московской консерватории). А это было важно, ведь я был еще подросток. Ну и к тому же в то время в Ленинграде находился старший брат Володя, сдававший экзамены в Академию художеств.

Выбор города для продолжения учебы предопределило еще одно событие. Выпускники кабардинской оперной студии при Ленинградской консерватории привезли в Нальчик дипломную работу – оперу Моцарта «Свадьба Фигаро». Репетиции проходили в музыкальной школе, и я имел возможность наблюдать, как артисты готовятся. На меня обратили внимание педагоги консерватории, приехавшие с нашими молодыми певцами. С некоторыми из них позже я встречался уже в стенах консерватории.

Словом, все указывало на Петербург, и мама, хоть и боялась отпускать меня так далеко, все же решилась. Трувор Карлович, друживший с профессором консерватории Михаилом Беляковым, написал ему, попросил взять меня к себе в класс. Купил мне билет на поезд, а его супруга собрала денег по подписке у учителей на костюм. Провожали меня всей семьей, на вокзал пришел и мамин брат – дядя Лостанбий. Поскольку я должен был ехать через Москву с пересадкой, он попросил одного из пассажиров, возвращавшегося в Ленинград после отдыха на нальчикском курорте, присмотреть за мной. И вот я в 13 лет впервые в жизни выехал из родной республики в великий город на Неве.

Через двое с лишним суток мы прибыли ночью в Ленинград, где меня должен был встретить брат. Но никто не встретил. Что было делать? Мой попутчик оказался сердобольным человеком и повез меня к себе домой на окраину города на трамвае. Так что моим самым первым впечатлением о Санкт-Петербурге стала не прекрасная архитектура – ее я ночью и не разглядел, – а трамвай, которого раньше не видел. В однокомнатной квартирке моего спасителя встретила нарядная жена и накрытый стол. Мне предложили водки, и я, чтобы показать, что я парень уже взрослый, бывалый, сказал: «Конечно, наливайте». Но это тоже было впервые, и после следующей рюмки меня так развезло, что я отключился, уснул и очнулся только утром. Мне дали 30 копеек на троллейбус и объяснили, как доехать до Академии художеств. Привратник, старичок в униформе с добрым лицом, на мой вопрос о брате

ответил: «Ну, голубчик, сюда тысячи поступают, всех разве упомнишь. Погляди, может, он в общежитии». Расстроенный, я вышел на улицу и тут же увидел вдалеке на мосту фигуру человека, похожего на Вову. По мере приближения понял – точно, он. Оказалось, он, тоже безденежный, возвращался пешком с железнодорожного вокзала. В телеграмме, которую ему отправили из Нальчика, было всего три слова: «Встречай, выехал 10-м числом», а то, что наш поезд прибудет из Москвы, никто указать не догадался. Вот он и встречал наугад почти каждый состав и никак не мог понять, куда же я делся...

Володя жил с товарищем в общежитии. Мы купили батон за 13 копеек и ели, запивая подслащенным кипятком, на чайную заварку денег не хватило. Но мне казалось, что это очень вкусно. На следующий день поехали в школу. Конкурс на поступление был огромным, в фойе толпились дети и их родители. По списку вызывали в класс, где заседала приемная комиссия. Дошла очередь до меня. От волнения не разглядел лиц, сидевших за столом педагогов, только потом узнал, что среди них был Михаил Беляков. Я сыграл на скрипке, и меня попросили подождать в коридоре. Через некоторое время вышел Михаил Михайлович, погладил меня по голове, поздравил с отличной оценкой и принятием в школу. Затем мне вручили талоны на питание, объяснили, что я с этого дня на довольствии, и отправили обедать. Я спустился в столовую и впервые в жизни съел обед из трех блюд: борщ, котлету с макаронами и кисель. До этого я думал, что за раз надо есть что-то одно. Вышел сытый в коридор, где все это время меня ждал Володя. «Ты все доел?» – спросил он. Хотя мог и не спрашивать...

Ну, а интернат – не сахар. Трудные были годы, хотя сейчас вспоминаю их как очень светлый период жизни. Поначалу скучал по маме, по близким, даже иногда плакал по ночам. Мы занимались с утра до вечера. Хорошо помню эти подъемы в шесть утра – требовалось поупражняться до уроков, позже все классы уже были заняты. Вечером снова занятия по музыке. Но нам давали не только отличное музыкальное образование, по обычным предметам тоже предъявлялись высокие требования. Потом я понял, как это было важно для нашего развития. Так что с благодарностью вспоминаю годы, проведенные в скрипичном классе прекрасного педагога, настоящего подвижника искусства – профессора Михаила Белякова. Школа заложила хороший фундамент для дальнейшего становления меня как музыканта.

Четыре года я жил в комнате на 16 человек. Это были одаренные мальчики из разных регионов страны, большинство – детдомовские или безотцовщина. Мы держались друг за друга, защищали, у нас образовалось свое братство. Нас побаивались местные ребята, учившиеся в нашей школе. Не дай Бог кому-то из них обидеть интернатовского, он об этом потом горько сожалел – били таких беспощадно. Воспитатели, преподаватели – добрейшие люди, заботились о нас, как о родных детях. Рядом с нами комнату занимала кастелянша интерната Ева Абрамовна с сыном – талантливым скрипачом Борисом Гутниковым. Он был постарше нас и еще до окончания консерватории побеждал на всевозможных российских конкурсах. Мы все этим невероятно гордились. Ева Абрамовна выдавала нам каждую неделю белье. Уговаривала брать кальсоны, хотя мы, считая себя взрослыми, просили трусы. Вы не понимаете выгоду, говорила она, кальсоны в два раза дороже. У нас была уни-

форма – костюмы-сталинки, куртки, правда, слишком легкие, чтобы согреться в них в питерские морозы, мы в них все время мерзли. Раз в неделю нас водили в баню, в шесть утра – в это время билет дешевле. До сих пор помню ледяные помещения бани, где еще никого нет, и жуткий холод.

КОНСЕРВАТОРИЯ И АСПИРАНТУРА. АЛЬТИСТ И ДИРИЖЕР

Я обожал своего педагога Илью Мусина. До него не было дирижерской школы, он ее создал. Мусин для дирижерского искусства – примерно то же самое, что фортепианная школа Шопена или скрипичная Паганини; до этих людей тоже были замечательные музыканты, но именно после них появились законы, которым следуют все остальные. Он подготовил десятки дирижеров, ставших известными всему музыкальному миру. У него была ценнейшая педагогическая черта: умение распознать призвание, выявляя все лучшее, что есть в молодом музыканте. Начинал с кропотливого обучения основам дирижерской техники, свободе и точности дирижерского языка. Не терпел разбросанности, дилетантизма или упований на вдохновение. В его классе была изумительная атмосфера, удивительно семейные, доброжелательные отношения. Он был нам как отец, обязательно на свой день рождения приглашал к себе домой весь класс. Мусин, великий учитель, видел, какие у тебя данные, и в тебе это развивал. Никогда не давил и не ломал, одного учил так, другого – иначе. Учил объяснять руками, о чем и что ты играешь. Это очень важно в профессии дирижера. Говорил мне: «Юрочка, у вас от Бога такие

Группа студентов дирижерского класса И. А. Мусина

хорошие руки, что вам глупости делать нельзя. Потому что оркестр все это сыграт». Позже он написал книгу об искусстве дирижирования и подарил мне, подписав: «Символу этой книги».

Я не верю в судьбу. Но верю в везение. Человек, который думает, что он талантлив и поэтому добился успеха, как правило, ошибается. Если бы ему не повезло, то он не добился бы ничего. Кроме способностей, которые тебе Бог дал, нужно какое-то стечение обстоятельств, удача, чтоб ветер дул тебе в спину. Иначе можешь и не состояться. Это везение может быть в виде судьбоносных встреч, которые жизнь дарует человеку. Мне повезло – я встречался со многими замечательными людьми, которые дали мне гораздо больше того, что я приобрел путем собственного усердия. Я говорю о моих учителях: Дашкове, Шейблере, Белякове, Гинзбурге, Мусине, Рабиновиче...

Еще важно, чтобы жизнь поставила тебя перед возможностью выбора. И чтобы ты распознал единственно правильный для себя путь. Я не сразу это осмыслил, но все же вовремя, и помнил об этом, когда усердно готовился к поступлению в консерваторию на оркестровый факультет, уже зная, что хочу быть дирижером. Ведь раньше существовало правило: на дирижерский факультет не допускали без диплома об окончании консерватории. Тогда мне это очень не нравилось, но сейчас я понимаю, что это правильно.

Но в моей студенческой жизни была не только учеба, был и непростой быт. Из интерната меня переселили в комнату на четверых в консерваторском общежитии, где я жил 9 лет. Трое из нас были, как сейчас говорят, крутые парни, один – тихий, скромный, хозяйственный. Он собирал с нас в день стипендии деньги, покупал дешевый ужасный мясной фарш в магазине, в котором мясо и не угадывалось, формовал кучу маленьких котлеток и жарил их на кухне. Мы над ним подшучивали – зубочистками вытаскивали из сковородки полуготовые котлеты и съедали тайком, а потом спрашивали у него строго: где же остальные. Усохли в процессе жарки, отвечал он. Наш домовитый товарищ женился раньше нас всех и жил вдвоем с женой припеваючи в отдельной комнате, мы потом ему еще завидовали. Под окнами общежития никто не ходил, все знали – опасно для жизни, оттуда вылетают бутылки и разные другие предметы. Так что пайныками мы не были. Уже на последних курсах раз в месяц скидывались со стипендии и ходили в ресторан. Пили ужасную бурду, от вина в нем было только название, ели «резиновый» шницель. Это считалось шиком. А потом весь месяц жили на рубль в день: 60 копеек на трамвай и 40 – на обед. Иногда я оставался без обеда, но при этом позволял себе курить дорогой «Казбек». Неожиданно для себя, не знаю за что, в середине учебы стал получать повышенную сталинскую стипендию, хотя пропускал занятия, кроме уроков дирижирования, разумеется. Однокурсники меня, думаю, уважали. Придумали мне кличку – Князь. Может, потому, что на репетициях в учебном студенческом оркестре, где я дирижировал, меня уже тогда слушались беспрекословно. Вообще, практического опыта у меня было немного, но, наверное, больше, чем у сокурсников, поскольку я старался использовать для этого любую возможность. Например, подрабатывал в оркестре БДТ. Руководитель театра великий Георгий Товстоногов разрешил мне присутствовать и на репетициях, что в немалой степени способствовало моему культурному обогащению. Позже эти режиссерские уроки помогали мне при подготовке оперных постановок.

ПОБЕДА ВО ВСЕРОССИЙСКОМ КОНКУРСЕ. АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОРКЕСТР ФИЛАРМОНИИ

Вместе с 12 участниками я вышел во второй тур, где мне определили дирижировать оркестром Московской филармонии. Теперь репетиционная работа длилась два часа, а «чистовое» исполнение – полчаса. Помимо прочего нужно было показать знание симфонической литературы: два сочинения выбирались из подготовленных двадцати пяти. Одно из них выбрал я сам – Вторую сюиту из балета «Дафнис и Хлоя» Равеля. Жюри предложило Пятую симфонию Чайковского. Второй тур закончился 9 декабря, а 10 декабря, в день моего рождения (мне исполнилось 28 лет), я узнал, что стал одним из финалистов. Услышав об этом, Илья Александрович приехал в Москву и каждый день по несколько часов занимался со мной в гостинице. Вечером 16 декабря состоялось финальное прослушивание – мой самостоятельный концерт включал в себя «Путеводитель по оркестру» Бенджамина Бриттена (вариации и fuga на тему Пёрселла) и 1-й концерт для фортепиано с оркестром Прокофьева. Конкурс завершился, жюри удалилось для подведения итогов. Всю ночь мы ждали приговора, приехали мои братья Владимир и Борис, не расходились и журналисты. Напряжение нарастало, в кулуарах бурно обсуждали, кому достанется победа. Братья потом рассказывали, что кругом шептались: победит, скорее всего, тот мальчик из Нальчика.

Наконец, на рассвете объявили результаты: первое место – Темирканов, второе – Тюлин, третье – Мансуров... Как происходило дальнейшее – поздравления, которые сыпались со всех сторон, атака журналистов, торжественное заседание, вручение премий, концерт, – уже плохо помню, по-моему, я находился в состоянии легкого шока. Несмотря на мою уверенность в себе, победа оказалась все-таки неожиданной. Ведь уровень участников конкурса был очень высок. Достаточно сказать, что все финалисты впоследствии руководили лучшими российскими и зарубежными оркестрами. И еще я на какой-то

миг вдруг почувствовал всю тяжесть этой ответственности. Понял, что теперь мне придется отвечать за каждый свой шаг в творчестве. Так что я не шел к известности традиционным долгим и сложным путем, а, как говорится, «однажды утром проснулся знаменитым». Для дирижерской карьеры это было тогда необычно – практически сразу же с консерваторской скамьи

*Победа на 11 Всесоюзном конкурсе дирижеров.
С братьями Владимиром и Борисом*

– за пульт. А ведь еще вчера меня никто не знал: выпускник дирижерского факультета консерватории, который наблюдает за игрой именитых дирижеров и только мечтает о собственном филармоническом выступлении. Существовал строгий порядок – допускали на широкую публику только после официальной конкурсной апробации, то есть требовалось лауреатское звание. Я его завоевал, и путь на филармоническую эстраду был открыт...

КИРОВСКИЙ ТЕАТР. ЗНАМЕНИТЫЕ ПОСТАНОВКИ

От певцов я добивался осмысленного проживания каждого мгновения музыкального повествования и при этом – искренности и простоты. Провел такой эксперимент. Позвал артистов на репетицию, попросил прочитать наизусть свои партии, то есть проговорить, а не пропеть. Выяснилось, что никто не мог вспомнить, казалось бы, хорошо знакомый текст. Певцы начинали путаться, поскольку традиционно заучивали музыкальные фразы целиком с текстом – просто приставляли слова к музыке. А это, на мой взгляд, почти машинальное пение, когда не живешь в роли своего персонажа и, по сути, не понимаешь, о чем поешь, а, следовательно, не можешь подобрать нужную краску голоса. На следующей репетиции все уже читали свои партии наизусть, со всеми знаками препинания, запятыми и точками. Все быстро осознали поставленную задачу – все-таки квалификация задействованных артистов была высокой. Так что, можно сказать, я ввел новую методику подготовки певцами своих партий.

И это дало неожиданный результат. И потом, что важно, они все соответствовали и по возрасту, и по фактуре своим персонажам. Часто ведь случалось так: выходит на сцену погрузневший и уже немолодой исполнитель и начинает изображать пылкого восемнадцатилетнего юношу. В нашем спектакле зрителю не приходилось гадать, где молодой Онегин, а где Гремин, кто на сцене Татьяна, а кто ее няня.

Музыкальный театр – это нерасторжимое единство музыки и актерского образа, зрелищного его воплощения. Зритель приходит в оперный театр не только слушать, но и смотреть, поэтому мы работали и над эстетикой действия. Декорации и костюмы создал главный художник театра И. Иванов, главный хормейстер – А. Мурин. Премьера оперы «Евгений Онегин» состоялась в 1982 году. После чего я стал получать огромное количество писем. В большинстве – хвалили, благодарили, но в некоторых имелись замечания по тем или иным деталям постановки. Например, советовали перечитать строки Пушкина о сцене дуэли. Ведь в романе у Пушкина Онегин не подхватывает Ленского, как это происходило в нашем спектакле. Да и Татьяна после объ-

*В costume для участия
в массовке
в Кировском театре*

яснения с Онегиным у нас убегала, тогда, как у Пушкина Онегин подает ей руку и они вместе уходят. Но ведь если Татьяна уйдет с Онегиным под руку, по законам театра получится, что конфликта нет. А вот если она не захотела с ним идти, зрителю ясно, что он есть! Это закон, нарушение которого рождает неправдоподобие. Мы ведь ставим не форму, а смысл. Пушкин пишет о том, что Онегин не хотел дуэли. Ведь он практически нарушает все законы дуэли (уж кто-кто, а Пушкин их знал!). В опере же этого нет! Так как же нам это показать? Как показать, что он человек благородный, что вся его жизнь перевернулась после этой трагедии? Я придумал мизансцену, которая, как мне кажется, выражает смысл происходящего: Онегин подхватывает сраженного его пулей Ленского, не давая ему упасть... И финал должен был быть пронзительным, не уступать по эмоциональному напряжению сцене смерти Ленского, поскольку здесь тоже происходит, по сути, убийство, хотя вообще зрители наблюдают всего лишь последнюю встречу Татьяны и Онегина. Великий Георгий Товстоногов оценил нашу концовку, отметив: «Как хорошо в финале вы расстреливаете онегинскую судьбу...»

ФИЛАРМОНИЯ. ДВАЖДЫ «ВЫБОРНЫЙ»

В 2002-м я обратился к предпринимателю и своему другу Геннадию Тимченко, объяснил, в какой плачевной ситуации мы находимся. Этот человек – один из редких продолжателей традиций русского меценатства, очень многое делает для сохранения и приумножения культурного наследия страны. И Тимченко три года подряд перечислял филармонии довольно значительные средства. Он спас оркестр. Из его денег я не взял себе ни копейки, посчитав, что все средства должны пойти музыкантам. Кстати, крупные проекты на моем зимнем фестивале «Площадь Искусств» мы делаем тоже благодаря ему...

Вообще я презираю интеллигентов, которые вертятся на виду у власти, желая извлечь из этого для себя какие-то блага. Если я как-то использую возможность общения с властью преобладающими, то исключительно для решения проблем в деле, которому посвятил всю жизнь. В 2005 году я рассказал Владимиру Путину, какие трудности переживают наши музыканты, какие гроши они получают, и попросил помочь. Сказал, что в мире нас всегда уважали не за то, что у нас много оружия, и мы умеем подводные лодки строить, а за то, что у нас есть Пушкин, Чайковский, Мусоргский, Шостакович, Прокофьев, Достоевский, Толстой. Оружие сейчас есть у всех, это уже не является преимуществом, а если мы потеряем свою культуру, нас уже и уважать будет не за что. Путин позвонил Алексею Кудрину, тогда министру финансов: «Вот у меня Юрий Темирканов сидит, будет у тебя для него значака?» – «Для Темирканова найдем», – ответил Кудрин. «Владимир Владимирович, если деньги будут только для моего оркестра, это миром не решается», – добавил я... В результате вышел указ о государственных грантах для учреждений культуры. Может, не очень прилично, что я об этом рассказываю, но я горжусь тем, что мне удалось убедить президента десятикратно поднять зарплату пяти

российским коллективам, включая наш первый филармонический оркестр, две консерватории – Петербургскую и Московскую, и два театра – Мариинский и Большой. Путин нашел деньги и на ремонт Большого театра и Большого зала Санкт-Петербургской филармонии. В день выхода указа я пришел на репетицию, объявил эту новость, сказал, что мы будем праздновать и пить шампанское, и пригласил коллектив к себе домой. Это была большая радость для всех, меня благодарили, звонили музыканты из Москвы. Наконец у нас появилась возможность выбирать и не мчаться сломя голову ради денег в любую дыру, куда позовут.

*После концерта
с первым учителем
В. Ф. Дашковым*

Как известно, в филармонии два оркестра, и музыканты заслуженного коллектива России, получив деньги, в шутку тут же называли себя «Дети капитана Гранта». А второй оркестр они называли «Дети лейтенанта Шмидта». Правда, через два года грант стали выплачивать и второму ряду оркестров страны, в том числе и нашему академическому оркестру. Это немало. До Путина я не мог бы прийти к главе государства и обсуждать с ним такие проблемы. Если бы не он, то сейчас положение в России с культурой было бы совершенно трагическим. А теперь у нас есть возможность каким-то образом сохранить то, что имеем. Мало глав государств, понимающих, что без культуры государство не имеет будущего. Нам повезло – Путин это понимает.

С одной стороны, спасибо, что дали, с другой – сколько филармоний в стране просто в катастрофическом положении! В провинции музыканты получают 5–6 тысяч рублей. За такие нищенские деньги работают люди, которые учились играть с детства, затем – десять лет в училище, потом получали высшее образование. За редчайшим исключением нормальные дети хотят играть в футбол вместе с приятелями, а не сидеть дома за роялем или со скрипкой. Училище, консерватория – все это тяжкий труд. И после этого они получают в разы меньше, чем дворник. Я ничего не имею против дворников и не говорю, что их работа никчемная, но разница все-таки есть. Если сегодня где-нибудь на Западе я начну рассказывать, что профессиональные музыканты в провинции получают 200 долларов в месяц, мне не поверят. Они подумают, что я выступаю против власти...

СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА. РАСШИФРОВКА ПАРТИТУР

Меня журналисты часто спрашивали, почему я, первоначально выжившись на альтиста, решил поменять инструмент на дирижерскую палочку. Когда надоело отвечать серьезно, я стал отшучиваться: «Дело в

том, что я кабардинец, с Кавказа, а там привыкли махать шашкой, потому и стал дирижером». Но самый популярный вопрос: почему я дирижирую без палочки? Иностранцам я эту историю никогда не рассказываю, они не поймут. Когда-то у нас не только колбаса, но и дирижерские палочки были в большом дефиците. И мы покупали их у старого музыкального мастера, который делал их легкими и удобными. Отшлифовывал, пропуская сквозь пробку. Мастер умер, все мои палочки сломались. И тогда я стал дирижировать руками, что совершенно не мешает взаимопониманию с оркестром. В молодости я думал, что палочка помогает. А потом понял, что все зависит только от меня, от моих рук. Но иностранцы не поверили бы, если сказать, что в огромной стране в продаже не было подходящих палочек. Поэтому, решил я, пусть думают, что мои руки излучают флюиды и потому меня слушается оркестр. По-моему, я первый стал дирижировать без палочки, а сейчас у меня есть последователи. Последний раз я взял палочку в Балтиморе несколько лет назад. Паата Бурчуладзе, замечательный певец, попросил сделать с ним оперу «Борис Годунов». А у него хобби: он собирает палочки известных дирижеров. Узнав, что я дирижирую без палочки, на следующий день принес мне их целую кучу и попросил выбрать одну и продирижировать. Что делать? Пришлось взять. На репетиции весь оркестр, улыбаясь, смотрел, как я ею дирижирую. Эту палочку я ему тут же и вернул.

Многие годы придерживаюсь абсолютно традиционной концертной одежды – надеваю только фрак, за редким исключением. Если концерт где-нибудь на открытой площадке, в жару могу надеть легкую черную рубашку навывпуск. Когда спрашивают, зачем такой консерватизм, говорю, что так удобнее, и рассказываю притчу. После революции все грабили богатых. И как-то крестьянин пошел на базар, а там продают ворованный фрак. Он смотрел, смотрел и купил. Надел и пошел пахать. Сосед говорит: «Ты что, с ума сошел?» А он отвечает: «Ты знаешь, очень удобно. Спереди не мешает, сзади не поддувает». Вот и мне тоже так... А вообще я всегда обращаю внимание на одежду, потому что моя профессия не позволяет быть немьтым, помятым, неопрятным. Ведь каждый день выходишь перед оркестром, где сто с лишним человек обязаны смотреть на тебя, надо проявлять к ним уважение. Не говоря уже о зрителях...

Диплом дирижера еще не означает, что ты станешь дирижером. Только своим творчеством, своими концертами можно доказать, что понимаешь, зачем выходишь на сцену. Ведь в настоящем искусстве исключены снисхождение, уступки, каждый получает то, что заслуживает. Дирижирование – это одна из самых лучших профессий, с моей точки зрения. Но, как и любая другая, она требует таланта, яркого дарования. Дирижерская работа необычна, она хитрая и увлекательная... Всегда надо размышлять, почему композитор поставил, скажем, акцент на этой ноте, почему такая драматургия музыкального произведения. Другая, немаловажная часть дирижерской деятельности требует организаторских способностей. Нельзя быть главным дирижером и не думать о людях, о музыкантах оркестра. А, в общем, она поглощает тебя всего и времени ни на что другое просто не остается.

КАБАРДИНСКИЙ ПЕТЕРБУРЖЕЦ

У кабардинцев были прекрасные музыканты – например, Индрис Кажаров – он писал и исполнял великолепные песни, ставшие поистине народными. Погиб во время Отечественной войны, в концлагере. Мы о нем, к сожалению, редко вспоминаем, а ему нужно бы памятник поставить. Кураца Каширгова – виртуозная гармонистка. Когда моя сестра пела в хоре академического ансамбля «Кабардинка», я еще мальчиком бывал на репетициях ансамбля, слушал, как играет Кураца. Она сидела с высоко поднятой головой, а пальцы ее буквально «танцевали» на клавишах инструмента, на котором она играла, не глядя, она чувствовала его. Это люди, которыми народ должен гордиться и дорожить, их не так уж и много...

Первый президент Кабардино-Балкарии Валерий Коков как-то на день рождения подарил мне коня. Привез в Петербург ворох документов с родословной «подарка». У лошадей, как оказалось, вся родословная известна, а у нас, спасибо большевикам, в лучшем случае о деде что-то знаешь. А подаренного коня, к стыду своему, я так и не видел. Он на племенном заводе в полчасе езды от Нальчика жил, так у меня каждый раз не хватало времени к нему съездить. Представляю, что он обо мне думал... У меня дома его фото висит на стене... Как-то во время очередного отпуска в республике товарищи повезли меня на высокогорные Зольские пастбища. Простые пастухи, которые, скорее всего, и не понимали, что у меня за профессия, только знали, что я известный в мире человек, встречали очень радушно, зарезали для меня барашка. Увидел я там табун лошадей, кровь взыграла, захотелось покататься – когда еще придется сесть на чистокровного кабардинца. Вскочил на неседланного коня и рванул с места в галоп. Сделал пару кругов и вернулся, а друзья стоят остолбеневшие, а один даже почему-то вцепился в хвост моего скакуна... Говорят, страшно перепугались за меня. Я только посмеялся: ну, разве я, горец по рождению, могу упасть с лошади...

Меня на родине всегда хорошо принимают, устраивают для меня встречи с интеллигенцией, пышные застолья. Последнее для меня – тяжелое испытание, но, к счастью, пить не заставляют, мой статус и возраст это позволяют. Как-то пригласили на сход рода Темиркановых, это сейчас стало модно – проводить встречи родственников, так я был приятно удивлен – как много в нашей маленькой республике представителей моей фамилии. И, к счастью, много молодежи. Это радует...

Петербург меня сконструировал. Я вообще не представляю, что мог бы жить где-то в другом месте. Люблю ездить, люблю бывать в разных странах и разных залах, но жить хочу и могу – в Петербурге. Я «юридически», по рождению, не петербуржец, но это мой город. Конечно, школа и консерватория, в которых я учился, многое дали – они меня воспитали. Но я уверен, если бы эта учеба проходила в другом городе, то это была бы очень малая толика образования. Именно этот город меня воспитал: его история, культура, традиции. Петербург, книги и мои друзья – вот та среда, которая меня вылепила. Так сложилось, что я знаю все столицы и был там многократно. Так вот единственный город в мире, который по-настоящему является столицей государства, – это Петербург. Вообще тот факт, что я остался жить в России, во многом обусловлен тем, что

С женой Ириной

даже не архитектура. Великие мастера этот город построили, а Пушкин, Чайковский, Достоевский привнесли в него особый дух. Петербург у меня ассоциируется с Бахом. Когда я думаю о чем-то высоком, у меня всегда звучит в душе Бах. Даже Чайковского, даже Моцарта можно представить как людей, которые что-то создавали: они садились и работали – писали гениальную музыку. А Бах, такое впечатление, что он не композитор, он просто фиксировал то, что ему говорил Бог. Петербург – это настолько же высокое, поэтому я говорю о Бахе. Петербург – это не географическое, а духовное явление. Это всегда возвращение домой, место, куда всегда тянет, где уютно и комфортно остаться одному...

Я, как оказалось, большой патриот, я люблю свою родину. Но это такой патриотизм, о котором не кричат, который сопровождается болью и тревогой за свое Отечество. И лучше о нем не говорить, не провозглашать, а просто во благо стране, людей, живущих в ней, хорошо делать свое дело...

мне повезло жить в Петербурге.

Этот город – мой учитель на всю жизнь. Здесь такая полифония, такая гармония, что к нему невозможно привыкнуть и от него невозможно отвыкнуть. В его красоте есть пронзительный, щемящий надрыв, где даже спонтанность художественно выверена. Петербург создавали – в духовном и материальном смысле – приезжие. Поэтому, наверное, он и получился такой уникальный и гармоничный в своей многосложности, разности архитектурных стилей. Но главное

С сыном Владимиром

ИСТИННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ – НЕ СТАВИТЬ СЕБЯ НАД ДРУГИМИ

Мне не раз приходилось встречаться с титулованными особами, скажем в Англии, и в Монте-Карло, где я не раз бывал по приглашению принца Монако и где ужинал с принцессой Орлеанской и бывшей шахиней Ирана, с которой я был знаком еще раньше. За границей познакомился с княгиней Ириной

Голицыной, с сыном Шаляпина, он художник, дочерью Рахманинова. Благодаря моей профессии мне выпадает возможность общаться с представителями высшего света. И я рад этому, это прекрасно. Но для меня нет людей «низких» или «высоких» — можно занимать очень высокое положение в обществе и быть низким по качеству. И можно быть простым человеком — высокодуховным и порядочным. Много лет назад меня пригласил как-то на прием мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак. Роскошный Екатерининский дворец, Золотой зал — дипломаты, известные люди... и так называемые «новые русские» в смокингах, бабочках. Они чувствовали себя ужасно неловко в этой одежде, в этой атмосфере, не знали, что и как говорить. Они духовно были не готовы носить смокинг, потому что его надевают не тогда, когда есть деньги купить, а когда это образ жизни, внутренней культуры.

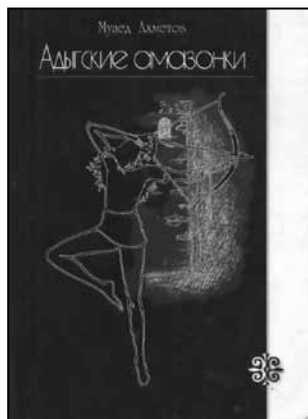
*Юрий Темирканов
с Алисагом Эльджироковым*

Истинная интеллигентность — не ставить себя над другими, кем бы ты ни был. Человек должен помнить, что на кладбище его понесут так же, как и любого бездомного... Деньги не делают никого ни моральным, ни аморальным. И бедность тоже. Нищие крестьяне в глухих деревнях могут быть чище и интеллигентнее, чем профессор университета или преуспевающий финансист. И богатство тут ни при чем. Мораль и духовность — из другой оперы.

В Нальчике у меня был приятель Алисаг, человек по возрасту старше меня, но с наивной и чистой душой ребенка, из тех, кого принято считать немного странными. Мне казалось, он и внешне, и характером похож на Дон Кихота. Он каким-то образом первым узнавал о моем приезде, приходил к нам с братом на дачу и, увидев меня, кидался ко мне с объятиями. Я понимал, что это, наверное, самое искреннее проявление любви, и тоже очень тепло к нему относился. Он был всегда опрятно одет и носил с собой портфель с бумагами, поскольку называл себя поэтом. И вот как-то он пробрался к высокому чиновнику и пожаловался, что не хотят издавать его стихи. Стихи, вернее четверостишия, были, конечно, наивные, детские. Но тот, зная Алисага, поставил резолюцию — срочно издать. Книгу издали в типографии по всем правилам, с хорошей обложкой, но тиражом... в один экземпляр. Алисаг гордо демонстрировал ее всем и пояснял, что она так понравилась читателям, что ее расхватили в один день, и ее уже нигде не купишь. Так вот, мне как другу он доверил написать предисловие. Я набросал примерно такой текст: «Талант автора этой книги настолько велик, что постичь его разуму простого человека не под силу. Оценить его великий дар смогут только будущие поколения». Алисаг был счастлив, и я вместе с ним. К сожалению, его уже давно нет...

Алисаг был счастлив, и я вместе с ним. К сожалению, его уже давно нет...

Мадина ХАКУАШЕВА,
доктор филологических наук

Первый том романа (2007)

Новый роман Муаеда Ахметова «Амазонки и нарты» можно считать второй частью дилогии. Первая книга «Адыгские амазонки» (Нальчик, 2007) вызвала живой интерес среди представителей разных социальных слоев республики; ее не раз обсуждали: в СКГИ, Доме Печати... На самом деле, яркая ожившая картина малознакомой древней истории внезапно приблизилась к нам на близкое расстояние...

Дилогия, написанная в приключенческом жанре, впечатляет тесной связью с эпосом, мифом и фольклором. Сам автор подтверждает эту особенность: «В этой небольшой книжке нет ни одного литературно обыгранного события без доказательной базы – либо из национального эпоса, либо из давно известных мифов». Таким образом,

мифо-фольклорные и эпические сюжеты сознательно используются для литературной интерпретации.

Текст не только увлекает и будит воображение, но объясняет многие этнографические детали, которые остались простым атрибутом современной жизни, однако при этом оказалась потерянной их причинная связь. Чаще всего художественное повествование возвращает утраченный сакральный смысл, который вызывал к жизни тот или иной ритуал. Но тесная связь с мифом, фольклором, эпосом, этнографией – это только один аспект. Автор не только художественно интерпретирует историю нартов и амазонок через мифо-фольклорное заимствование, – переосмысливается реальная история адыгов. Пропущенная через призму художественного взгляда, она основывается на глубоком всеобъемлющем знании материала, который так глубоко переплетен с традиционным укладом национальной жизни, что приходится верить в необъяснимую силу генетической памяти... Знание ранее неизвестного богатого исторического и этнографического пласта автору перешло от деда, знатока истории амазонок и, в целом – одного из редких хранителей коллективного народного опыта. Это знание было передано внуку древним традиционным способом – через устный рассказ. Неслучайно первый роман посвящен деду писателя – Асхаду Теуновичу Ахметову. Но кроме этого непосредственно усвоенного знания, автором увлеченно велись активные поиски по изучению академической истории, которая привлекалась из разных источников – библиотек, архивов, сведений по археологии, из источников по античной истории Геродота, Вергилия, Овидия и др.

Художественный текст, оставаясь свободным от ограничений жесткими научными рамками, тем не менее, всецело подчинен своей прав-

де, которая сохраняет тесную связь с внутренними законами реального адыгского мира.

Хотелось бы отметить еще одно важное обстоятельство: только после прочтения романа смысловое поле Нартиады проясняется, автор освещает необъяснимые моменты с детства знакомого народного эпоса, и они обретают неожиданную полноту, новое содержание. Роман принципиально меняет современный угол зрения на эпических героев, больше всего – на воительниц, таких, как великанша Нарибгея, Шхацфице, Вако-Нана, Уорсарыж, Малычпх и др. Во второй книге, в частности, представлена литературная версия жизни легендарной Сатанейгуаши, появление на свет ее сына Сосруко. Художественный вариант истории жизни амазонки Сатаней весьма убедителен и правдоподобен, он во многом объясняет феномен мощного матриархального начала в жизни древних адыгов, последующий высокий уровень их военного искусства, переданный амазонками своим потомкам. Согласно сюжету романа, некоторым из выдающихся предводительниц удалось вопреки жестокому закону империи сохранить жизни своих сыновей. Герои Нартского эпоса – Сосруко, Тотреш, Бадинокко, Батараз, Шауей, – сыновья амазонок, которым они раскрывали свой богатый культурный, цивилизаторский и военный опыт, значительно превосходивший народный. Автор объясняет этот опасный процесс передачи эзотерического знания «мирским» людям-нартам жестким табу, нарушение которого грозило смертью. Единственным способом избежать неминуемой гибели своих сыновей – превратить их в великих непобедимых воинов. Эта, казалось бы, художественная особенность имеет вполне реальную историческую подоплеку: пожалуй, именно высокий военный потенциал больше всего определял историю и саму судьбу черкесов, которые выступали на разных отрезках мировой истории как выдающиеся воины и полководцы, (показательно, например, господство черкесов-мамлюков в Египте на протяжении более 500 лет).

Долгий золотой период царствования амазонок за давностью времени и своей особой спецификой практически выпал из народной памяти. Говоря об этом, М. Ахметов дает собственное объяснение: это было связано с их жестоким укладом жизни, что не было принято народом. В традиции адыгов неприятие влечет за собой забвение... Но это «как бы то ни было, наша история. Благодаря именно этой культуре хетты, колхи, меоты, адыги прошли через четыре тысячелетия, развиваясь и процветая... В то время когда греки знали только бронзовые мечи, амазонки носили стальную саблю на поясе, кстати, изготовленную методом порошковой металлургии. Греки называли ее оружием божественной силы, от которого невозможно было защититься ничем, потому что, огибая все поставленные предметы: щит, меч, налокотники, – эта сабля добиралась до противника неотвратимо».

Несмотря на видимую потерю древней истории адыгов, она, тем не менее, дошла до нас в виде реминисценций, пословиц, поговорок, культурных кодов. Например, только после прочтения диалогии становится ясно, почему великанша Нарибгея из Нартского эпоса сжигала

своих сыновей в очаге, – убивать новорожденных мальчиков и оставлять в живых девочек – таков был незыблемый закон, и героиня эпоса не могла его нарушить; только с помощью хитрости, опыта или со временем приобретенного высокого статуса она смогла сохранить жизнь лишь последнего сына, Шауея. Герои Нартиады часто слышат плач нерожденных детей в утробе матери: понятно теперь, что это – метафора страха: мальчики как бы заранее предчувствуют свою гибель. Другой пример: у адыгов испокон веков существовал запрет оставлять младенца одного, – в народе верили, что может появиться уд (в виде кошки, например), и похитить или погубить ребенка. На самом деле, этот страх, который остался в коллективном бессознательном адыгского народа, основан на традиции детоубийства в среде амазонок. В сознании адыгов бытует представление о том, что уд – колдунья, ведьма. Но Муаед Ахметов возвращает первичное представление: уд – это жрица амазонок, обладающая недюжинными магическими знаниями: «Очевидно, что уд – жрицы амазонок – сохранили науку и культуру древнейших протохеттов и хеттов. И эта культура была самой высокой в области военно-стратегических знаний...».

Богатая история эпохи царствования амазонок мало изучена в нашей стране, она гораздо более известна в Европе. Так, наш соотечественник, доктор Сорбонны Айтек Намиток, основываясь на богатых исторических материалах, в своей работе «Происхождение черкесов» приводит собственную версию о генезисе амазонок. Но недавно обнаруженные сведения об амазонках сотрудником КБИГИ РАН К. Мальбаховым подтверждают историческую основу художественной дилогии М. Ахметова, – это книга «История древних и современных амазонок» в 2-х томах (Париж, 1740) аббата Гийона. Во введении встречается следующая фраза: «Без истории Крыма и Черкесии невозможно говорить о царстве амазонок». Был обнаружен другой солидный труд «Пять войн амазонок».

Началом конца великой империи амазонок в романе «Амазонки и Нарты» становится нравственный кризис. Главные героини, такие, как Дахазилы, Хурсана и другие, восстали против узаконенного убийства мальчиков-младенцев. Этот гуманистический перелом в сознании становится тем водоразделом, за которым начинается новая эпоха, исключающая бесчеловечные законы. Таким образом, автор подчеркивает неотвратимость гибели не только величественной мировой империи воительниц, но и любой общественной цивилизационной модели, в основу которой положен антигуманный закон.

Р. С. От редакции. Интересно, что история спасения младенца, названного затем жрицей, уд, – Тхьээзпль, бытует как легенда в Турции, в среде наших соотечественников, носящих это имя, якобы ставшее началом родословия, в качестве фамилии. Автор, как выяснилось, этого не знал, но получается, что легенды, идущие из глубины веков, перекликаются, тем самым подтверждая свои основные положения.

Мурад АХМЕТОВ**АДЫГСКИЕ АМАЗОНКИ**

Отрывок из второй части романа

КУРГАН ХУРСАНЫ

Трудно было Саусе одной в своих рабочих комнатах, где она трудилась над изготовлением сабель для великой империи амазонок.

Руки привычно выполняли сложную работу, а мысли были далеко отсюда. Одиночество и неизвестность терзали её. Единственной реальной и достигаемой связью и опорой во всем этом холодном и жестоком мире был сын. Но после того как её подруги Дахазилия и Хурсана ушли в поход, она очень редко виделась с сыном.

Ездил она в новое нартское село сына один раз в три месяца, и то в сопровождении десятка лучших амазонок крепости. Во время таких визитов ей никогда не доводилось поговорить с Тхазеплем наедине.

В последнюю поездку она почувствовала, что в глазах сына таится какая-то грусть, она уловила это ясно, но поговорить с сыном опять не удалось. Телохранители не отстали от неё и на пять шагов, строго исполняя приказ Дышаны, предводительницы крепости.

Осенью из Аттикского похода вернулись амазонки. Сауса искала своих подруг, но в числе возвратившихся не было ни Хурсаны, ни Дахазили. Вернувшиеся рассказали, что её подруги живы и здоровы, но остались в распоряжении верховной царицы. Сауса каждый вечер приходила к кому-нибудь из этих амазонок и слушала их рассказы о том, как её подруги стали предводителями небывалого похода. Вся крепость жила удивительными рассказами о сражениях, о взятии Афин, о бесчисленных трофеях, о морских баталиях, о погибших и убежавших.

С ужасом в глазах, понизив голос, говорили о великой каре, совершённой душами предков, принявших образы чёрных и очень быстрых змей, и о том, как жестоко были наказаны те, кто преступил законы матерей и осмелился родить и вскормить грудью мальчиков. Эту историю, свидетелем которой были многие амазонки, рассказывали в крепости везде, устрашая слушателей.

Сауса, хорошо зная своих подруг и их свободолюбивые взгляды, предполагала, что Хурсана и Дахазилия хотели, видимо, чтобы амазонки почувствовали вкус материнства и, возможно, сами допустили рождение мальчиков. Но, очевидно, вмешались сверхъестественные силы и наказали вероотступниц.

Однако почему тогда выжил её сын? Не только выжил случайно, а находится с самого рождения под покровительством богов. И она не могла объяснить себе сути происходящего. «Вот бы встретиться

с подругами-умницами, они бы все разъяснили мне», – с грустью мечтала она.

Сауса надеялась, что под предлогом встречи с названным братом ставшие легендарными подруги смогут приехать в родную крепость хоть на несколько дней. Но вопреки её долгим ожиданиям подруги так и не появились – ни осенью, ни зимой. Потеряв надежду снова их увидеть, Сауса поняла, что хотя слава о великих героинях очень громкая, они не могут свободно распоряжаться собой и ехать куда захотят.

Значит Хурсана и Дахазилиа находятся на особом положении, несмотря на великие заслуги перед империей, значит они действительно замешаны в истории с рождением мальчиков. Или ещё в чем-то промахнулись, и Совет удержит их под негласным надзором, не доверяя им.

Тревожно было на душе Саусы. Она понимала, что империя не сможет просто уничтожить их – вернувшиеся из похода воительницы не поняли бы такого обхождения с их кумирами Дахазилей и Хурсаной. Эта великолепная пара находилась на высоте славы и пользовалась огромным уважением и любовью среди всех амазонок, и для их наказания нужны были серьёзные причины.

И когда Сауса поняла, что подруги не могут приехать к ней и к Тхазеплю, тревога стала ещё больше беспокоить её, ибо хорошо понимала, что правящая верхушка империи жаждет уничтожит героинь. Сауса не сомневалась, что высший совет удов найдёт способ наказать ослушниц.

К этой тревоге добавилась и грусть, увиденная в глазах сына. У неё было ощущение, что с сыном что-то стряслось, но об этом он не хотел говорить. Может быть, думала она, Тхазепль узнал, что кто-то из людей его села доносит в крепость о тайных делах Саусы и сына по изготовлению сабель? Но эту мысль она гнала от себя.

Во-первых, Тхазепль умно и осторожно делал всё, что связано с этим. Во-вторых, она даже допустить боялась, что империя получит такие сведения, ибо это означало верную смерть и сыну, и ей, и всему, что с таким трудом и осторожностью было достигнуто. Сауса ломала голову, но что-либо понять и прийти к твёрдому мнению не могла.

Так прошло лето. И видя, что ничего нового не происходит, Сауса решила, что Тхазепль обнаружил слежку за собой и, сопоставив события, пришёл к выводу, что мама и её подруги находятся под подозрением. Может, он переживает за нас, думала она. Конечно, он понял, что Хурсана и Дахазилиа не имеют возможности приехать в гости, а значит они под подозрением. Поняв это, Тхазепль не мог продолжить изготовление сабель и тренировки отобранных парней. Возможно, именно это и тяготит его.

Поздней осенью от Тхазепля пришёл гонец, который добился встречи с Дышаной. На встречу пригласили и Саусу.

В гостевом доме, во дворе дома свиданий, гонец торжественно сообщил, что названный брат амазонок Тхазепль устраивает свадьбу

и приглашает своих сестёр Дышану, Саусу, Хурсану и Дахазилло на торжество, которое намечено через две недели в воскресенье.

Дышана щедро одарила вестника радости и сообщила, что Хурсана и Дахазили сейчас являются предводительницами крепостей, которые расположены очень далеко, и вряд ли успеют на свадьбу брата, но она и Сауса приедут непременно и будут танцевать за четверых.

В эту ночь Сауса опять не смогла уснуть. Радостное волнение от того, что женится сын и она ещё может увидеть своих внуков, захлестнуло её душу.

Но новость о подругах, которую она услышала, настораживала. У неё сложилось мнение, что Дышана уже знала о предстоящей женитьбе Тхазепля, и у неё был готов ответ на этот случай. Уж очень уверенно и быстро она дала вестнику твёрдый ответ, означающий, что подруг Саусы не будет на свадьбе. Не было сомнения в том, что относительно Хурсаны и Дахазили существует и неукоснительно действует инструкция, утверждённая наверху. Значит и все связи героинь также находятся под бдительным вниманием. Она понимала, что во время свадьбы следует поговорить с сыном, ибо счастливая и радостная жизнь тысяч людей, которых обнадёжил Тхазепль, находится под большой угрозой. Надо сказать сыну, чтобы он на длительное время прекратил все секретные работы, связанные с изготовлением гибких сабель, и тщательно ликвидировал следы, если он еще так не сделал.

Дышана готовилась к свадьбе названного брата усердно, не жалея средств империи.

В назначенный день они вместе с Саусой уселись в обогреваемый медной печью китайский фургон, который везли шесть пышно разукрашенных белых лошадей. Такой же фургон, нагруженный подарками, следовал за ними. Его везли шесть великолепных гнедых коней. За вторым фургоном следовал третий, гружённый винами и высочайшего качества медовыми напитками. В него была впряжена шестёрка вороных, наряженных не менее пышно, чем первые две шестёрки. За фургонами следовала сотня верховых амазонок – тщательно отобранных по внешнему виду красавиц, одетых в драгоценные кольчуги, в белых бурках, верхом на вороных красавцах с белыми «носками» и белыми отметинами на лбах. Позади этой сотни ехала специальная колесница, изготовленная по этому случаю, вся обшитая красным шёлком и крытая навесом из красной кожи, открытым со всех четырёх сторон. В этой колеснице ехали двенадцать самых лучших амазонок-музыкантов.

Возглавляла процессию тройка светловолосых всадниц в серебристо-белых доспехах с серебряными шлемами и щитами, на белых конях, в белых перчатках и сапожках. Средняя красавица несла знамя предводительницы Дышаны.

Как только открылись главные ворота крепости, музыканты заиграли мелодию знаменитого древнего танца амазонок «удж хэш» – и процессия тронулась в путь.

Невиданной красоты процессию весь гарнизон провожал восторженными возгласами. Амазонки смотрели вслед, облепив стены крепости и башен, пока процессия не скрылась из виду. Но и после этого оставшиеся долго обсуждали детали экипировки амазонок, сбруи коней и то, как удивительно красиво и синхронно гарцевали свадебные лошади под музыку «удж хэш».

На половине пути гостей встретила сотня верховых хозяев, и вся эта красивая и мощная компания, выполняя невероятные трюки джигитовки, въехала на главную площадь села, где всех ждали богатые столы, выставленные в длинные ряды. Во главе столов сидели Быца и Сет. Так началось невиданное в этих местах грандиозное веселье, продолжавшееся семь суток.

Первый день был на исходе. Солнце висело над вершинами гор, готовое вскоре уйти за перевал, чтобы скрыться на ночь, когда на двух противоположных отрогах, образующих ущелье, где ютилось большое селение, одновременно появились две всадницы. Их спутать с кем-либо было невозможно, и все участники торжества, за исключением нескольких амазонок и Дышаны, вскочили со своих мест и начали скандировать:

– Аферим, Дахазиля! Аферим, Хурсана!

Сверкая на солнце алмазами и золотом драгоценных шлемов, всадницы понеслись вниз к радующимся их появлению участникам свадьбы. Вот они одновременно подскакали к площади с двух сторон, и их скакуны одновременно вкопались в землю всеми копытами почти у самых столов. Подруги сошли неторопливо с сёдел и оказались в объятиях Быцы и Сета. Долго не утихали крики и объятия.

Дышана с трудом делала вид, что всё это ей интересно и радостно. Но на душе у неё было совсем другое. Она до этого момента надеялась, что героини не узнают о свадьбе и не приедут. Но теперь ей было не до веселья – вступал в силу другой вариант, предписанный верховной царицей. А исполнение этого варианта требовало мобилизации всех её способностей, и она сидела напряженная, исподтишка переглядываясь с некоторыми амазонками, которые с понимающим взглядом отвечали ей лёгким кивком, обозначающим «я помню, всё сделаю как приказано», и незаметно покидали застолье и пробирались к своим лошадям, спрятанным за селом.

В пылу радости встречи никто не заметил этих многозначительных переглядываний, кроме Хурсаны. Но и она сделала вид, что ничего не обнаружила, первая подошла к Дышане и пожала ей руку с обезоруживающей наивной улыбкой, участливо справляясь о её драгоценном здоровье.

Больше всех радовалась Сауса. Наконец-то она встретила своих родных, теперь вся её семья была в сборе. Их вместе с красавицей невесткой, которую она полюбила с первого взгляда, потому что поняла – молодая жена очень любит Тхазепля, было уже семеро. У безродной амазонки, привыкшей быть совершенно одинокой в среде

тысяч воительниц, была своя родня и должны быть свои внуки! Сауса молилась богам, благодарила их и просила защиты.

На третий день рано утром Сауса удалось на безлюдной площади встретиться наедине с сыном. Они сели рядом на скамейку у стола, и она шёпотом спросила:

– Сынок, что за грусть в твоих глазах, я это заметила год назад и никак не могу забыть. Скажи, никто не доносит на тебя? Не знают о твоих делах?

– К счастью нет, мама. Да и нет у меня никаких дел уже давно. Я не хотел тебя расстраивать и никак не мог этого тебе сообщить. Но теперь уверился, что лучше было сразу тебе сказать обо всём. Дело в том, что я сделал всего несколько работ. Очень скоро я обнаружил, что сабли не получаются, и перестал их изготавливать. Мои сабли держат гибкость только в тепле. Зимой они от охлаждения ломаются, даже в прохладную ночь в горах они теряют гибкость. А других проблем нет. Мама, не расстраивайся, боги дали нам счастье любить друг друга, разве этого мало после всего, что ты перенесла? Давай будем благодарными богам за всё, что у нас есть. Не будем их гневить, ставя перед собой невыполнимые планы. Я давно знаю, что у нас в селе не один и не два доносчика. Если бы даже и получались сабли, невозможно было бы вечно скрывать всё, что связано с их изготовлением. А провал означал бы смерть всех тех, кто на меня надеялся и живет, радуясь жизни и свободе.

– Великие боги! Значит и от меня скрыто многое. На каком-то этапе они добавляют что-то еще. Я ведь сама выплавляла сталь только для изготовления кольчуг, налокотников и наконечников и считала, что такой же сплав, только пропущенный через желудки гусей, идёт на сабли. Оказывается, нет. Секрет не только в гусях. Но ты прав! Я поступила неправильно, подвергая опасности жизни стольких людей и твою жизнь ради тщеславной и глупой войны с империей. Теперь я вижу, что была смешна. Но с другой стороны – я очень рада, ибо с моей души упал огромный камень. Ты умница, что вовремя прекратил всё. Прости свою глупую мать, я возомнила, что могу наказать всю империю за смерть твоего отца и за свои муки.

– Мама, я очень беспокоюсь за Дахазилю и Хурсану. Мне кажется, что они, приехав на наше торжество, подвергают себя опасности. Они, видимо, не имели права покидать свои гарнизоны, иначе прибыли бы не одни и обязательно ехали бы под своими знамёнами. Что-нибудь говорили они тебе?

– Нет, сынок, разве они скажут? Но и меня терзают страхи за их жизни, постоянно молюсь за них.

– Мама! Я узнал, где содержатся их первые боевые кони Бзий и Вагоиж. И при отъезде мои люди сделают им приятный сюрприз – вернут их любимцев.

– Как это? Разве это возможно?

– Как это мне удалось? Коней должны были умертвить, а я угнал их уже давно и содержу скрытно. А табунщики, боясь наказания,

доложили, что коней уже нет в живых. Я тогда понял, что моих сестёр начальство не жалует любовью, и тебе тоже следует остерегаться и взвешивать каждый свой шаг.

Тут Тхазепль многозначительно посмотрел на мать и еле уловимым движением ресниц показал, что их подслушивают. Действительно, с подветренной стороны от них оказалась одна из амазонок, близких к Дышане.

Тхазепль так же негромко начал рассказывать о своей невесте. Как и когда они познакомились и как договорились. Сауса расспрашивала о ее родителях, о том, умеет ли она рукодельничать.

Хурсана и Дахазиля в это время, уединившись от толпы танцующих и веселящихся, вели тихую беседу, убедившись сначала, что их никто не слышит.

– Дахазиля, мы обе хорошо знаем, что в безопасности можем быть только среди массы людей. Наша известность и заслуги перед империей не дадут враждующей силе легко с нами расправиться. Только поэтому мы с тобой до сих пор не погибли от таких случайностей, как шальная стрела, отравление пищей, укус ядовитой змеи, неожиданно оказавшейся в наших постелях, перегрызенная мышами подпруга и ещё много чего из арсенала удод, о чем мы и не знаем. И не трогают нас только потому, что боятся, ведь самая боевая и бесстрашная часть всех амазонок, – это наши боевые соратницы и подруги. Не так просто сдерживать всеобщую ярость такого количества опытных воительниц. Они хоть уstraшены были этими змеями, всё же один раз и на короткое время ощутили вкус свободы, и с каждым днём всё больше становится тех, кто перестаёт верить, что эти змеи были душами наших прародительниц. Многие склоняются к версии Адисы, которую она никогда не скрывала, относительно порошка из змеиных яиц.

– Да, Хурсана, именно этими словами Адиса подписала себе смертный приговор. Но боги оказались на её стороне, и райская птичка вылетела из этой клетки. Какой же все-таки молодец этот Гасур, как он нам помог! Без него бы и Адиса погибла.

Она осеклась и посмотрела на Хурсану, затем обе девушки улынулись друг другу, и Дахазиля продолжила:

– Напрасно мы не говорим главного вслух, шаяя друг друга. Мы же обе понимаем, что не доедем до своих крепостей. Мы им дали хороший шанс убить нас, и они этого не упустят. Но мы не могли умереть, не увидев единственных близких и родных нам людей, поэтому приехали сюда. А они объявят нас сбежавшими, да видимо уже объявили и ищут везде, где нас нет. Затем найдут и прикончат. И никто не заступится, даже наши сторонники. Ибо нас объявят нарушительницами законов. Самые влиятельные наши единомышленники тоже лишены возможности что-либо предпринять. Они могут лишь недовольно поворчать и успокоиться. А как ты думаешь, Хурсана, что ожидает жителей села нашего Тхазепля? Мне очень нравятся эти люди, они

не похожи на других нартов, внутренне более содержательны, да и внешне кажутся красивее. Даже держат головы выше, глядят в глаза смело и открыто, на лицах доброжелательные улыбки, походка у них другая. Хурсана, я начала бояться за судьбу этих людей, они ведь не понравятся амазонкам!

– Да, они люди свободные! А свобода – это совершенно другое состояние души, свобода украшает и возвышает человека. Мы с тобой, считай, и не видели свободных людей, кроме разве что эллинов. Ты помнишь, какой это прекрасный народ?

А что до этого селения, то я думаю, что годы свободы этого села сочтены. Через пару лет после смерти предводительницы Дышаны амазонки спровоцируют драку с небольшой группой парней этого села, перебьют их, затем приедет к родителям этих парней новая предводительница, изобразит на лице крайнее сожаление, откупится, извинится, пообещает жестоко расправиться с виновницами. Затем они подождут, пока слух о справедливости амазонок распространится по другим нартским сёлам. И после того, когда все старые смотрительницы близлежащих сел доложат, что слухи о доброте империи достаточно широко распространились и все в восторге, они подкинут им труп какой-нибудь известной амазонки, которая им тоже чем-то не угодила. И вот тебе повод для «праздника». Для предводительницы и руководителей отрядов это самая легкая возможность выслужиться.

И для империи это очень прибыльно. Ведь организация войны с другими государствами – это хлопотное и рискованное для военной карьеры дело. В дальних походах всегда есть возможность не только умножить свои заслуги, но и потерять своё положение и имеющиеся блага. В чужих странах народ всегда имеет преимущество в знании своей местности, своих дорог и рек, удобных для засады мест, а ты там не знаешь, с какой стороны ждать опасность. А здесь всё известно, всё легко просчитывается. Среди нартов немало прихвостней империи. Они будут с большим рвением доставлять информацию о замыслах противника амазонкам. И самое главное – дешёвое сабельное мясо, дешевая кровь, которая так необходима для поддержания боевой выучки армии. И никакого риска. Такие сёла и племена представляют для империи большую ценность, и если нет таковых, то надо их растить, ибо содержание боевого духа и патриотизма армии империи во все времена требует огромных затрат.

А внутри своей империи всё проще. Нужно только правильно организовать это дело. У наших удов в этом деле большой и многовековой опыт. Сами же спровоцируют бойню, а на похоронах погибших амазонок произносят душераздирающие речи – мол, стоит только дать маленькую слабину, всякая нечисть поднимает голову на нашу святую империю. Или некоторые старухи-смотрящие начинают публично сетовать, что им так плохо в этом селе, а люди не понимают доброты, совершенно охамели и превратили нас, амазонок, в изгоев в собственной империи. Я думаю, что примерно так, в духе империи, и

будут уничтожены эти люди, и они, к сожалению, обречены.

– Великие боги! Что же нам делать, Хурсана?

– Как что делать? Где мы с тобой сейчас?

– На свадьбе нашего дорогого Тхазепля! – ответила Дахазия, вскакивая.

– Правильно! Тогда что надо делать?

– Веселиться и танцевать! – крикнула Дахазия и побежала к центру площади мимо двух скакунов, на которых они приехали.

Сначала Хурсана взяла свою пику и пику Дахазии и выбежала в круг. Она краем глаза заметила, как Дышана побледнела, незаметно схватила за локоть и передвинула одну из амазонок и оказалась за спиной своей телохранительницы. Но Хурсана подбежала к Дахазии и, высоко поднимая пики остриём вниз, поочерёдно глубоко воткнула их в землю в пяти шагах одну от другой. Затем посмотрела на подружку и, подмигнув ей, сказала:

– Ну тогда давай танцевать танец счастья, радости и силы, чтобы молодые были счастливы, радостны и сильны!

И они обе, как две пантеры, легко запрыгнули на свои пики и встали одной ногой на конец древка, свободно балансируя, чтобы раскачавшиеся пики успокоились. Затем Хурсана заказала быструю, темповую музыку, и началось такое, чего никто из присутствующих никогда не видел. Подруги с невероятной лёгкостью, с широкой улыбкой, глядя друг другу в лицо, с неуловимой глазу быстротой перебирали ногами, выполняя виртуозные движения. Даже пики стояли спокойно и не раскачивались, как будто их вовсе и не касались ноги амазонок, а женщины просто парили на месте, часто и мелко махая ногами, как птицы, когда они останавливаются в небе, чтобы спикировать на жертву, сложив крылья...

Безудержно веселились подружки все дни и ночи свадьбы, зажигая всех весельем и удивляя неутомимой энергией, мастерством, невероятными способностями и возможностями человеческого тела.

Шестой день свадьбы был посвящен ритуалу заведения невесты к родителям, и на этом ритуале должны были присутствовать в основном женщины рода и соседи. Молодые парни выехали за село отоспаться и дать отдых своим коням. Так же поступили и амазонки, выехав к шумной и чистой горной реке.

Встречать новую хозяйку в доме остались Быца, Дышана, Сауса, Хурсана и Дахазия.

После окончания ритуала Дышана легла в постель Быцы и дала волю наслоившемуся за шесть суток свадьбы желанию спать. Сауса со своими подругами тут же спрятались в кузнице Тхазепля. Хозяин поставил одного из своих людей за дверью снаружи, чтобы не допустить подслушивания. И они вволю пообщались.

Многое они рассказали подружке про битвы, победы, про неудачу с рождением мальчиков, про амазонку Афауэ-уд, которая носит теперь кличку Чёрная Гадюка и стала предводительницей крепости как особо

отличившаяся в походе. Они рассказали про старого пирата Гасура и про молоденькую царицу похода – Адису.

– Ой! – сказала Сауса. – Тхазепль ничего не знал о вашей тесной дружбе с Адисой и не догадался пригласить её на свадьбу вместе с вами!

– Ничего, Сауса. Тхазепль не догадался пригласить и нас. Мы сами узнали через друзей, которые находясь в крепости верховной царицы, что Дышана готовится к свадьбе своего названного брата. И, зная, что и мы ему названные сёстры, послали гонцов и ко мне, и к Хурсане.

– А я всё думаю, как он узнал, где вы находитесь? А тогда почему не взяли Адису?

– Успокойся, дорогая. Адиса сейчас находится далеко отсюда. Она сумела уйти и выйти замуж за любимого человека.

И Хурсана начала рассказывать.

– Когда мы уходили с кораблей на берег, Дахазилия, будучи первой помощницей Адисы по вопросам флота, успела отдать Гасуру столько кораблей, сколько тот смог угнать, собрав команды. На прощание старый пират, показав на мыс, далеко выходящий за береговую линию в море, сказал:

– Я буду стараться каждый год на этом мысу съесть жертвенную курицу по-хеттски в день весеннего равноденствия, в ваш праздник. Надеюсь, вы изредка сможете составить мне компанию. Если увидите на этом мысу двухъярусный костёр, знайте – это я. Это мой сигнал.

Весной я случайно узнала, что Адиса влюблена. И за неделю до дня жертвенной курицы ночью развела двухъярусный костёр на виду крепости Адисы.

Очень скоро наша девочка подъехала ко мне и взволнованно спросила:

– Хурсана, ты ли это? Я думала – Гасур. Что случилось?

Я обняла её и сказала:

– Случилось то, что и ожидалось. Ты влюбилась?

– Да, Хурсана! Я так счастлива и так несчастна! Он такой мудрый и смелый, такой красивый. А я амазонка. Он настаивает, чтобы мы вместе убежали. А как и куда бежать, когда?

– Бежать нужно сейчас, потому что до того мыска на берегу Ахун ехать нужно шесть ночей, не меньше. Если сейчас за три ночи доехать до Дахазилии, чтобы попрощаться с ней, и от Дахазилии до мыса, – ехать ещё три ночи. Всё, что вам нужно, я сама взяла, навьючив вторую лошадь. Только тебе нужно найти своего нарта, чтобы вовремя успеть к Гасуру на курицу, ведь он не будет стоять под этим мысом долго, теперь он богач и очень занятой.

– Мой любимый нарт находится рядом. Нарыч, подойди к нам, – позвала она.

Из-за деревьев вышел такой красавец, который только и был достоин нашей райской птички. Он поздоровался со мной, протянул крепкую и тёплую ладонь.

– Нас могут сопровождать мои братья, чтобы защитить от возможной погони, – сказал он.

Адиса в ответ на это засмеялась и сказала, что в защите она не нуждается – с ней будут две такие амазонки, против которых может выступить разве что вся империя. Она так верила в нас с Дахазилей.

Так вот, через три ночных перехода мы уже выманили Дахазилю из её норы точно такими же кострами. А ещё через три ночных перехода напугали старого Гасура, когда бесшумно с четырёх сторон подошли к его костру из темноты и потребовали отдать нам жареную курицу.

Кстати, он оказался на редкость пугливым и жадным. От испуга он так съёжился, прижал к груди курицу, что мы чуть не покатались с того мыса со смеху.

Теперь наша небесная птичка Адиса находится далеко, и даже мы с Дахазилей не знаем, где она. Но у неё есть всё, чтобы прожить счастливо и богато. Великие боги! Отдайте ей нашу долю семейного счастья, что мы не можем иметь!

Долго ещё сидели подружки в кузнице и все говорили и не могли остановиться. Особенно Хурсана и Дахазилия. Только спустя время Сауса догадалась, что прощались тогда с ней подружки...

Свадьба закончилась, и амазонки во главе с Дышаной должны были уехать. Дахазилия могла ещё остаться. Но Хурсана настояла на отъезде, и Дахазилия с грустью сказала, что раз мы подъехали одновременно, то и должны одновременно отъехать.

На восьмой день утром жители села увидели, что на двух отрогах опять появились Дахазилия и Хурсана. Обе всадницы стояли без движения и смотрели вниз. На их плечах сидели по два сокола, под копытами лошадей лежали по три боевых пса. Внизу на площади стояли все остальные члены семьи Саусы и смотрели то на правую, то на левую сторону.

Всадницы долго смотрели вниз. Затем Хурсана и Дахазилия подняли головы и взглянули друг на друга. Хурсана опустила голову и сначала посмотрела на своих лежащих собак, потом подняла голову в сторону подружки, тронув своего скакуна ладонью за шею, и помотала головой. Те же самые движения повторила Дахазилия. Они подняли правые руки и, приложив их к груди, отвесили друг другу поклоны кивком, затем одновременно повернули своих коней, каждая в сторону своей крепости, и скрылись из виду.

Напрасно Сауса поворачивалась то вправо, то влево. Пусто было на вершинах отрогов, пустота заполняла и её грудь...

Как только Хурсана поднялась на вершину отрога, она сразу же поняла, что её конь перекормлен зерном и еле дышит после небольшого подъёма. То же самое было и с собаками – их перекормили жирной и сухой бараниной. И они уже не могли даже стоять. Она знала, как это делается. Сначала животных не покормили сутки, затем дали разжигающую аппетит смесь и кормили до тех пор, пока не заполнился их кишечник непереваренной пищей.

Собак уже ничто не могло спасти. Коня еще можно было выходить. Но для этого нужно было иметь несколько дней времени, чтобы чередовать стояние в холодной воде по колено с медленным выхаживанием, ведя под уздцы, без нагрузки, даже без седла. И нужен был специалист, который умел бы промывать лошадиные желудки, лечить конечности, надрезая сосуды в нужных местах и выдавливая загустевшую кровь, чтобы привести в порядок ноги скакуна.

Доехав шагом до ближайшего ручья, заросшего мелколесьем, Хурсана спешила и завела коня в холодную воду. В это самое время к ней подъехали три молодых нарта и – великие боги! Они вели оседланного Вагоижа! Он находился в блестящей форме!

Хурсана бросилась к своему любимому коню, и они долго радовались друг другу. Она обнимала его голову, гладила его и шептала ласковые слова. Вагоиж в великой радости танцевал и лизал её руки, лицо, притирался щеками к её телу. Она видела ухоженного коня, прекрасного Вагоижа со сверкающими боками!

Хурсана достала из-за пояса кольчуги небольшого размера кожаный кисет с драгоценностями и отдала парням, не дав им возможности отказаться. И попросила оставить её с лошадьми и ехать домой. Молодые ребята хорошо помнили, что Хурсана и Дахазиля очень настойчиво и категорично отказались от сопровождения, несмотря на просьбы Тхазепля и Саусы, и оставили её одну. Она не хотела, чтобы парни заметили, что прежний конь Хурсаны испорчен. Ведь хозяева, не углядевшие за конями гостей, могли быть подвергнуты позору, и это испортило бы всю радость от праздника.

Хурсана подождала ещё немного, пока парни не отъехали подальше, сняла седло с первого коня и приладила его на круп Вагоижа. Сев на своего любимца, поехала, медленным шагом ведя на привязи вороного. А собаки остались лежать у ручья, скуля и не в силах даже подняться.

Когда солнце почти достигло зенита, она увидела силуэт человека, сидящего в позе крайней усталости и удрученности. Подъехав поближе, она заметила старика, сидящего на вязанке дров без сил. Невдалеке, на три полёта стрелы, она увидела дом старика, довольно добротный и с хорошими хозяйскими постройками.

Хурсана поздоровалась и услышала в ответ невнятное бормотание старика, который нехотя встал при её появлении, но не удостоил её даже взглядом.

Хурсана наклонилась, взяла его вязанку в левую руку, а правой рукой подняла старика и посадила на шею Вагоижа. И так же медленно поехала в сторону дома. Заехав в открытые ворота пустого домовладения, где не слышно было шума и не видно следов живности, она спустила старика на землю и положила вязанку там, где лежала увесистая чурка для колки дров. Потом, спешившись, сняла седло первого коня с крупа Вагоижа и обратилась к старику, показывая на тяжело дышащего вороного:

– Отец, мне некогда возиться с этим конём. Его перекормили

зерном, чтобы испортить. Возьми его, если знаешь как выходить. У меня он пропадёт, а конь славный и породистый, ещё долго может служить любому рыцарю и никогда не подведёт. Продашь, когда поправится, или подаришь кому-нибудь. У тебя, наверное, есть племянники или сыновья?

– С конём всё будет нормально. Я знаю в них толк, знаю, как освободить конечности коня от загустевшей крови, но для меня в моём возрасте это слишком дорогой конь. Вот если бы были живы...

И он запнулся, из его глаз потекли слёзы. Он присел на чурку и, собравшись с силами, продолжил:

– Были у меня сыновья, благородная девушка...

Старик говорил с такой болью в голосе, что Хурсана на миг оцепенела и пристально посмотрела на него. Его глаза, казалось, стали еще темнее от глубокой грусти.

– Что же стряслось с ними, отец? – спросила тихо Хурсана и положила свою ладонь на дрожащую кисть его худой руки.

– Их у меня было трое и были они погодки, один краше другого. Но я, считай, сам сгубил их, воспитав в них неуместные для нашего времени и положения смелость и чувство справедливости. Я по глупости радовался и гордился, когда они заступались за бедных и униженных, когда выказывали геройство и отвагу. Всё кончилось в один день. Они не понравились твоим сёстрам... И хотя прошло более десяти лет, эти три прекрасных трупя, от вида которых невозможно было сохранить мужество и твёрдость, до сих пор стоят перед моими глазами...

Еле dokonчил он свою речь и сидел, опустив голову, и его тело тряслось в ознобе.

– Прости меня, прекрасная и сердобольная амазонка, я уже стар и горе пересилило меня, не умею вести себя достойно. Ведь не только у меня одного горе – вся земля полна горя и несправедливости.

Хурсана достала из седельной сумки мешочек – последний свой запас драгоценных камней, положила растрогавшемуся старику в ладонь и сказала, не давая возможности произнести и слова:

– Отец, возьми эти камни, выменяй их на стадо коров или овец, найми себе работников и проживи безбедно остаток жизни. Прими мои соболезнования, твоим сыновьям будет легче на том свете, когда их души узнают, что тебе стало легче на этом свете.

С этими словами она вскочила на коня и направилась в сторону крепости.

Старик поспешно вскочил и, махнув руками, закричал ей вслед:

– Доченька, постой! Не едь в ту сторону! Я долго сидел в тех кустах не в силах дальше тащить свою вязанку. Там я заметил большой отряд хорошо вооружённых амазонок. Они копали ямы в поле, а грунт из ям увозили на бурках в русло речки Арщыдан и высыпали в воду. Они явно готовили засаду. А сейчас понял, что они ждут не иначе как тебя.

Хурсана остановила коня и спросила:

– Почему ты решил, что именно меня?

– Потому что ты не такая, как они. Ты не только бесподобная красавица, но и душу имеешь бесподобной красоты и благородства. А это не по их правилам. Такое им чуждо, а значит враждебно. Они убьют тебя. Сверни в сторону, послушай старика, не добавляй мне горя.

– Прости, отец. Я амазонка. Ничего с этим не поделаешь. Никто не в силах помочь мне, кроме богов. Чему быть, того не миновать. Сегодня можно свернуть, но нет дороги на земле, которую они не смогут перекрыть. Пусть всё будет по воле богов!

– Скажи мне, как твоё имя, доченька?

– Меня зовут Хурсана. Великое горе сделало тебя святым и твоя молитва дойдёт до богов. Отец, помолись за мою грешную душу.

И она медленно тронулась в путь.

– Великий Псатха! Она и есть знаменитая Хурсана... Твоя громкая слава всё же не так высока, как твоя сущность, прекрасная героиня! О боги! Храните её! Сделайте так, чтобы стрелы, которые будут нацелены на неё, миновали её и попали в моё сердце...

Старик сидел на коленях, подняв к небу руки, и молил богов, полными слез и помутневшими от горя и боли глазами искал хоть одного из тех, кому он всю жизнь приносил щедрые жертвоприношения и оказывал почести.

Но все было тщетно. Небо было холодным, бесчувственным и бескрайне пустым...

Отъехав немного, Хурсана на ходу начала готовится к битве. Она сняла кожаные мешочки с голов своих соколов, которые отвели в сторону не один десяток пик, направленных ей в грудь, – и ахнула. Через полузакрытые веки птиц она увидела, что зрачки обоих соколов были совершенно белыми. Им сварили глаза, обмотав головы тряпкой, залитой горячим жиром, затем снова закрыли головы мешочками.

«Моя бесценная Дахазия! Они сумели оставить нас совершенно незащищёнными. Псатха, храни мою Дахазию! Она очень любит жизнь», – помолилась она, выпуская обречённых на гибель птиц на землю и, положив перед ними все остатки своего запаса копчёных бараньих курдюков.

Когда Хурсана миновала речку Арщыдан и выехала в поле, увидела несколько десятков амазонок верхом и с приготовленными пиками.

С левого фланга этой цепи на три шага вперёд выступила одна амазонка, в которой Хурсана узнала старую воительницу, шестидесятилетнюю Афауэ-уд – она же Чёрная Гадюка.

Она стояла и ждала, когда Хурсана выйдет на позицию атаки, и была уверена в своей победе, ибо ей утром сказали, что Хурсана без собак, без соколов, и едет на коне, у которого нет сил даже для того, чтобы пуститься рысью.

Противники Хурсаны выпустили в небо своих соколов. Вагоиж ехал медленным шагом, строго подчиняясь незаметным командам ног Хурсаны. А та хорошо понимала, что не сможет пользоваться своей

пикой – не позволят орлы противницы, поэтому пику держала поперёк коня.

Афауэ-уд еле дождалась того момента, когда Хурсана вышла на длину разбега коня, и пришпорила его.

Мощный конь стрелой понёс Чёрную Гадюку на Хурсану, которая так же медленно ехала, держа свою длинную пику за середину древка – поперёк седла.

Когда Афауэ-уд набрала такую скорость, что до столкновения не смогла бы ни отвернуть коня, ни остановиться, Хурсана резким движением рук переломала прочное древко и в её правой руке остался увесистый конец древка, а в левой – другая половина пики с острым наконечником. Тут она с невероятной быстротой швырнула под ноги набегающего коня половину древка пики.

Тонкие и хрупкие кости передних ног породистого коня с хрустом переломились и он рухнул на землю носом перед самыми копытами Вагоижа. Хурсана с такой силой нанесла левой рукой удар обломком пики, что её остриё насквозь пронзило грудь Афауэ-уд, прежде чем на неё опустился круп переворачивающегося на спину коня. И одна из самых лучших кольчуг империи не спасла её от удара Хурсаны.

В этот же миг Вагоиж, получив новую команду, понесся с такой скоростью, что и сама Хурсана, отвыкшая от рывков коня, вынуждена была сосредоточить всё внимание на том, чтобы удержаться в седле. А Вагоиж хорошо помнил этот манёвр, который лет пять назад был заучен до автоматизма.

Сначала конь почти лёг на правый бок, когда поворачивал направо с кратчайшим радиусом. Затем ненадолго выпрямился и, всё время наращивая скорость, почти лёг на левый бок. Выполнив короткий бег, выпрямился, находясь уже на одном прыжке от фланга растерявшихся и ошарашенных таким резким поворотом дела амазонок.

Неотвратимый и неуправляемый Вагоиж врезался в шеренгу сбоку, превращая весь строй в невообразимую мешанину, где с невиданной скоростью двигался тяжеленный меч Хурсаны, как кара богов за подлость и коварство удов.

Вагоиж, казалось, даже не потерял скорости, когда закончилась шеренга амазонок и он пошёл на новый разворот для следующей атаки. Но, увидев, что несколько уцелевших после первого наскока амазонок кучей бросились наутёк, поскакал в их сторону, зная, что быстро их настигнет.

Убегающие амазонки выскочили на невысокое еле заметное плато в поле. Хурсана сразу сообразила, что это идеальное место для засады лучниц. Амазонки могли бы проще удрать, поскакав к низине, заросшей редкими кустарниками боярышника и мушмулы. Там точно могли быть одна или две уцелевших, в отличие от чистого поля, куда направлялись эти. И она дала Вагоижу команду замедлить разгон и развернуться на скаку.

Но Вагоиж видимо за два года подзабыл эту команду, которую они никогда не выполняли во время боя, и вынес хозяйку на самую середину плато.

Одновременно из своих замаскированных ям встали более трех десятков лучниц и пустили стрелы. Умница Вагоиж сумел всё-таки остановиться, вкопавшись по колено в мягкий грунт плодородного поля, что и спасло от первого залпа лучниц. Но те, очевидно, были нерядовые лучницы и очень быстро успели пустить вторую партию стрел, и с этим Хурсана уже была не в силах сделать что-либо...

Амазонки сняли всё с трупов Вагоижа и Хурсаны, собрали в бурки останки своих спутниц и уехали.

Одинокий старик весь вечер и всю ночь сидел около трупов, не имея силы ни на что, кроме как разжечь костёр и отогнать огнём шакалов.

На следующий день группа крестьян остановилась у костра старика. И когда они услышали от старика имя этой амазонки, обстоятельства её гибели и то, как она помогла бедному старику, нарты вернулись к оставленным на дороге своим арбам, достали лопаты и похоронили амазонку.

Со всех близлежащих селений стали приходиться и приезжать нарты. Одни носили корзинами землю, другие подвозили на арбах – и через месяц насыпали высокий курган.

А старик, соорудив маленький шалаш, так и жил здесь. Он вырубил большую клюку, кривизной напоминавшую косу, и начал сглаживать откосы насыпи, придавать им правильную форму и утрамбовывать. Клюка его была очень неудобная, но с каждым днём он всё больше привыкал к её кривизне, научился правильно прилагать усилие рук.

Когда в конце работы курган принял нужную высоту и красивую округлую форму, старик, удовлетворённый его видом, приставил к стене своего шалаша клюку с отполированной до блеска ручкой, грустно посмотрел на своё несуразное орудие и тихо сказал про себя:

«Да, не думал я, что руки смогут привыкнуть к такой кривизне. К чему только не привыкает человек! Созданные для нежной любви и ласки прекрасные творения богов становятся орудиями жестоких убийств, и мы привыкли к этому. С какой только кривизной и кривдой не свыкается человек! И я человек, потому, наверное, привыкну жить и с этим горем...»

* * *

От автора

В двух километрах к востоку от современного селения Аргудан стоит в поле могильный курган, который носит название «Хурсан ошха» – курган Хурсаны. Это название люди сохранили, передавая из уст в уста. Память народная проникла через века в наше время, сохранив благородство и отзывчивость души амазонки.

«ДУША СКУЧАЕТ ПО РОДНОМУ КРАЮ,
РАЗБРОСАНЫ ПО МИРУ ЗЕМЛЯКИ...»

**Стихи поэтов черкесского зарубежья
в переводах Владимира Мамишева**

Ибрагим АБАЗА

Впереди меня

Я в Турции живу, совсем один, –
Нет для души приюта на чужбине.
Приходит новый день, но лишь седин
Добавит мне, и – нет его в помине.

Но, не клонясь под тяжестью годов
И зная: честь от мужества зависит,
Как прежде я удар держать готов,
Что мне готовит враг или завистник.

И, душу от отчаянья храня,
О светлом в черный день напоминая,
Идет надежда впереди меня,
Зовет туда, где сторона родная.

Насупив брови, как сердитый муж, –
На тех ли в гневе, в ком души не чаает? –
Бушует море; в небе – крики чаек
Подобны причитаниям кликуш.

Быстрее надежд, как в приближеньи мига,
Чтоб кинуться на кровного врага,
Летит волна и бьется в берега
Земли, благословенной для адыга.

Но там, роняя пену с языка,
Лизнет подошву гор и тихо сгинет.
...Как в жилах кровь, моя надежда стынет,
А родина все так же далека.

Турция, Хажмуратлы

Амин АФАСИЖ

Истребляют мой народ

Не звучит больше в семьях адыгская речь,
Забывается хабзэ¹ и сердце скудеет.
А над теми, кто хабзэ мог в сердце беречь,
Никнут травы и ветер кладбищенский веет.

Истребляют адыгский народ,
Разбросав по дорогам чужбины.
Слава – в прошлом, что в будущем ждет?
Горе – если не будем едины!

Старый конь мои ребра копытом пробил,
Пес плешивый на сердце набросился рьяно,
Хитрый кот мою кровь без остатка допил,
И теперь на рогах я тупого барана¹.

Истребляют адыгский народ,
Разбросав по дорогам чужбины.
Слава – в прошлом, что в будущем ждет?
Горе – если не будем едины!

Турция, Чорум

Рафик ТХАГАЗИТ

День и ночь

Солнце светит одним, а другие в тени,
В ночь сливаются все мои жалкие дни,
Злоба душит свободу, у власти – порок,
День уходит в окно, ночь идет на порог.

Кто укушен змеей, тому страшен аркан, –
Даже месяц на небе скрывает туман.
Я чужак, но не кланяюсь здесь никому,
Потому-то мой день так походит на тьму.

Я теряю язык, вековой этикет,
Забывает мой день яркий солнечный свет.
Если все же смогу путь назад превозмочь –
Мне на родине днем станет каждая ночь!

¹ Конь, пес, кот, баран – символы политических партий Турции.

Родится звезда

Однажды, я знаю, нас выберет путь,
Стирая изгнания печать,
Чтоб к нашим горам вековечным вернуть.
Отваги нам не занимать.

Закончится долгих ночей череда.
Началом счастливого дня –
На утреннем небе родится звезда,
От нартского вспыхнув огня.

И этому свету мы будем под стать,
Мы в душах его берегли,
О нем не забудет адыгская мать,
Детей ожидая вдали.

Всадники возвращаются

На гривах кабардинских скакунов,
Подобных крыльям горного орла,
Летят цветные ленты наших снов
В страну, куда надежда позвала,

Где был потушен дедовский очаг
Нашествием неистового зла.
Сверкают звезды в дерзостных очах,
Когда копыта скрадывает мгла.

Сколь долго ни продлится этот путь,
Не повернем и не сойдем с седла,
Пока не сможем родине вернуть
Весь свой запас сердечного тепла.

Тяжелая дума

Наслаиваясь тяжестью песка,
Как в шахте измельченная порода,
В моей душе, крепчая год от года,
Скопилась безысходная тоска.

И вязкая, безрадостная дума,
Уже по горло затянув меня,
Не позволяет видеть красок дня.
Не слышу я и птиц беспечных шума.

Остались мы на разных берегах,
А в Черном море – странников юдоли –
Все прибывает горечи и соли
От влаги в наших выцветших глазах.

Одним живу, вверяя лишь надежде
Твой образ, бесконечно дорогой, –
Придет тот день и станет жизнь другой,
Когда я обниму тебя, как прежде.

Турция, Бурса

Зульфикар АНСОКО

Песня детства моего

Как счастлив я бываю иногда,
И с радостью встречаю новый день я,
Когда твой лик увижу, Кабарда,
Пусть даже кратким чудом сновиденья.

И сердце рвется к легким облакам,
Чтоб с ними улететь к родному краю.
Душою припадаю к родникам
И мысли, как янтарь, перебираю.

Где б ни был я – Каир, Багдад, Амман, –
Всегда в груди разрыв шемящей ноты.
Немало видел я заморских стран,
Но что скитальцу чуждые красоты.

Мне нравится шумливая река
Бескрайнего стамбульского базара:
Бывает, звук родного языка
Услышу там, и – нет прекрасней дара!

И, как ребенку малому, глаза
Мне застилает радужная влага.
В укор ли будет взрослому слеза,
Что к родине стал ближе на полшага.

Небесной птицей слышится привет
В звучании живой адыгской речи.
Адыгственность¹ – чему подобья нет –
Поднимет взгляд мне и расправит плечи.

1 Адыгагэ – адыгственность – синоним благородства

Я пожимаю руки землякам,
Течет беседа звонким водопадом.
В минуты эти кажется всем нам,
Что родина оставленная – рядом.

И просветлеет сумрачный Босфор,
Затем в тумане, старце седоусом,
Покажутся вершины дальних гор, –
Звезду свою увижу над Эльбрусом.

Мне с этим светом не страшна беда,
Как с песней, согревающей нам души,
Что повторяю с детства: «Кабарда,
Мой мир, мой свет...». В тебе мой день грядущий.

Турция, Сивас

Эргун БАБУГ

Просьба

О Всевышний, о милости лишь об одной
Я прошу, много видевший в жизни земной,
Чтобы раньше, чем грянет последний мой час,
Я увидел Кавказ!

Мы, подобно осколкам, живем там и тут, –
Дай увидеть, как дома адыги живут,
Я пешком доберусь, через сотни преград,
А потом – хоть и в ад!

На чужбине рожден, я живу чужаком,
И с печалью изгнанников с детства знаком.
Исчезает народ мой, как речка в песках, –
Помоги нам, Аллах!

Пока держится мир, сотворенный Тобой,
Не желая смириться с жестокой судьбой,
Я прошу: закалив среди бед и невзгод,
Поддержи мой народ!

Небо хмуро и реки все с мутной водой,
Голова поседела, хоть я молодой.
Твою ношу не в силах я больше нести
В безысходном пути.

О Всевышний, не дай обессилеть ногам, –
По дну моря пойду я к родным берегам.
Лишь на склоне холма, где стоял мой аул,
Я б душой отдохнул.

Не лишай меня зрения, прежде чем я
В майском цвете увижу родные края,
Посмотрю, как танцуют лихой «Исламей»
На отчизне моей!

Вопрос

По кругу не раз уже солнце вернулось,
И месяц вернулся из тьмы.
И речка бурливая снова проснулась
К исходу суровой зимы.

Гуляет по белому свету свобода,
Что хуже тюрьмы и сумы.
Нет родины, стало быть – нет и народа.
– Скажи, а вернемся ли мы?

Адыгский воин

*Посвящается погибшим
в Русско-Кавказской войне*

С архангелом на краешке седла
Гарцует на гнедом своем коне
Адыгский воин.
Все, с кем его нелегкая свела,
Узнают, сколь опасен на войне
Адыгский воин.

Сражен противник, проклиная час,
Когда увидел, как летит с клинком
Адыгский воин.
Со смертью лютой он шутил не раз,
И страх ему постыдный не знаком, –
Адыгский воин.

Забавой он считает ратный труд,
А конь под ним – игривая река, –
Адыгский воин.
Расскажут те, что целыми уйдут:

Как молния быстра твоя рука,
Адыгский воин.

Ты против сотни выходил один,
Не гнулся в тяжелейшей из годин, –
Всех почестей и памяти достоин
Адыгский воин.

Если я не достигну желанной отчизны
И в дороге умру, на чужой стороне,
Не тому, кто сюда меня вез, укоризны,
А тому, кто отсюда дал выбраться мне.

Но когда на чужбине, в слезах, как на тризне,
Все твержу без конца: «Я адыг, я адыг...» –
Проклянет меня тот, кто в далекой отчизне
Выживает и знает родной свой язык.

Турция, Анкара

Метин МЕРЕТУКО

Не проходит печаль

Услышь меня, малая птаха,
В душе моей холод и мрак,
Хочу, чтоб, не ведая страха,
Над взглядами сонных зевак,
Над гладью морского пролива,
Взвилась ты, неся мой рассказ
Горам, что стоят горделиво,
Возвысив родной мой Кавказ.

Поведай, свободная птица,
Живущим в том славном краю,
Как здесь, на чужбине, томится
Душа, не привыкнув к житью
Изгнанников пришлых... Лети же
С ладони моей в высоту.
Теперь мне и родина ближе, –
Лети, догоняя мечту!

Во всем друг на друга похожи,
Проходят и ночи, и дни.
С мольбой, но без суетной дрожи,
Я к небу зываю: «Верни
Посланницу бедного сердца,
Крылатую радость мою!»
В лачуге распахнута дверца,
А сам у окошка стою.

Ну где же ты, быстрая птаха,
В горах ли, над морем, в лесу?..
«Вернись, если в воле Аллаха, –
Клялась ты, – и весть принесу».
День-ночь – облетают страницы
Настенного календаря.
Я жду возвращения птицы,
Закат за окошком, заря?..

Прекрасная фиалка

Черкешенка, прекрасная фиалка,
Ты очаруешь Запад и Восток,
Любых сокровищ для тебя не жалко,
В тебе единой – жизненный исток.

Ты свято чтишь обычаи народа,
В твоих словах есть мудрости печать,
В движеньях – легкость, грация, свобода...
Но все-таки в глазах твоих – печаль.

Ты промолчишь, но все равно я знаю
Причину этой сумрачной тоски:
Душа скучает по родному краю,
Разбросаны по миру земляки.

Дарю тебе любовь, она безмерна
И к родине моей обращена.
Придет любовь, исчезнут ложь и скверна,
И в очагах огонь зажжет она.

Моя родина

На земле моих предков, мечтою влеком,
Я хотел бы расти ярко-красным цветком,
Отразиться в реке, где плывут облака,
И душе бы спокойна была и легка, –
Чтобы все разделить мою радость могли
У подножия гор моей древней земли,
Где прохладу подарит чистейший родник,
Где бы вечности свет в мое сердце проник.

Голландия, Гронинген

Зейн КАНДУР

Окно

Какие б ни настали времена,
Сквозь призму жизни ты на все
смотри,

А если окружит тебя стена,
Найди окно и в мир свой отвори.

Один лишь бог преодолет дух.
А справишься ли ты, а сможет он?

Ответ предельно прост: одно из двух.
Скажи мне, докажи, что ты силен.

Твоя улыбка лжива и слова...
Весь мир погряз в невежестве и лжи.
Лишь очевидность явная права, –
Окно свое распахнутым держи.

Иордания, Амман

Хаути ШОГЕНОВ,
заслуженный учитель КБР

Родоначальник русской ветви Лермонтовых и князя Черкасские

Четыреста лет тому назад, 5 сентября 1613 года, на московской земле произошло важное событие, которое стало поистине судьбоносным в жизни далекого предка Михаила Юрьевича Лермонтова, молодого выходца из Шотландии – Георга Лермонта. К этому событию и к произошедшим в его дальнейшей жизни важным переменам оказались причастными именитые русские воеводы и бояре, князья Дмитрий Мамстрюкович и Иван Борисович Черкасские.

В то время в водовороте напряженных московских событий оказался внук Темрюка Идарова князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский. Дмитрий Черкасский был сыном знаменитого Мамстрюка. Он доводился братом русской царице Марии Темрюковне и был любимым шурином Ивана Грозного. Воевода Дмитрий Мамстрюкович храбро сражался с интервентами в войске князя Дмитрия Пожарского, участвовал в освобождении Углича от польско-литовских оккупантов, обнаружив недюжинные способности военного организатора.

Летом 1613 года воеводы Дмитрий Черкасский и Михаил Бутурлин освободили от интервентов Вязьму и Дорогобуж и 9 августа подступили к крепости Белой, расположенной севернее Смоленска. 5 сентября войска князя Дмитрия Черкасского взяли ее штурмом, выдержав сильную вылазку защитников крепости, как сказано в архивных документах. За эту победу князю в Москве была вручена золотая награда.

Среди защитников крепости находилось около 60 человек английских выходцев, которые состояли на польской службе. Они вышли из Белой на государево имя и, таким образом, впоследствии оказались в рядах московских войск. В числе этих иноземцев находился и предок Михаила Юрьевича Лермонтова Георг (Юрий) Лермонт. Первый биограф М. Ю. Лермонтова Павел Александрович Висковатый писал по этому поводу: «Уговор с ним <Лермонтом> был заключен боярином Иваном Борисовичем Черкасским».

Кто такой был боярин Иван Черкасский, и почему именно ему пришлось договариваться с Георгом Лермонтом и другими английскими выходцами относительно перехода их на военную службу в московских войсках?

Князь Иван Борисович Черкасский приходился троюродным братом

воеводе Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому. Они были внуками родных братьев Темрюка и Камбулата Идаровых, которые в недалеком прошлом являлись верховными князьями Кабарды. Темрюк Идаров первым проложил дорогу к северному соседу – первому русскому царю Ивану Грозному. Выдав в 1561 году дочь Марию (Гошаней) замуж за русского царя, князь Идаров упрочил связи Кабарды с Российским государством.

После смерти Темрюка его младший брат Камбулат Идаров в 80-х годах XVI века продолжил усилия своего брата по сближению Кабарды с северным соседом. Во время посещения Москвы с посольством в 1578 году он оставил своего сына Карашая служить «государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси». После принятия православия Карашай был наречен Борисом. «С тех пор... он жил в России, – пишет историк О. Л. Опрышко. – От князя Камбулата Идарова, дяди Марии Темрюковны, пошла на Руси вторая ветвь генеалогического древа рода Черкасских».

Первые годы Борис Черкасский занимал различные военные должности. Летом 1591 года он проявил незаурядные способности военачальника при отражении 100-тысячного войска крымского хана Казы-Гирея. За блестящую победу над превосходящими по численности вражескими силами Черкасский был награжден золотым знаком отличия, а в 1592 году удостоился боярского звания. «Влияние и авторитет его выросли после женитьбы на Марфе Никитичне Романовой, племяннице первой жены Ивана Грозного и сестре знатного и влиятельного боярина Федора Никитича Романова, ставшего впоследствии российским патриархом Филаретом», – писал Ч. Э. Карданов.

Когда в 1598 году царем стал Борис Годунов, он обрушил свой гнев на Романовых и Черкасских. Федор Никитич Романов был пострижен и отправлен с женой в монастырь. Борис Камбулатович с семьей также был сослан в глухой район Белоозера. Вместе с его семьей был сослан пятилетний сын Федора Никитича Михаил. Тогда заботы семьи Черкасских спасли от верной гибели малолетнего Михаила, будущего основателя царской династии Романовых.

В феврале 1613 года на Земском соборе на российский престол был избран сын патриарха Филарета 17-летний Михаил Федорович Романов. Тогда авторитетнейший род Черкасских активно поддержал его кандидатуру. Иван Борисович приходился новому царю двоюродным братом. На следующий день после воцарения молодой государь Михаил Романов пожаловал своего брата Ивана Черкасского боярством.

Боярин Иван Борисович взялся активно помогать молодому царю в укреплении власти новой династии. В последующие годы он попеременно возглавлял различные приказы (прообразы нынешних министерств). А когда в 1633 году умер отец Михаила Романова всесильный патриарх Филарет, боярин Иван Черкасский стал главой русского правительства и оставался у власти до конца жизни – до 1642 года.

В процессе перехода Георга (Юрия) Лермонта и других выходцев из Англии на службу к русскому государю непосредственное участие принимал самый приближенный к юному царю боярин князь Иван Борисович Черкасский. Сохранились челобитные, с которыми Георг Лермонт обра-

щался к царю. Ивану Черкасскому, как боярину, возглавлявшему попеременно такие приказы, как Иноземный и Большой Казны, приходилось решать проблемы, с которыми обращались к государю английские выходцы. Архивные документы подтверждают, что боярин И. Б. Черкасский неоднократно оказывал поддержку молодому шотландцу, который целеустремленно и настойчиво осваивался на московской земле. Просьбы его касались и увеличения месячных жалований. В кругу своих соотечественников, изъявивших желание служить русскому царю, Георг Лермонт пользовался авторитетом. В 1617 году, минуя должности писаря и пятидесятника, он назначается с одобрения роты прапорщиком, а в декабре 1618 года – поручиком.

Сохранились два архивных документа тех лет, на которых предок Лермонтова оставил свои подписи. Эти документы проходили через руки боярина Ивана Борисовича Черкасского. К 1619 году относится челобитная Георга (Юрия) Лермонта с товарищами государю Михаилу Федоровичу с просьбой поверстать их поместьями и денежными окладами.

«Это значило, – отмечал историк В. Н. Сторожев, – что из кормовых иноземцев, временно-наемных солдат в московской армии, они желали превратиться в московских служилых людей – дворян, привязанных к государству землею, а по земле службою». В резолюции было сказано распросить всех челобитчиков и переписать тех, кто из них хочет остаться в Москве, а кто хочет вернуться на родину. В Разряде составилась список из 47 человек, пожелавших навсегда остаться в Российском государстве и превратиться в русских помещиков. В их числе оказался и Георг Лермонт.

Желание челобитчиков исполнилось: их поверстали по службе и по отечеству поместьями и денежными окладами. В том же 1619 году и в начале 1620 года их наделили населенными поместьями. Георг Лермонт одним из первых получил в Галиче поместье из девяти деревень и пустоши. Свои незаселенные и невозделанные участки он планомерно и похозяйски умело осваивал. Можно сказать, что трем его сыновьям, Вилиму, Петру и Андрею, не пришлось после смерти отца начинать окончательное оседание в московском государстве с чистого листа.

В 1632 году московское правительство стало уделять усиленное внимание обучению русских дворян и боярских детей технике ратного строя по европейским образцам. Для этого были призваны иноземцы.

23 июня 1632 года полковник Самуил Шарль де Эберт, переговорив с иноземцами, подал боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому письмо, в котором перечислил лиц, способных занять места начальников и учителей во вновь формируемых полках. Среди них находился и Георг Лермонт: он был представлен князю ротмистром с назначением ему жалованья по 100 рублей в месяц.

Предок Лермонтова прослужил в московских войсках двадцать лет и погиб под Смоленском. Вот как об этом писал исследователь В. Н. Сторожев: «В конце 1633-го или в начале 1634-го года ротмистр Георг Лермонт во вторую польскую войну сложил свою голову за московского царя Михаила, на имя которого простым шляхтичем он вышел в 1613-ом году в первую польскую войну».

У Георга Лермонта было трое сыновей: Вилим, Петр и Андрей. Сохранился архивный документ, который подтверждает, что князь Иван Борисович Черкасский и после смерти Георга (Юрия) Лермонта оказывал внимание его детям.

Решив навсегда обосноваться на московской земле, Георг Лермонт с женой Катериной Федоровой прививал своим детям интерес к русскому языку и русским обычаям. Средний сын Георга, майор Петр Лермонт, ставший продолжателем Измайловской ветви рода Лермонтовых, в 1653 году принял православие. В 1690 году его сыновья, Юрий (Евгений) и Петр, получили право носить фамилию Лермонтов (вместо Лермонт), которую сегодня с благоговением произносит каждый, кто владеет русским языком.

В Измайловской ветви родословной Лермонтовых соблюдалась необычная традиция, связанная с мужскими именами. В каждом поколении этой ветви одному из сыновей давали имя деда по отцовской линии. Поэтому за каждым Петром Юрьевичем следовал Юрий Петрович. Эта необычная традиция сохранялась до рождения Михаила Юрьевича Лермонтова. Тогда традиция была нарушена по вине Елизаветы Алексеевны, настоявшей на том, чтобы ее новорожденного внука нарекли именем покойного деда по материнской линии. Так получилось, что с рождением Лермонтова необычная родовая традиция нарушилась, а после его смерти сама ветвь пресеклась.

Первый биограф поэта П. А. Висковатый был неправ, когда утверждал, что в этой ветви «старшие сыновья всегда назывались по деду». Как показывает родословная таблица, имя деда присваивали не обязательно первому сыну, следовательно, старшему из новорожденных. Во втором и в четвертом поколениях, например, имя деда присвоили вторым сыновьям, а в пятом поколении – даже третьему сыну. Тем не менее, такое необычное чередование мужских имен в Измайловской ветви сохранилось до 1814 года.

Из короткого рассказа о далеком предке Михаила Юрьевича Лермонтова логично вытекают два важных вывода. Во-первых, взятие в далеком 1613 году известным русским воеводой князем Дмитрием Мамстрюковичем Черкасским крепости Белой обернулось для молодого шотландца Георга Лермонта поистине судьбоносным событием, перевернувшим всю его последующую жизнь и жизнь его потомков. Во-вторых, благотворные встречи Георга Лермонта на московской земле с воеводой Дмитрием Черкасским, а затем и с ближайшим к царю боярином Иваном Черкасским способствовали появлению новой русской ветви генеалогического древа рода Лермонтовых.

200 лет спустя после окончательного перехода Георга Лермонта на государственную службу в белокаменной Москве появился на свет будущий поэт, имя которого засияло на русском поэтическом небосклоне как звезда второй величины. Имя этой неувыдающей звезды – Михаил Юрьевич Лермонтов, 200-летний юбилей которого в этом году торжественно отметит вся страна.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПОЭМА

*Шаваевым –
Ибрагиму и Эльдару*

I

Я не без роду, не без племени,
И не безгрешный человек,
Я дочь стремительного времени,
Твоих щедрот – двадцатый век.

Я пламенем его охвачена,
Я бурею его полна,
И мне, как всем нам, предназначено
Смысл этих лет испытать сполна.
Мне всей судьбою, как оракулом,
Удел предсказан был такой,
Что вспыхнет сердце ярким факелом,
Сражающимся с плотной тьмой.
Казалось мне, что если вскинется
Мой факел, светел и горяч,
Земные беды отодвинутся,
Умолкнет в мире детский плач.
Казалось мне, что, если светится
Тот факел сердца моего, –
Все, кто расстался, снова встретятся,
Настанет правды торжество,
Оков на свете не останется,
Распустятся любви цветы,
И от сердец к сердцам протянутся
Несокрушимые мосты.
Казалось мне, они способны
Сердца людей соединить,
Чтоб злобу, гнет и недоверие
Сумели люди победить,
Чтоб добрых дел и мыслей семени
Ростки покрепче дать скорей, –
Я не без роду и без племени, –
Я человек среди людей. О сердце!
Зерна слов рассывай! Я – дочь
Кавказских древних гор,
Где люди пламя Прометеево
Хранят и ценят с давних пор.

II

Мальчик мой, поверить можешь маме:
Я не упрекну тебя за то,
Что весь день провел ты на татами,
Постигая тонкости дзюдо.
Хоть порою мне тебя и жалко,
Знаю: надо стойким быть в борьбе.
Знаю: эта ловкость и закалка
Пригодятся в армии тебе.
Скоро, скоро станешь ты солдатом
И уедешь в дальние края,
К тем степям, лесам и перекатам,
Где ни разу не бывала я.
Как узнать, к горам или равнинам
Ты укажишь по путям стальным, –
Может быть, к болотам комариным,
Может быть, к торосам ледяным?
Может быть, в приморские туманы
Уведет тебя солдатский путь,
Может быть, туда, где вихрь песчаный
Полной грудью не дает вдохнуть...
И пока в гремящих эшелонах
Потечет поток призывников, –
Стану думать я в ночах бессонных,
Где же будет твой солдатский кров?
Будут и тревоги, и гаданья, –
Где он, путь, что пред тобой открыт?
Тяжкую науку ожиданья
Мне еще усвоить предстоит.
Буду жить грядущей встречи ради,
Комнату твою я приберу,
Все твои и книги, и тетради
В стопки уложу и пыль сотру.
Окунусь в дела свои с рассвета,
Чтобы время двигалось скорей...
Ожиданье тягостное это –
Участь всех солдатских матерей.
Мальчик мой, служи, во все вникая,
Что твой долг велит тебе познать.
Испокон веков судьба мужская –
Охранять свой кров и помнить мать.

III

Матери, ждущие сыновей,
Благодарю за науку терпенья!
Смело навстречу доле своей
Я поднимаюсь от потрясения.
Мудростью вашей наполнюсь и я,
Не покорюсь подступающей стуже,
Зорки и стойки у вас сыновья,
Сын мой, я думаю, будет не хуже.
Мне ли душою других быть слабей?
В горных краях, на извилистых тропках,
Над устрашающей тьмой пропастей
Род мой в Балкарии был не из робких,
Предки мои знали меч и кинжал,
Плуг земледельца и посох пастуший;
Каждый, кто к их очагу приезжал,
Мог оценить широту их радушья.
В мирные дни и в немирные дни,
С твердостью перенося испытанья,
Не посрамили ни разу они
Горцев балкарских высокое званье.
Вы завещали потомкам своим
Дух нашей жизни и звук нашей речи, –
Память о вас мы в столетьях храним,
Наши наставники, наши предтечи!
Вы в незапамятные времена
Шли по ущельям и по перевалам,
Вы на своем языке имена
Дали потокам, и рошам, и скалам.
Там, где теряется средь облаков
Вечных снегов голубая граница,
Вы обрели и призванье, и кров,
И научились горами гордиться.
Пахарь брал в крепкие руки соху,
Всаднику конь становился опорой,
И покорялись стада пастуху,
И мастерами горды были горы.
Где вы, метелями занесены,
Скрыты ли в клубах туманного дыма, –
Тропы, что к нам из седой старины
Через века протянулись незримо?
Предкам моим был неведом покой, –
Башни маячили на перевале,
Строили горцы одною рукой,
Ну а другою оружие сжимали.
Так уж им было в веках суждено, –

Чтобы до будущих дней продержаться, –
Сеять одною рукою зерно,
Ну а другою с врагами сражаться.
И уходили бесславно враги, –
Предки отстаивать волю умели.
Не угасали у них очаги,
Не пустовали у них колыбели.
Бога в молитвах своих возносили,
Жили они в неустанных трудах,
Стригли овец в темно-серых стадах,
Землю пахали и травы косили.
В горном суровом и милом краю
Их направляла стезя вековая,
Стойкость и силу, и мудрость свою
Внукам и правнукам передавая.
О мой народ! Ты спины не согнул
Под ураганами горестных бедствий,
И возникал за аулом аул
В дебрях скалистых с орлами в соседстве.
Крылья в горах расправляли орлы
И повисали в свободном паренье,
Видя, как к свету и правде из мглы
За поколениями шли поколения,
В купол небес устремляя полет,
Там, где восток горы розовым вышил,
Видят орлы, как балкарский народ
Жил и в лихих испытаниях выжил.
В завтрашний день нам вступить предстоит –
Сможет ли в нем мой народ сохраниться?
Пусть же нас твердости учит гранит,
Пусть же нас зоркости выучат птицы.

Слышал ты преданья дней былых,
Впитывал их чуткою душою, –
Как дороги прадедов твоих
Зарастали горькой черемшою.
Как небесный источая гнев,
Солнце их не грело, а сжигало,
Как зима, от бурь осатанев,
Заметала снегом перевалы,
Как природа в грозные года
Нарушала все свои законы,
И казалось: сгинет без следа

Человек, бедою сокрушенный.
Только все упрямо выносил
Горец, бурям всем сопротивлялся,
Хоть и жил он на пределе сил, –
Но не погибал, а распрямлялся,
Стойкость гор и непокорство рек
В нем характер крепкий воспитали,
И не слеп от молний человек,
А сквозь тучи вглядывался в дали.
И от грома человек не глож,
А слышать мог он птичье пенье,
И не вырос там чертополох,
Где свои воздвиг он поселения.
Сделал пашней каменистый кряж,
Прорубился сквозь лесные чащи...
Потому так прочен корень наш,
В глубь веков туманных уходящий.

Если тех, кто тут жил до нас,
Мы надежд оправдать не сможем,
Если мудрости их запас
Мы достойно не приумножим,
Если тех, кто покинул свет,
Мы не осуществим стремленья, –
Нам прощенья в мире нет.
И грядущие поколенья
Нам проклятья произнесут,
И воистину будут правы,
Строгий нам учиня суд,
Горы, реки, леса и травы.
Возродим красоту земли,
Над землею расправим крылья,
Восстановим все, что смели.
Ярость гроз и разгул насилья,
Чтоб не стал край садов и гор
Пепелищем, пустыней, глушью, –
Сами вынесем приговор
И предательству, и бездушью.

Смерть многолика, но суть ее –
Тьма, погружение в небытие.
И это с избытком принесено

Всему, чему быть на земле дано.
 Но страшен оружейный арсенал,
 Какого от века мир этот не знал,
 Всему – человеку, горе и цветку,
 И зверю, и птице, и ручейку,
 Травам, деревьям, снегам и дождям,
 Малым селеньям, большим городам,
 Прочным строениям из каменных плит, –
 Гибель неслыханную сулит.
 Смерть против жизни! И столько смертей
 Каждому, каждому из людей.

Человек! Безмерно он велик!
 Человек! Нет существа слабее!
 Стать он прахом может каждый миг:
 Смерть страшной грозы и суховея.
 Если дом огонь испепелил,
 Если путник погребен лавиной, –
 Значит, ангел смерти Азраил
 В них вонзил свой меч неуловимый.
 Все, чего крылом коснется он,
 Грозной поглощается стихией,
 Смерть не остановят ни закон,
 Ни мольбы, ни действия людские.
 То цветку не даст она расцвести,
 То не даст расправить птице крылья...
 Что ей наше право, совесть, честь?
 Все она способна сделать пылью!
 Может омрачить веселый день,
 Погасить звезду ночную может,
 Черную губительную тень
 Смерть на все живущее наложит.

Ну, а мы? Что ж мы? Головы склоним
 Пред смертью, порождением тьмы?
 Человека звание уроним,
 Дети века двадцатого, – мы?
 Мы, кому эту землю в наследство
 Предок в доброй надежде вручил,
 Чтоб верней отыскали мы средства
 Против всех разрушительных сил.
 Наши предки себя не жалели,
 Охраняя от бед и тревог
 Те младенческие колыбели,

Где хранился их веры залог.
Веры в то, что в земной круговерти
Их потомство так жизнь проведет,
Чтоб сберечь от напастей и смерти
И в грядущем продолжить свой род.
Будь же нашим надеждам основой,
Нас высокой мечтой окрыля,
Колыбель всего рода людского,
Несравненная наша Земля!

Восток в пылании рассвета
И запад в пламени заката!
Двумя огнями ты согрета,
Дыханьем солнечным объята,
Земля, в цветении весеннем
И в летнем шелесте зеленом,
Сады растишь ты по селеньям,
Разбросанным по горным склонам,
Ты пестротой горишь плодовой,
Ты к морю устремляешь реки...
Мы всем пожертвовать готовы,
Чтоб ты жива была вовеки.
Готовы к жертвам! Не впервые
Слова мы произносим эти, –
За нами годы огневые
Войны, скитаний, лихолетий.
О земляки мои! Едва ли
В своей судьбе вы виноваты:
Свой жребий вы не выбирали,
Вас выбрал жертвой век двадцатый.
Вас выбрали поля сражений,
Вас выбрали пути изгнания,
За вами двигались, как тени,
Нужда, жестокость и страданья.
Вы знали все, – и суд неправый,
И лживую печать позора,
Когда померк Эльбрус двуглавый
И трауром оделись горы;
Прошли сквозь время горьких былей
И возвратились в край свой милый, –
Но вы земле не изменили,
И вам она не изменила.
Нам звезды глаз ее – отрада,
Нам радость – щебет соловьиный.
Нас укрепляют гор громады,

Надежду нам сулят долины.
 Земля моя, ты словно чаша,
 Живым наполненная соком,
 Ты направляешь судьбы наши
 К большим делам, к мечтам высоким.
 Живи, напевам вешним вторя,
 Не поддаваясь ураганам,
 Дай рекам силу влиться в море,
 Дай влагу тучам и туманам.
 Живи, отвергнув гнет жестокий,
 Добром и нежностью богата,
 Озарена лучом востока,
 Обагрена огнем заката.
 Живи под ливнем и под снегом,
 Под градом и под камнепадом, —
 Путь новым открывай побегам,
 И новым песням, и победам.
 Живи в полях, готовых к севу,
 С дымящимися бороздами,
 Живи, прислушавшись к напеву
 Птиц над зелеными ветвями.
 Живи! Пускай хлопочет птица
 Над желтоклювыми птенцами,
 Пусть к солнцу дерево стремится,
 Пусть рожь шумит под небесами.
 Живи, земля, в саду, возвращенном
 Под голубым покровом неба,
 Живи во свежеиспеченном
 Душистом каравае хлеба,
 Живи в веселых переплясах,
 В сужденьях, песнях, спорах, вкусах,
 В надеждах старцев седовласых,
 В порывах юношей безусых.
 Живи, чтобы сияли очи
 Проворных девушек-красавиц,
 Чтоб дням завидовали ночи,
 А дни к ночам питали зависть.

Сочиняет нынче музыку компьютер,
 Человека от искусства оттеснив...
 Бурный век нам все на свете перепутал,
 И эфир грохочет, как морской прилив.
 Объясняют мне, что лязг хэви-металла,
 Рев хард-рока — это музыка... Увы!
 Я в себя иные веянья впитала,

Я не верю утверждениям молвы.
Ну, а те, которым скоро восемнадцать, –
Поколение наших юных сыновей, –
Так и рвутся развернуться, разогнаться
В ритмах музыки скрежещущей своей...
Пусть смеются над моим непониманьем, –
К тем истокам я душою приросла,
Что наполнены лесов и трав дыханьем,
Чья мелодия прозрачна и светла.
Эти песни, что рожденные народом,
Помогали нам невзгоды побороть,
Что звучали над горами год за годом
И проникли в нашу кровь и нашу плоть.
С материнским молоком вошли в меня вы –
Песни предков и Кязима гордый стих!
Наши мысли, и страданья, и забавы –
В этих песнях задушевных и простых.
Пусть же юноши бушуют и резвятся
В диких ритмах обалделой маеты, –
Ну а я, я не желаю отказать
От романтики, от песни, от мечты.
Пусть эфир ночные звуки взбаламутил,
Пусть гремит он, как лавина, как обвал, –
Я хочу, чтоб человек, а не компьютер
Мне Бетховена и Моцарта сыграл.
Пусть кажусь я старомодною для сына, –
Вечных истин я своих не уступлю,
Звуки Пушкина, Орфея и Кайсына
Неизменно и уверенно люблю.
Что б в эфире нынче громко ни звучало,
Чем бы модное ни славилось кино, –
Материнское извечное начало
В старых песнях и стихах воплощено.
Да, и я – всего лишь женщина, всего лишь
Мать, для радости взрастившая детей.
О судьба! Неужто ты позволишь
Уклониться мне от участи своей?
И со мною все было так же, как со всеми
Матерями, чей удел определен:
Жизнь творить, детей своих хранить
Для грядущих и неведомых времен.
О мой сын! Тебе дорога непростая
Предстоит, – я это знаю наперед.
И хочу, чтоб ощутил ты, подрастая
Чем душа крепка под натиском невзгод.
Я хочу, чтоб в час утраты ты был стоек,

Чтоб преграды ты умел одолевать.
Долг мужчины – постигать и строить,
И об этом забывать не вправе мать.
Я хочу, чтоб понял ты явлений корень,
Чтобы в помыслах был чист, в поступках смел
Чтобы честен был в словах, в делах упорен,
Ну, а сердце – сердце доброе имел.
Доброта твоя да будет мне отрадна,
Силу даст она творить, любить, дружить...
Сыновья уходят безоглядно, –
Им без матерей в грядущем жить.
Ну, а я? Я остаюсь в годах прошедших,
Где не ведали ни рока, ни дзюдо,
Где в напевах о разлуках и о встречах
Ритмов нынешних не постигал никто.
Но и мир моих сынов мне тоже дорог,
Потому что их пути проходят в нем,
Материнский взгляд любовью к детям зорок,
И всегда открыт им материнский дом.
Мать ни сил своих, ни жизни не жалела,
Чтобы детям было легче и теплей,
Сердцу матери не избежать удела,
Предназначенного для детей.
Сердце матери прожжет любая ранка,
Что детей лишь обожжет слегка...
Как своих, невыразимо жалко
Тех, в афганских скошенных песках.
И когда уходят дети от порога,
Сердце стонет на пределе сил,
Сестры, как и вы, молюсь я Богу,
Чтоб сынов он спас и сохранил.

Сын, ты в армию нынче идешь, –
И куда тебя служба забросит?
В те края, где колышется рожь
И где травы обильные косят?
Иль туда, где темнеет тайга
В хмуром хвойном безмолвном уборе,
Иль туда, где свои берега
Сотрясает бессонное море?
Или будешь служить ты стране
Там, где степи белеют от соли,
Иль в пустыне, где некогда мне
Побывать довелось поневоле?
Или там, где торосы глядят
На безлюдное оледененье?

О дороги безусых солдат!
О ночей материнских волненья!
Вновь в бессоннице долгой своей
Буду дней ворошить я страницы, –
И откуда дождусь я вестей,
И куда буду сердцем стремиться?
И в напутствиях жарких моих
Пусть дойдет до тебя пожеланье:
Сын мой, будь не слабее других,
Помоги мне в моих ожиданиях.

Жизнь похожа на вечный спор:
С мыслью мысль ведет поединок,
Чтоб, убрав предрассудков сор,
Дальше двигаться без заминок.
Сын с отцом или с внуком дед
Спорят, взгляд свой обороняя, –
А рождается или нет
В спорах истина, – я не знаю.
Споры тянутся сквозь века, –
Верьте истине или не верьте, –
Безобидны они, пока
Не коснутся жизни и смерти.
В мире нет ничего страшней,
Если, смысл попирая здравый,
Обернется борьба идей
Беспощадной войной кровавой.
Если к этому привели
Злоба жадных и спесь тиранов, –
Плачут матери всей земли,
Всех племен, городов и станов.
И не в силах вовек понять
Истребленье всего живого
Жизнь дающая людям мать, –
Всех бессмертных надежд основа.
Из любви этот мир возник,
Из ее полновесных зерен, –
Мать, материя, материк, –
Не случайно здесь общий корень!
В каждой капле растворена
Материнская мощь творенья, –
Камень с камнем свела она,
Подарила садам цветенье,
Породила течение рек,
Осенила леса листвою,

Воедино свела навек
Все живое и неживое.
Мир велела растить, хранить,
Достояньем земным владея, –
Все, что есть, нанизав на нить
Материнской рукой своею.
Остров высится среди морей,
Жарко вспыхнул вулкана кратер, –
Все подвластно руке твоей,
О Великая Жизни Матьерь!
Средоточье вод и земель
Ты умелой рукою женской,
Словно детскую колыбель,
Поместила в простор вселенский.
И исполненная любви,
Веря в то, что мудры мы будем,
Обратила призыв «Живи!»
К рощам, рекам, горам и людям.
Путь нам добрый определи,
Вдохновлённа высокой целью, –
Ты не дремлешь ли, Мать-Земля,
Над младенческой колыбелью?
Мать-Земля, пробудись скорей,
Посмотри неусыпным оком,
Сколько сгнуло здесь людей,

В мире яростном и жестоком!
Ты попристальнее взгляни,
Сколько ты понесла урона,
О, какие погасли огни,
Скольких рек пересохло лоно!
Разве ты не знаешь о том.
Как исходят в столах страдальцы,
Как разваливают свой дом
Неразумные постояльцы?
Нити мыслей и дел сплетя
В их взаимности неразрывной,
Неужели ты, как дитя,
И доверчива, и наивна?
Став источником красоты,
Что ж ты мало о ней хлопочешь,
Так к добру устремляешься ты,
Что и зла замечать не хочешь?
Столько время нам принесло
Разрушений, убийств и пыток...
О Земля! Существует зло,
Существует тебе в убыток,

Зло свою проявляет прыть,
И от игр его беззаконных
Не сумела ты защитить
Всех, для жизни тобой рожденных.
Не расслышала крики зла
Сквозь мелодию колыбельной,
Нож злодейский не отвела,
Не спасла от хвори смертельной.
Так сгустились зловещей тьмой
Силы смерти и разрушенья,
Что уже и тебе самой
Угрожает уничтоженье.
Снова вихри неправоты
Над стремящимся к солнцу стеблем,
Превращаются в прах мечты,
Города становятся пеплом.
От постигших планету бед
На корню иссохли деревья,
Дети, не родившись на свет,
В материнском погибли чреве.
Сколько раз на земной груди
Зло справляло свой пир жестокий, –
И кровавые шли дожди,
Слёз текли и струились потоки,
Истребляли плоды труда
Смерчи битв и насилья взрывы,
Без призора брели стада,
Без семян изнывали нивы,
Твои дочери и сыновья,
То нуждой, то бедой гонимы,
Покидали свои края
В клубах пыли и в тучах дыма.
Мать-Земля! Очнись, призови
Нас к суровому отрезвлению!
Чтоб, рожденные для любви,
Мы не стали добычей тленья,
Пробуди нас и дай понять,
Песни ты нам пропой другие:
Не баюкать, а поднимать
В битву с дьявольскою стихией.
Скорбный реквием тем сложи,
Были чьи перебиты крылья
Торжеством безверья и лжи,
Беззакония и насилья.
Тех, чьи головы снес палач
По веленью неправых судей,

Всех припомни и всех оплачь,
Все мы – жертвы, и все мы – люди.
Всех оплачь, кто в боях сражен,
Кто святым вопреки законам
Даже был и могилы лишен
И остался непогребенным,
Да и тем, кого погребли
Без молитвы и отпеванья,
Дай от имени недр земли
Утешение и оправданье.
Мы над пропастью все стоим,
Только вместе спастись мы сможем, –
Мир пошли всем детям своим,
Светлокожим и темнокожим.
Мать-Земля! Осознать сумей,
Что творилось, вершилось, пелось,
Ты от нас, от своих детей,
Много всякого натерпелась.
В черный год и в печальный час
Недорода, войны, гоненья
Часто слышала ты от нас
И упреки, и обвиненья.
Ты прости меня, если дань
Отдала я здесь укоризне, –
Предо мною опять предстань
Средоточьем добра и жизни.
Поумнеть нам время пришло
И задуматься над вопросом –
Как исправить на свете зло,
Что тебе и себе приносим?
Нелегка она, непроста,
Участь тех, кто стремится к свету.
Мать-Земля! Твоя правота
Нам поможет! Я верю в это!..
Веет Черный Ветер. Ветер Черный
Яростно бушует в дымной мгле,
Сеет ветер ненависти зерна,
Опустением грозя Земле.
Это он губителей природы
Подстрекает встать на скользкий путь,
Отравить леса, поля и воды,
Чистый воздух не дает вдохнуть.
Это он вражды слепое пламя
Жаждет понести из края в край.
Это он безвинных жертв телами

Учит устилать дорогу в рай.
Это он узоры обесцветил,
Это он озера замутил,
Это Ветер Черный, Черный Ветер
Пышный сад в пустыню превратил...
Это он приносит в дом болезни,
И не прочь принять навет лжеца,
Это он подталкивает к бездне
Гневом распаленные сердца.
Это он навет подхватит вздорный
И убийце в руки вложит нож,
Это Черный Ветер, Ветер Черный
Души робкие бросает в дрожь...
Города, деревни и аулы
Ночь тревожной тенью облекла...
Есть преграда твоему разгулу,
Черный Ветер, порожденье зла!
Нет, не превратишь ты в пепелище
Теплое дыханье очага!..
Не кичись ты мощью, Черный Ветер,
Черный день придет и для тебя!
И на свитках, над землей простертых,
Строгий суд все взвесит и учтет,
И от имени живых и мертвых
Он тебе предъявит грозный счет.
Строгий суд заявит в приговоре,
Что прошла твоих удач пора,
И отступит темный вестник горя
Перед светлым вестником добра.
Верю в это верую святою,
Жажду, чтоб такие дни пришли
С их непобедимой правотою –
Правотою Матери-Земли!

1985–86

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Рука так и тянется написать что-то наподобие: «На нашу долю выпали суровые испытания». Но какому поколению не доставалось сполна от жизни – тем ли, кто родился раньше нас лет на двадцать, или на тридцать, а возможно – на сто?.. Нет, *искать в прошлых временах людей счастливее нас бесполезно*. Нас, слава Аллаху, на штыках солдат Белого царя не поднимали, в Черном море не топили, на Соловки или в Магадан не ссылали, в Бухенвальде и Освенциме не сжигали. И еще неизвестно, многим ли из нас досталось бы ходить с гордо поднятой головой, если бы нам пришлось пережить жесточайший исход под названием «мухаджирство» или испытать на своей шкуре «красный террор», а быть может, отступать и воевать под Москвой в сорок первом, защищать Сталинград в сорок втором, а уже после войны пахать на дойных коровах, с нуля восстанавливая разрушенную страну. Мы послевоенное поколение, и наша доля была счастливее, чем у тех, кто постарше. Так что справедливее будет сказать не о чем-то исключительном, а о том, что своя судьба не обошла стороной и наше поколение. Всё это – наша история, и мы из нее сполна долю трудностей и радостей получили. Мы еще в детстве познали, что такое голод, что такое изнурительный труд в поле от зари до зари, труд, который не только не был нормирован, но почти не оплачивался. Мы – это десятки миллионов, которые в отроческом возрасте выполняли наряду со взрослыми их работу: копали и сеяли, пололи и косили, убирали и сдавали всё государству – чтобы оно выжило и продолжало существовать. Конечно же, не всегда мы это делали только по доброй воле, и поэтому недолюбливали всяких колхозных бригадиров, учетчиков, председателей, которые стояли над нами, подростками. Но при этом мы были убеждены в том, что по-другому страна не может выжить. *А мы были патриотами своей страны, мы ею гордились*. Нашими героями были Спартак и Овод, Чапаев и Корчагин, Мересьев и Кожедуб. Поэтому мы еще больше не любили, даже презирали тех, кто в страдную пору оставался дома, а не уходил вместе с нами на прополку, на сенокос, на уборку урожая. Мы уважали тех, кто больше работал, кто был бескорыстен и безотказен в любом деле. Даже тому же бригадиру мы готовы были простить его суровость, если в жаркую пору он на сенокосе мог пройти свой рядок – чисто, захватывая сажень в ширину, не останавливаясь часто на передышку, не отставая от впереди идущего и не задерживая следующего за ним. Ну а если к нам в эту пору приезжал «уполномоченный» из района, для него у нас была припасена лишняя коса, и если он не мог прокосить вместе с нами длинный рядок этак метров в пятьсот по склону вниз, то цена ему в наших глазах была копейка в большой базарный день. Обычно следом за таким редким гостем становился один из наших лучших косарей, который норовил «отрезать ему пятку», то есть постоянно подгонял его. Поэтому абы

кого к нам посылать было рискованно, об этом знали и это учитывали. Если «ревизор» оказывался на уровне, честь ему и хвала, с ним считались, как с равным, к его слову прислушивались.

Но были у нашего поколения намного более высокие авторитеты, это – *ветераны войны*. Их тогда было много, почти в каждом втором доме в селе. Почему не в каждом – потому что *в домах по соседству жили престарелые родители не вернувшихся с войны, жили их жены-вдовы, не дождавшиеся мужей, их дети, знающие своих отцов только по фотографиям*. Это тоже из того, что выпало на долю нашего поколения. Я еще помню те времена, когда вчерашние солдаты донашивали свои военные гимнастерки, шинели, сапоги, широкие солдатские ремни. Всё это, а не только орденские планки, было знаками их отличия, и стоило появиться в компании человеку в поношенной гимнастерке, как для него освобождалось достойное место. А еще были знаками отличия последствия ранений. Кто-то прихрамывал, у кого-то и вовсе не было руки или ноги, кто-то носил шрамы. И мы не просто уважали таких людей, мы завидовали и стремились им подражать. Поэтому если человек был с палкой или у него была рука перевязана, это вызывало в нас не унижающее человека сочувствие, а уважение. Мы, мальчишки, глядя на них, тоже спешили получить глубокую складку на лбу, стремились иметь военную выправку и на своей одежке крепили хоть какие-нибудь символы мужества – хотя бы значок ГТО. Конечно же, как все обыкновенные нормальные дети, случалось, что мы бывали и непослушны, и своенравны, и не всегда старательны в учебе или работе. Но родители самых больших шалопаев надеялись: «Вот вырастет, пойдет в армию – вернется человеком». Потому что армия была своя, родная, и ее, вместе со всеми солдатами и командирами, искренне любили.

А еще мы были глубоко убеждены, что наш труд – это пусть небольшая, но доля в общем деле создания завтрашнего благополучия во всей стране. *Каждый из нас ощущал себя и на виду у страны, и ответственным за нее*. Видимо, отсюда наши представления о достоинстве, дружбе, единстве. Мы верили если не во все, что вещала официальная пропаганда, то уж наверняка – в святость таких понятий, как *честь, достоинство, долг*. То, что мы веровали слишком наивно, конечно, большой порок. Но порою мне кажется, что мы были последним поколением романтиков, потому что следом выросло иное поколение, лишённое иллюзий. И оно оказалось не лучше, как должно было стать по законам эволюции, а, кажется, хуже нас. Их *принцип целесообразности* не выдерживает конкуренции с нашей простодушной верой, потому что романтический пафос побуждал к благородству, честности, человечности и патриотизму. А *калькуляторный прагматизм* не ведаёт высоких духовных порывов. Ко времени развала Союза именно циничные эмпирики заняли множество ключевых постов в партийных, комсомольских, государственных структурах, и это было пагубно. Смена поколений, казалось бы, явление естественное. Но – если при этом сохраняется преемственность. А здесь что получилось – если в годы войны на призыв «Коммунисты – вперед!» *люди сознательно шли под пули ради высокой идеи*, то эти на аналогичный призыв попросту первыми бросились к месту дежки в стремлении отхватить кусок пожирнее. *Партбилет стал*

в 80-е годы не мандатом, дающим право в смертельном бою идти впереди всех, а пропуском к номенклатурной кормушке и карьере. И это было надругательством над памятью поколения людей, вступавших в партию перед боевым заданием – чтобы принять смерть коммунистом. Новые комсомольские функционеры ныне тоже не спешили из своих теплых кабинетов на ударные стройки века, а примеривались к тому, как бы не продешевить на раздаче. Не скажу, что все мы в наше время были такими правильными и что все из последующего поколения были шкурниками. Но главное отличие нашего поколения от последующего в том, что в нашей среде не было и не могло накопиться такой критической массы циничных прагматиков, для которых судьба страны была бы не на первом месте. Нашими кумирами были те, кто в судьбоносный для страны час грудью ложился на амбразуры, по таким лекалам нас формировали. Поэтому люди моего поколения с трудом вписываются в нынешние обстоятельства. А ведь *эти*, что после нас, грудью накрывали не огневую точку врага, а ничем не заслуженную, упавшую им с неба львиную долю от общего пирога.

Людям пожилым свойственно противопоставлять себя младшему поколению: вот, мол, богатыри не вы, мы и больше бед испытали и достойнее вас оказались. Вроде бы, очень удобно. Нельзя на этом заикливаться, но кое о чем вспомнить не вредно. Да, нам довелось и голодать, и носить одежду в заплатках, и без достойной платы работать в колхозе. Из всех благ цивилизации большинству из нас были доступны старенькие велосипеды, ламповые радиоприемники и проигрыватели для грампластинок. Нынче дети в состоятельных семьях рождаются со смартфоном в одной руке и ключами от дорогого авто в другой. Но завиднее ли их судьба? Мы ведь тоже не одними лишь идеями были живы. Мы хотя бы успели пожить при таких обстоятельствах, когда чистую воду можно было зачерпнуть из любого ручейка, а не покупать в магазине, когда люди одевались и питались натуральным. Да и сами мы были куда более естественными, нежели нынешние безликие продукты глобализации, возросшие на генно модифицированных продуктах и одетые в аллергогенные одежки от носков до кепок. И если «поколение пепси» не завидует нам, то и мы не хотели бы поменять свои черно-бело-серые судьбы на судьбу нынешних радугочетных «детей-индиго».

Почему? Мы прожили не чужие жизни, а свои собственные, со своими радостями и печалью. Такой жизни последующие поколения уже не увидят, ибо у них будет своя. Не испытают они той полноты чувств, которые испытывали мы, не увидят тех людей, с которыми встречались мы, не совершат тех поступков, которые совершали мы или наши ровесники. Но как мы были продолжением своих предшественников, так и новые поколения призваны продолжать то, что начинали или продолжали мы. Да, мы во многом завидовали судьбе наших старших, хотя им жилось намного тяжелее, чем нам. *Мы завидовали их стойкости, их мужеству, их высокой духовности, и мы стремились быть такими же.* Они тоже брали пример со своих старших, и это тоже естественно, потому что всё лучшее должно и сохраняться, и передаваться от старших к младшим. Да, *есть доля нашей вины в том, что мы не смогли достойным образом передать эстафету,*

не сумели сохранить заветную нашу дружбу, сохранить великую страну. Но сокрушаться о несбывшемся – занятие бесполезное. Поэтому не лучше ли будет рассказать кое-что из того, что отложилось в памяти каждого из нас – не в прямое назидание потомкам, а просто в память. Это все же была наша жизнь, моя жизнь, и какие-то эпизоды из нее я хочу припомнить – из своего детства, из юности, из того, чему пришлось быть свидетелем.

Дед

В селении уже хозяйничали немцы, хотя до нашего дома, который стоял на окраине над самой рекой, они еще не добрались. Откуда ни возьмись во двор входит наш солдатик, с винтовкой, вещмешком за плечами.

– Хозяин, – говорит он, – есть наши в селении?

Дед его быстренько – в хлев, от глаз подальше, и на ломаном русском языке объяснил ситуацию. Затем он вышел за ворота, огляделся, поманил парня за собой и велел на время схорониться под кручей в пойме реки и ждать его. Сам же вернулся домой, собрал всё, что было съестного в доме, даже горячие чуреки, только что из очага, вывалил в котомку и бегом к солдату. Где кусточками, где перебежками старик увел его в лесок, переправил через реку, повел по лесу вверх, в сторону гор, объяснил ему то на пальцах, то словами, куда идти, и только затем вернулся домой, уже за полночь. Бабушка, было, принялась его бранить за такой риск, но он ей даже слова сказать не дал:

– У нас трое сыновей воюют. Кто знает, может, и они где-то нуждаются в такой же помощи.

Наказание

Всякому мужчине, наверное, хочется рассказывать о том, каким сорви-головой он был в детстве. Никто из взрослых не хочет рисовать себя бывшим пай-мальчиком, всегда ходившим по струнке. Пусть обо мне думают как кому хочется, а большим драчуном и безобразником никогда я не был, хотя водился с хулиганами. Все же бывало всякое, к примеру – случай, когда я однажды побил одного сверстника так жестоко, что его мать пришла к моим родителям жаловаться на меня. Мне от отца досталось, как никогда раньше, досталось так впервые в жизни. Как мне было обидно – не рассказать. Идеальные сорванцы должны такие экзекуции переносить в гордом молчании. Но я не был идеальным и просто заявил, что этот мальчишка обзывал меня самыми оскорбительными словами. Отец на это спокойно возразил:

– Я тебя наказываю за то, что ты подрался. А за то, что тот обзывается, пусть его наказывают его родители.

Дядя-учитель

Мой дядя Хаджи полвека проработал в школе. Это – вся его взрослая жизнь, за исключением военных лет, когда он воевал, томился в концлагере, затем снова воевал. По базовому образованию он был историк, но в разное время преподавал и географию, и биологию, и литературу, даже математику.

ку, к которой у него были выраженные природные способности. У нас он вел сначала математику, а позже, в десятом и одиннадцатом, – обществоведение и историю. Дома это был человек открытый, остроумный, умеющий интересно рассказывать. Таков же он бывал и когда нас, школьников, посылали на уборку урожая в колхоз. Было в нем что-то от Василия Теркина. Забавные истории, шутки, веселые розыгрыши прямо сыпались из него, и поэтому ребята всегда его окружали. Однако в классе это был совершенно другой человек – строгий, подтянутый, сдержанный, бескомпромиссный. До сих пор думаю, что не было на свете такой силы, которая убедила бы его поставить ученику ту оценку, какую тот не заслужил.

А со мной в одиннадцатом классе было вот что. Чуть ли не на каждом уроке он меня спрашивал «на оценку» (благо, нас было всего десять человек), но как бы тщательно я ни готовился, он чуть ли не всегда находил, на чем меня подловить, и в результате вождеденную пятерку я часто не получал. Я все упорнее готовился, а он все изощреннее меня ловил. Я в душе был обижен на него, но возражать не смел, а дома на эти темы мы не заговаривали. Мои одноклассники следили за конфликтом – кто с явным сочувствием ко мне, кто с садистским любопытством. И только в самом конце учебного года после моего очередного выхода к доске он к моему неожиданному удовольствию поставил сразу две пятерки – первую за ответ, вторую – за полугодие. Честно признаюсь, что я и вправду был так подготовлен, что незнакомых для меня вопросов в программе не было. В результате и за год и в аттестат пошла та самая высокая оценка, поскольку и на выпускном экзамене мне нетрудно было отвечать на все вопросы без запинки и без подготовки.

Уже дома, за ужином, он однажды меня осторожно спросил: «Ну, теперь-то ты понял, почему я тебе не делал поблажек?» Тогда, признаться, не совсем! Теперь-то я хорошо его понимаю. Только давно уже нет его в живых, и мне признаться в своих благодарных чувствах уже некому.

Студенческая свадьба

Какие у нас были преподаватели в университете, мы поняли только спустя много лет. Наш общий любимец Буба Мацикович, уникальный специалист в области синтаксиса, дал нашей группе прозвище «букет». В войну боевой офицер, в мирной жизни писатель и ученый, он был всегда сдержан. Джамалдин Нахович, знаток старославянского языка, поражал нас остроумием и эрудицией, но также предпочитал сохранять дистанцию. А лексиколог Мухамед Локманович – покорял изысканной интеллигентностью, недоступной нам, простым смертным. Абу Хаджимуратовича в равной мере интересовали и вопросы общего языкознания, где равных ему было поискать, и новые веяния в зарубежной литературе, и ультрасовременные течения в искусстве. Мусарби Гисович в обхождении был проще, но одно то, что он ежедневно прочитывал не менее сотни страниц художественной литературы, всегда был в курсе новейших публикаций в многочисленных журналах и мог на память прочитать стихотворение, опубликованное в свежем номере «Литературной газеты», само за себя говорило. Один только Нурби Рашидович держался простецки и всех нас считал равными себе,

хотя никто бы даже не подумал с ним равняться. Нас и поругивали, в то же время и любили. Мы же принимали все как должное. По-настоящему отношение к нам мы узрели уже на пятом курсе, когда двое с нашего курса, Ваха Хаджиев и Нина Гайворонская, ко всеобщему нашему восторгу решили пожениться. Как в песне поется, «хорошо-то хорошо, да чего хорошего...»: и его и ее родители категорически воспротивились их браку. Однако идти против родительской воли – достоинство всякого молодого поколения. Мы ведь тоже были молоды и, как «люди современные», считали себя выше предрассудков. Поэтому наших влюбленных это не могло остановить. А коли так, то свадьбу непременно надо было сыграть. Надо, но на что и как? У них самих ничего за душой нет, кроме желания соединить свои судьбы. Мы тоже не дети ротшильдов. Ну, скинулись мы по несколько рублей – со стипендии! Теперь уже не вспомнить, через кого, но наша проблема стала известна на курирующей нас кафедре русского языка. Не знаю, кто был инициатором, но все преподаватели приняли в этом участие. Не ударила лицом в грязь и кафедра литературы – внесли кто пять рублей, кто десять, а кто и больше. Если учесть, что в те времена обручальное кольцо стоило в пределах двадцати рублей, а плотный обед в столовой обходился копеек в сорок-пятьдесят, то рублей десять или даже пять деньги были не такие уж маленькие. И все-таки для хорошей свадьбы надо было больше.

Выход нашелся вот какой. Меня с подачи Абу Хаджимуратовича Шарданова, отрядили с просьбой о материальной помощи к проректору по учебной работе Б. Х. Балкарову. Студенту что терять и чего робеть – я напросился на прием и выложил высокому начальнику все как есть. Борис Хазешевиц, милейший человек и редкостной широкой эрудиции специалист, выслушал меня, посокрушался, и велел срочно занести ему заявления от четырех студентов об оказании единовременной материальной помощи. Вскоре, благодаря еще и оперативности главного бухгалтера университета П. Г. Кудалиева солидная по тем временам сумма в сто сорок рублей была уже в нашей копилке. Но щедрость старших на этом не исчерпалась.

– И в каком же ресторане вы собираетесь справить свадьбу? – не без иронии спросил меня Борис Хазешевиц.

Не дождавшись ответа, он тут же позвонил директору студенческой столовой, объяснил ситуацию, попросил организовать свадьбу в столовой в ночное время, так, чтобы для всех посторонних это осталось тайной – устраивать в пределах учебного заведения торжества, да еще и со спиртными напитками в те времена не дозволялось категорически. Но и он, и сам директор столовой оба рискнули ради нас, и это было из ряда вон! Ну и, конечно, мы тогда от души погуляли. Пришли почти все наши преподаватели. Были и задравные тосты, и шутки, и сердечные пожелания, и танцы. А наутро – столовая, как ни в чем не бывало, готова была работать в штатном режиме. На те деньги не только свадьбу устроили, наши девчата даже купили молодоженам заветные золотые обручальные кольца.

...У Вахи с Ниной сложилась крепкая семья, четверо детей. Жаль только, что после второй чеченской войны мне о них ничего не известно.

К вопросу об объективности

Борис Т. был комсомольским секретарем университета. Вынужденный по долгу всегда и во всем быть правильным, он у нас не вызывал симпатий, даже будь он трижды прав. Дело совсем не в том, что ему завидовали – просто у него случилась должность такая, что не мог он быть симпатичен тем, которые стремились к раскованности. Он же не мог себе позволить свободы, он мог ее только имитировать, а это еще больше раздражало. Одержимый юношеским максимализмом, я не однажды выступал с критикой того, что делал Борис. Один раз даже очень резко. Иначе говоря, у нас с ним не было никаких оснований питать друг к другу симпатии. Особенно – у него ко мне.

Но вот уже мы на пятом курсе, дело идет к завершению учебы, а там надо позаботиться о трудоустройстве. Так случилось, что мне светил так называемый свободный диплом, то есть я имел возможность не идти по распределению, а подыскать работу сам или же выбрать из того, что мне будет предложено. Однажды приглашают меня в очень солидную организацию, о которой выпускник вуза мог только мечтать, вежливо беседуют со мной и предлагают, не дожидаясь нескольких месяцев до окончания, оформиться к ним на работу. С завершением учебы и жильем обещают помочь. Правда, впоследствии я предпочел «народнический подвиг» и ушел учительствовать в школу в родном селении. Но в этот момент я был просто окрылен открывающейся перспективой и сразу же согласился. Уже позже, в дружеской беседе с пригласившим меня ответственным товарищем, я полнобопытовал, почему и как они тогда вышли на меня. «Очень просто, – пояснил мне мой собеседник, – мы позвонили Борису Т., нашему давнему знакомому, и он первым назвал твое имя. Вот мы тебя и пригласили». Лучше бы он этого мне не говорил, а мне бы лучше на том самом месте провалиться, чем это услышать. Мне так стало стыдно за все мои резкости и мелочные придирки, которыми я донимал Бориса, стало стыдно от того, что он ответил мне незаслуженной мною благожелательностью, что и воспользоваться его протекцией мне показалось кощунством. Вот как иногда случается.

А с Борисом мы не раз еще встречались. Однажды, иносказательно намекая на былые дебаты, он в разговоре мне сказал: «Наверно, мы стареем, потому что я стал явственно понимать, насколько наши тогдашние оппоненты духовно были чище некоторых нынешних союзников». Не знаю, кого он имел в виду под нынешними союзниками, но сам он и тогда преподавал мне урок объективности.

Обретение, стоящее ошибки

Арфо Аветисовна Петросян, мой научный руководитель в аспирантуре, в свое время была заместителем директора Института мировой литературы (в обиходе – ИМЛИ), руководила там же отделом фольклора, основала и много лет заведовала сектором по изданию серии «Эпос народов СССР». Корреспонденция по этой серии поступала отовсюду – от Прибалтики до Чукотки. Однажды мы в несколько человек разбирали пришедшую к ней почту. Вдруг кому-то в руки попалась бандероль, в ко-

торой содержимое было пронумеровано и, что необычно, сопровождается нотариально заверенной описью и печатью.

– Это что еще за новости! – возмутилась Арфо Аветисовна.

– Видите ли, – пояснила одна из ее помощниц, – это профессор Н., у которого однажды пропали отправленные почтой материалы, а потом они были опубликованы под другим именем. С тех пор он подстраховывается.

Петросян недовольно помолчала, затем все же не выдержала:

– Его можно понять. Но *по мне – лучше пусть меня однажды жулик обманет, чем я честного человека оскорблю недоверием.*

Это прозвучало и приговором, и упреком. Нельзя самому делать дурно только потому, что на свете есть плохие люди, и нельзя подозревать в жульничестве весь мир только потому, что судьба однажды свела вас с жуликом.

Для нее главным было доверие ко всякому человеку, даже незнакомому. ...Случилось это в середине пятидесятых, когда Арфо Аветисовна была при высокой должности. Однажды она встретила в коридоре института очень расстроенного молодого человека. На нем, как говорится, просто лица не было, так он переживал. Оказалось, молодой человек приехал из Молдавии поступать в аспирантуру, но из-за какого-то недоразумения дело безнадежно разладилось, и теперь он должен уезжать не солоно хлебавши. Надо сказать, у Арфо Аветисовны было не только мягкое материнское сердце, но и мужская решительность. Она тут же вмешалась, поддержала юношу, и он благополучно поступил в аспирантуру, а по ее окончании был оставлен в Москве.

Этим молодым человеком был не кто иной, как Виктор Михайлович Гацак, впоследствии – член-корреспондент РАН, один из крупнейших ученых-филологов. Он долгие годы возглавлял и тот самый сектор фольклора в ИМЛИ, и Совет по фольклору при президиуме Академии наук, и журнал «Известия отделения литературы и языка РАН». Многие выдающиеся отечественные и зарубежные ученые считали за честь просто быть с ним знакомыми. Вот какое последствие имело доверие к незнакомому человеку.

Однако не зря говорят, что если история повторяется, то уже в виде фарса. В другой раз Арфо Аветисовна почти в такой же ситуации помогла стать аспирантом ИМЛИ обратившемуся к ней со слезной просьбой молодому человеку. Она не смогла переступить через рассказанный парнишкой душеспитательный аргумент о завете большого отца – сыну непременно стать ученым. Впоследствии оказалось, что плохо подготовленный претендент просто слукавил, чтобы разжалобить пожилую даму. За три года пребывания в Москве он так бы ничего достойного и не сделал. Однако не такова была наша Арфо, чтобы пустить дело на самотек. Конечно, из этого парня Гацака не получилось, но она все равно не отстала от него, пока он не выполнил все, что было положено, и не защитил кандидатскую диссертацию пусть и не вовремя, но достойно.

Финал этой истории пришелся на мои аспирантские годы, и всё это она мне сама рассказывала с оттенком грусти. Я не удержался, чтобы не съязвить:

– Значит, не всегда надо доверяться незнакомым людям, – заметил я, намекая на ее непомерную душевную щедрость.

– Знаешь, – сказала она, – а я нисколько не жалею. Ты представь, сколько песка приходится перемыть старателю, чтобы отыскать зернышко золота. Как у Маяковского: «В грамм добыча, в год труды». А я из двух случаев одного прекрасного специалиста угадала. Да и второй ведь не безнадежный. Так стоит или нет один раз ошибиться, чтобы в другой раз найти самоородок? *Кто не верит и не ищет, тот никогда никому добра не сделает. И ничего не найдет.*

Конфликт

Аспирантура. Заведующий сектором Виктор Михайлович Гацак, надо сказать – человек интеллигентнейший, провел очередное заседание и собирался объявить, что все свободны. Но одна из сотрудниц, дама очень амбициозная, но не получавшая должности выше парторга группы, его перебила и заявила, что вынуждена по просьбе коллег тут же объявить внеочередное открытое партийное собрание группы. В те времена это было очень серьезно. Первым слово взял один из тех, кто был старше Гацака и прежде него стал доктором наук, но в секторе оставался в должности старшего научного сотрудника. Раньше я часто видел их вместе и считал, что между ними крепкая дружба. Но тут он вдруг понес такую ересь, что не услышь я это все своими ушами, с чужих слов мог бы и не поверить. Если же верить ему, то получалось, что Гацак по сравнению с ним выскочка, который не выдержал испытания ответственной должностью. До поры до времени ему еще удавалось скрывать свою сущность, но в последнее время, утверждал оратор, наш заведующий все больше разочаровывает своих коллег, он уверовал в свою исключительность, перестал быть терпимым к товарищам по работе, позволяет себе грубости. Мы, «безголовые» и беспартийные аспиранты, затаили дыхание. Не успел он завершить свою тираду, как слово взяла другая сотрудница и заявила, что Виктор Михайлович в последнее время стал вообще невыносимым, что рядовых сотрудников он уже за людей не считает. В этом же духе выступила еще одна дама. Было очевидно, что это хорошо спланированная атака с целью сместить заведующего и поставить на эту должность удобного человека. И хотя более деликатного и этикетного человека, чем Гацак, было нелегко найти даже в таком высокоинтеллектуальном учреждении, как ИМЛИ, напор был мощнейшим и глубоко эшелонированным. Не ожидавшие такого поворота, коллеги просто оторопели от неожиданности и «организованного сопротивления» оказать были явно не готовы. Кто-то дрожащим от волнения голосом попытался заступиться за жертву побоища, но голос был слишком слаб. Еще кто-то более твердо выступил со своим экспромтом, иные же отмолчались, сбитые с толку и подавленные столь неожиданным накатом.

Дама, заварившая всю кашу, торжествующе обобщила «мнение коллектива», добавив от себя несколько броских мазков, и исключительно для профформы предложила Гацаку, как ей казалось, поверженному, сказать что-нибудь в свое оправдание. Напрасно она это сделала, потому что

тем самым своими же руками разрушила с таким трудом воздвигнутое. Вся компания обвинителей полагала, что заведующий потеряет равновесие, выйдет из себя, начнет оправдываться и обвинять других, твердить, будто это всё козни и происки, чем только усугубит свое положение. А в протоколе, который они рассчитывали положить на стол начальству, это будет выглядеть как еще одно доказательство вины. Так они думали. Только Гацак полагал иначе.

– Я благодарю Вас, уважаемая ..., за сегодняшнее своевременное собрание, – заявил он, внешне сохраняя спокойствие. – Благодарю и Вас, ..., моего старинного и старшего товарища, и всех коллег, которые так откровенно указали мне на мои промахи. Я внимательно слушал каждого из вас и с большинством из сказанного согласен, потому что вы этой своевременной товарищеской критикой помогли мне. Что было бы, если бы вы решили продолжительное время молчать и этим дали бы развиться и выйти моим недостаткам за пределы обратимости. Сегодняшний разговор для меня урок. Надеюсь, и в дальнейшем мы останемся такими же принципиальными и благожелательными, готовыми говорить друг другу не только комплименты, но и неприятную правду.

Пропусту говоря, он своим неожиданным пассажем свел все их старания к нулевому результату – теперь придраться не к чему! После этих очень простых и миролюбивых слов протокол составлять было уже незачем: эффект массажированной атаки стал равен блошиному укусу. Было ясно, что никаких роковых последствий для заведующего, который в действительности был на своем месте, уже не будет, ничего с ним поделаться не удастся. Инцидент был исчерпан. А от исхода его во многом зависела судьба сектора в головном академическом институте.

Многие годы после этого те же люди продолжали работать в одном коллективе, но я не заметил, чтобы описанный мною инцидент отразился на деловых взаимоотношениях внутри коллектива и на отношении заведующего к сотрудникам. Что там было в сознании – не знаю, но внешних проявлений не было. Во всяком случае, со стороны Гацака. Это, видимо, и отличает настоящего руководителя от карьериста.

Поэт умеет прощать

Однажды Нафи Джусойты рассказывал мне:

– Кайсын сокрушался – какой же это поэт, если не умеет прощать обиды!

Мне эта фраза показалась не в меру красивой, но запомнилась, и однажды в другой довольно широкой компании я ее вспомнил. На это Магомет Мокаев спросил меня, знаю ли я, откуда пошла эта фраза – *поэт должен уметь прощать*. Я не знал. Тогда-то и рассказал мне он эту историю.

В давние «застойные» времена по какому-то случаю шло большое писательское заседание. Присутствовали чуть ли не все знаменитости отечественной литературы. Обычно в подобных случаях бессменным тамадой был Алим Кешоков – человек, сочетавший кавказское красноречие со строгой самодисциплиной. Но неслучайно в стихотворении Расула Гамзатова есть такие слова: «И тамада лишает вас свободы порядку поступить

наперекор». Поэт не может подчиняться общему порядку, ибо у него свой собственный ранжир. Вернее, как и должно быть, поэт – противник всякого стандарта, без чего не может быть порядка за пиршественным столом. Надо себе представить, сколько умения и терпения требуется от тамады, чтобы управлять застольем, где благоденствуют большие поэты, каждый из которых знает себе цену. Да еще так управлять, чтобы все оставались довольными. Алимуну это удавалось, как никому другому. Но на сей раз возмутителем спокойствия стал его лучший друг Кайсын. Алим сначала строго посмотрел. На следующий раз – мягко поправил. Но когда он был вынужден сделать строгое внушение, подвыпивший Кайсын вдруг взбунтовался и принародно надерзил тамаде. Алим, старший по возрасту и ответственный за ведение стола, даже оторопел от неожиданности. Как говорится в таких случаях, в воздухе запахло грозой. Ситуацию неожиданно разрядил один из участников застолья, который очень кстати сказал Алимуну: «Дорогой тамада, народ просит устроить антракт!» Тут же люди стали шумно вставать из-за стола.

Во время этого искусственно устроенного перерыва мудрый Семен Липкин схватил Кулиева за пуговицу, отвел в сторону.

– Слушай, Кайсын, ты, как мальчишка, нарушил кавказский этикет. Он же старше тебя, и если Алим всерьез рассердится, все застолье будет испорчено, а виноват в том будешь ты. Наберись мужества, подойди к нему и извинись, а не то расстроишь всю компанию.

И вот вмиг протрезвевший Кайсын на виду у всей компании подходит к Алимуну.

– Дорогой Алим, я, как юнец, не сдержался, забудь мои обидные слова.

Кешоков, будто ожидал этого, он широко улыбнулся, обнял своего старого друга и сказал:

– Да что ты, Кайсын, на то мы и поэты, чтобы не помнить обиды и не держать зла.

Неосознанно, по широте своей натуры, Кайсын и сам всегда придерживался этого неписаного правила. Но, услышанное из уст товарища, оно крепко запало ему в память и стало активным жизненным принципом.

Сам Кешоков был в числе тех, кто исповедовал это всю жизнь, и одно из свидетельств тому следующее. Людям старшего поколения памятно, с какого выступления был дан старт памятным гонениям на Алима Кешокова за роман «Сломанная подкова». Формально это – статья Аскерби Шортанова в «Кабардино-Балкарской правде». За исключением нескольких пассажей, не очень свойственных А. Шортанову как писателю, статья была сугубо литературно-критическая, то есть не имеющая прямого отношения к политике. И, конечно же, знай автор наперед, чем это потом обернется, вряд ли он опубликовал бы ее. Человек явно творческого склада, Аскерби Тахирович не стеснялся высказываться резко о многих личностях, в том числе не только о своих коллегах, но и власть предержащих. Поэтому он никогда не был удобным для партийного начальства. Тем не менее, его статья стала отправной точкой для антикешоковской кампании, развернутой в республике по отмашке из высокого партийного кабинета. После этого должен ли был сам Алим питать теплые чувства к Шортанову

ву или к стоящим с ним рядом Хачиму Теунову и Адаму Шогенцукову? Вроде бы нет. Но ни одного свидетельства я не знаю о том, чтобы их личные отношения испортились. Кешоков, известный своим крутым нравом, здесь не стал ни враждовать, ни спорить. Он хорошо знал, чьих рук это дело. Поэтому, как истинный поэт, он не держал зла на своих коллег, не стал портить с ними отношения, и отнюдь не потому что боялся, а потому что знал истину.

Позднее, будучи председателем комиссии Союза писателей по литературному наследию А. Т. Шортанова, я в бумагах покойного наткнулся на следующий документ, адресованный вдове писателя (привожу с сохранением особенностей телеграфного стиля): *Дорогая Майя, только что узнал постигшем вас горе смерти вашего супруга, заботливого отца семьи, писателя ученого заложившего основы нашего театрального искусства, именем которого связан каждый этап возникновения и развития литературы. Вся жизнь Аскерби Шортанова посвящена служению народу, которому теперь принадлежит его многоплановое творческое наследие. Желаю вам и вашим детям силы духа в этот скорбный день. Алим Кешоков.*

Телеграмма пришла в день похорон писателя, и уже одно это свидетельствует об искренности ее автора. А еще по ее содержанию очевидно, что Кешоков хорошо знал семью Шортанова: настоящее имя жены писателя было *Данитка*, а Майей ее называли только близкие люди, к числу которых, как явствует из текста, относился и Алим Кешоков. Он, конечно, хорошо знал о том, какую роль сыграла статья Шортанова во всей сваре против него. Но знал он также и то, что его коллегу и друга просто использовали, а поэтому не держал на него зла ни при жизни, ни, тем более, после его кончины.

В то время Алим оставался для руководителей республики персоной нон грата, и он соблюдал строгую дистанцию относительно всех, кто по истине был причастен к его травле. Это никак не относилось ни к Аскерби Шортанову, ни к Адаму Шогенцукову. На то он и был поэт, что умел «стирать случайные черты», забывать мелкие обиды и помнить добро, умел одним духом своим отличать друзей от злопыхателей. Настоящих недоброжелателей он четко выделял из массы и, как положено настоящему кавказцу, не забывал, кто они такие есть. Им он и не подумал бы прощать, но в то же время не позволил бы себе сделать что-либо недостойное себя. Одно из свидетельств тому – последний роман «Корни», в котором выведены очень узнаваемые фигуры, прототипы которых заслужили быть запечатленными именно так, как они выведены в романе. Поэт – это прежде всего гуманист, и людей оступившихся, но, не причастных к злу, он умел понимать и относиться к ним ровно, независимо от расхождений во вкусах. Сложно следовать этой заповеди: *поэт не должен помнить обиды*. Но великие поэты во все века ее соблюдали в полной мере, и это было не формой, а содержанием.

От редакции

Валерий Алиевич Дзыба родился в 1948 году в ауле Старо-Кувинск Карачаево-Черкесской области. Окончив среднюю школу, проходил срочную службу командиром отделения разведбата в Группе советских войск в Германии. По окончании Саратовского юридического института, в 1974 году был направлен на работу в ГУВД г. Москвы, где служил в следственных подразделениях и уголовном розыске. После окончания в 1988 году академии МВД СССР был назначен старшим оперуполномоченным по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД СССР.

Выезжал в длительные командировки в республики Советского Союза, где руководил работой опергрупп по раскрытию тяжких преступлений и задержанию особо опасных преступников. В 1989-1991 гг., когда в связи с распадом СССР в стране происходили межнациональные конфликты, его командировали руководителем групп в регионы межэтнических столкновений и локальных боевых действий: Нагорный Карабах, Ферганская долина, Ошская область, Северная Осетия, Ингушетия, Чечня. С 1991 по 1998 гг. занимал оперативные должности в ГУВД г. Москвы. С 2001 по 2006 гг. служил начальником Управления собственной безопасности Главного управления МВД России по Центральному федеральному округу. В 2006 г. приказом министра внутренних дел России назначен начальником Оперативно-розыскного бюро МВД России, и в этой должности проходил службу до ухода в отставку.

За раскрытие тяжких преступлений и задержание особо опасных преступников, выполнение специальных заданий неоднократно поощрялся руководством МВД СССР и МВД России ведомственными медалями, именным оружием, ценными подарками, грамотами, его портрет помещался на доску Почета ГУВД г. Москвы и МВД России.

За мужество, отвагу и самоотверженные действия, проявленные при исполнении служебного долга, указом президента Российской Федерации награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени, ему присвоено почетное звание «Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации». Об успешной службе Валерия Алиевича писали в газете ГУВД г. Москвы «На боевом посту», в газете «Комсомольская правда», в журнале «Офицеры».

ЧЕРКЕССКИЙ ПОЛК КАВКАЗСКОЙ ТУЗЕМНОЙ КОННОЙ ДИВИЗИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914-1917 ГГ.

*Дзыба Мустафу и абазинам-героям,
покрывшим славою свои имена
на полях сражений Первой мировой войны, посвящается...*

23 августа 1914 г. из горцев Западного и Восточного Кавказа начала формироваться Кавказская туземная конная дивизия трехбригадного состава

*Урядник Черкесского
конного полка Кавказской
Туземной конной дивизии
(Дикая дивизия)
Дзыба Мустаф Исламович.
Фотография снята весной
1915 г. в Армавире, перед от-
правкой на фронт.*

ва, из шести полков. Дивизии были приданы передовой перевязочный отряд, 22-й передовой санитарный отряд, 2-й конно-подрывной отряд, пулеметный отряд Балтийского флота, команда связи при штабе дивизии, автомобильный и мотоциклетный отряды.

Николай II назначил начальником дивизии младшего брата, генерал-майора М. А. Романова. В первую бригаду вошли Кабардинский и Дагестанский полки; во вторую – Чеченский и Татарский; в третью – Черкесский и Ингушский полки.

Черкесский конный полк был сформирован из четырех сотен: 1-я – из черкесов Екатеринодарского отдела, 2-я – из черкесов Майкопского отдела, 3-я – из абазин, черкесов, ногойцев и карачаевцев Баталпашинского отдела, 4-я – из абхазов Сухумского отдела и, частично, из причерноморских адыгов.

Командиром полка назначили подполковника князя Чавчавадзе А. З., командиром 3-й сотни – ротмистра Озаровского Е. И., а офицерами сотни – поручика Марданова Л. В., сотника Максимовича С. В. и прапорщика князя Лоова Мурза-Бека. Младшими офицерами в сотню были назначены и абазины: поручик Абуков Пшимаф и прапорщик Лиев

Барасби, а также юнкер Лоов Басарби, урядник Шуков Джамалдин, всадники Айсанов Крым, Лоов Магомет-Гирей, Лиев Мухаджир, Хаупшев Магомет.

В Дударуковском ауле 13 сентября 1914 года, в присутствии руководства Баталпашинского отдела и горской знати, кадиев Гонова Иссы и Хачирова Джафара привели сотню к присяге, после чего – 17 сентября – под командованием прапорщика Лоова М.-Б. это подразделение прибыло в военный лагерь под Армавиrom.

Пройдя курс подготовки, всадники получили огнестрельное оружие: трехлинейную винтовку, револьвер казачьего образца и запас патронов, а также единую форму одежды: серые черкески, черные бешметы, рыжие папахи и красные башлыки, погоны красного цвета с литерами «ЧР» («Черкесский полк»).

Полки дивизии 6 октября железнодорожным эшелоном прибыли в г. Проскуров Подольской губернии, где им предстояло завершить боевую подготовку.

В первый бой 3-я сотня вступила 8 декабря, с австрийской пехотой. За героизм, проявленное в декабрьских боях, Георгиевскими крестами награждены абазин, урядник Айсанов Крым; черкесы юнкеры Шарданов Асланбек и Хапачев Зачерей.

За самоотверженные действия и героизм в февральских боях у с. Цу-

Бабино и г. Станиславова в Черкесском полку к Георгиевским крестам был представлен 51 всадник, в том числе абазины – корнет Лафишев Ибрагим и прапорщик Лиев Барасби, и к Георгиевским медалям – 32 военнослужащих. По сложившейся в армии традиции, за отдельные периоды боев на сотню полагалось до пяти, а всего на полк – не более двадцати крестов и медалей.

Командиры других воинских частей, не встречавшие ранее такого массового героизма, чтобы отметить всех героев, выделили Черкесскому полку предназначенные для их частей медали и кресты: командир 11-го армейского корпуса выделил 20 наград, командир 2-го кавалерийского корпуса – 24, командующий 8-й армии – 40, и таким образом, на каждую сотню Черкесского полка приходилось уже по 21-й медали, и по 5 крестов, чего в российской армии до этого времени не было.

О февральских боях Крымшамхалов М.-Г., всадник 3-й сотни Черкесского полка, написал своему дяде, полковнику Агирову Канамату, который опубликовал статью в «Кубанских областных ведомостях»: «...Полк наш принужден был выбить врага из деревни Бабино... Мы пошли в атаку, несмотря на страшный орудийный и ружейный огонь. Австрийцы не выдержали такого напора и, бросив свое вооружение, бежали... Начальник дивизии Романов М. А. благодарил нас и обещал наградить полк Георгиевским знаменем... В тот день, и всегда, наши черкесы шли на врага с большой храбростью. В коноводах никто не хочет оставаться... Лошадей бросали на пленных австрийцев, а сами шли в атаку, не зная страха...» [1].

Участник этих боев корнет 3-й сотни Черкесского полка Жуков И. П. писал: «...Наконец мы дождались... нас передвинули на равнину... и тут наши горцы показали, что они действительные сыны своих предков и удалого Кавказа. 15 февраля 1915 г. наш полк первый раз пошел в атаку в конном строю. Да, это была атака!

...Горцы неслись на своих конях, как ураган, враг бросился из ... окопов в хаты, но и тут горцы, спешившись, с кинжалами в руках, находили врага. Атака эта названа... безумной, небывалой в военной истории, но красивой, не поддающейся описанию...» [2].

В одном из весенних боев 1916 г. на реке Днестр всадники дивизии пленили унтер-офицера Австро-венгерской армии Иосипа Броз Тито, будущего руководителя Югославии, который написал о своем пленении: «...На том участке фронта, где находился мой батальон, русские были остановлены... но соседний батальон не устоял. Здесь был осуществлен прорыв черкесской конницы, их «дикой дивизии». Черкесы окружили нас, спешили и с пиками в руках атаковали с тыла наши окопы... Мы даже не заметили, как они появились и ринулись прямо в наши окопы. Один из них, с двухметровой пикой, кинулся на меня, однако я... отразил нападение штыком. Вдруг я почувствовал страшный удар в спину. Обернувшись, увидел искаженное лицо другого черкеса и огромные черные глаза под густыми бровями...» [3].

В декабре 1914 г., для восстановления штатной численности погибшего воинского состава 3-й сотни Черкесского полка, в Баталпашинском отделе была сформирована 1-я запасная конная сотня из абазин, черкесов, карачаевцев и ногайцев.

Штабс-ротмистр Газданов М. А. был командирован с фронта, из Чер-

кересского полка, для комплектования этой запасной сотни, трехмесячного обучения, экипировки и доставления в действующую армию.

В соответствии с «Именным списком нижним чинам Черкесской запасной конной сотни Баталпашинского отдела» [4], в марте 1915 г. в 3-ю сотню Черкесского полка, на действующий фронт, прибыли 53 всадника и урядника, в том числе абазины: герой русско-японской войны урядник Дзыба Мустаф из Кувинского аула; Дахов Салех и Шавтыков Каплан из Бибердовского аула; Тлисов Айса и Адзинов Ираджиб из Шах-Гиреевского аула, Лоов Хамит-Бей и Пазов Исхак из Лоовско-Кумского аула, Гедугов Ислам, Каблахов Джамальбий и Хачуков Мыза из Дударуковского аула, Гумжачев Хасанбий и Джанчеров Мурат из Лоовско-Зеленчукского аула, Кишмахов Абдул-Гаиз и Кенжев Давлет из Лоовско-Кубанского аула...

Вновь прибывшие на фронт в составе запасной сотни абазины рвались на передовую, чтобы принять участие в боевых действиях и показать свои мужество и храбрость.

Так, 30 марта 1915 г. командир только что прибывшей на фронт Черкесской запасной сотни штабс-ротмистр Газданов М. А. под напором абазин пишет рапорт командиру Черкесского конного полка полковнику Чавчавадзе А. З., что прибывшие всадники запасной сотни Каблахов Джамальбий и Лоов Хамит-Бей, сын полного Георгиевского кавалера прапорщика Лоова М. К., просят досрочно, в порядке исключения, на передовую, и он, как командир запасной сотни, рекомендует их, как наиболее подготовленных, направить на неделю на передовую. Однако командир полка 31 марта рассмотрел рапорт и написал: «... успеют еще повоевать...» [5].

Абазин Агиров М.-Г. в октябре 1915 г., в 17-летнем возрасте, являясь выпускником Владикавказского кадетского корпуса, используя связи отца, известного во всей Черкесии своим мужеством и храбростью полковника Агирова Канамата, оказался на фронте, в Кавказской туземной конной дивизии, и командир 2-й сотни Черкесского полка штабс-ротмистр Клыч Шаханович Султан-Гирей представил командиру полка, полковнику Чавчавадзе А. З., рапорт: «... Прошу зачислить в полк всадником-«охотником» из вольноопределяющихся 1-го разряда кадета 7-го класса Владикавказского кадетского корпуса Магомет-Рауфа Агирова, без расходов от казны...», он был зачислен во 2-ю сотню Черкесского конного полка и, несмотря на возраст, показал себя отважным воином и настоящим командиром.

Приказом от 2 сентября 1917 г. командующего 8-й армии Агиров М.-Р. награжден золотым Георгиевским оружием с надписью «За храбрость» за бой у станции Циенжув (26.06.1917) на Юго-Западном фронте, когда он был «... направлен ... в разведку со своим взводом в 15 всадников, и под действительным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника вошел с ним в непосредственное соприкосновение, произвел рекогносцировку местности, установил силы врага и его намерения, потеряв одного убитым и трех ранеными... чем содействовал общему успеху атаковать противника в лесу, выйти в тыл... и тем самым выручить... попавшую в окружение... 19-ю пехотную дивизию...», указано в наградном листе.

В соответствии с «Именным списком нижним чинам и всадникам 2-й Черкесской запасной конной сотни Баталпашинского отдела», в августе 1915

г. в Черкесский полк прибыли 148 всадников, из них в 3-ю сотню зачислены абазины Абитов Мурзабек, Аргунов Абдул-Кадыр, Губжоков Каспот, Балов Джамбот, Джандаров Амерби, Лафишев Умар, Лоов Аслан-Мурза, Лоов Магомет-Гирей, Лиев Асхат, Лиев Айда, Лаурсанов Мурза-Бек, Кагов Адиль-Гирей, Камбиев Идрис, Коков Али, Озов Айса, Хачуков Узеир, Цикисов Хамит... [6].

Из Армавира в Черкесский полк на фронт 08.03.1916 г. прибыла следующая запасная сотня 3-й очереди, в составе 112 всадников, из них 27 зачислены в 3-ю сотню, третью часть их составляли абазины.

Черкесскому полку 31 мая 1916 г., в составе 41-го Армейского корпуса, было приказано захватить село и железнодорожную станцию Окно.

Во время конной атаки первыми в село, во главе со штабс-ротмистром итальянским маркизом Делли Альбицци Г. Ф., ворвались урядник 3-й сотни Дзыба Мустаф, всадники Лоов Магомет-Гирей, ставший впоследствии поручиком и командиром Отдельной Абазинской сотни 3-го Черкесского конного полка в белогвардейском движении, и урядники Бжегаков Алджирей и Ачмиз Исхак, захватившие трофеи: эшелон с каменным углем, интендантские склады, несколько пулеметов, и пленившие 157 австрийцев и венгров... И далее, как сказано в приказе о награждении, «...увидев взводного офицера и двух всадников, окруженных неприятелем, бросились и изрубили всех врагов, чем спасли жизнь своего офицера...».

За эти подвиги приказом по 41-му армейскому корпусу Дзыба Мустаф, Лоов Магомет-Гирей, Бжегаков Алджирей и Ачмиз Исхак были награждены Георгиевскими крестами.

15 сентября 1916 г. приказом по 41-му армейскому корпусу награждены двести всадников дивизии, проявивших с 15 по 30 июля 1916 г. выдающиеся мужество и храбрость в боях за дд. Езераны, Грушка, Хриниовцы, Пшеничники; гт.Тлумач и Станиславов, причем 108 из них – Георгиевскими крестами, 92 – золотыми и серебряными медалями «За храбрость». Георгиевским крестом 2-й степени награждены и два абазина: ст. урядник Айсанов Крым и мл. урядник Каблахов Джамальбий, ставший за год войны полным Георгиевским кавалером.

Подводя итоги июньских боев, Багратион Д. П. указал в приказе: «... Считаю особенно приятным... объявить благодарность всем чинам дивизии за высоко честное отношение к долгу службы в ночном бою 29.06.1916 г. под г. Калушем, в центре которого части других войск, под воздействием... вина, пришли в расстройство и, вместо боя с врагом, постыдно занимались грабежом, насилием женщин и пьянством...».

Высокоразвитое чувство долга службы перед Отечеством в частях Кавказской дивизии и воинская дисциплина, присущая сынам Кавказа и их боевым соратникам по дивизии, русским кадровым офицерам и пулеметчикам, и донским казакам 8-го дивизиона, нашли справедливую оценку в благодарности, выраженной командиром корпуса 12-й Армии, генерал-лейтенантом Черемисовым В. А., который сказал мне: «...Я был спокоен за оборону г. Калуша, когда получил донесение, что кавказцы его защищают...».

В марте 1917 г., после отдыха, дивизия была переведена в г. Бендеры, а через 10 дней передислоцирована в с. Хреновка, около города Каменец-По-

дольск, где 18 марта приняла присягу на верность Временному правительству.

В начале июня дивизия включена в состав 8-й армии, а 12 июня юго-восточнее г. Коломья состоялся смотр дивизии вновь назначенным командующим 8-й армии генерал-лейтенантом Корниловым Л. Г.

Потрясенный боевым духом, внешним видом всадников и конским составом, Корнилов заявил: «... Орлы Кавказа! Я не ожидал, но я счастлив видеть вас в таком изумительном порядке. В вас сохранился еще тот дух, который начинают терять наши войска... Когда вернетесь к себе на Кавказ, передайте от меня поклон... вашим отцам, что сумели воспитать и вдохнуть в вас ту внутреннюю дисциплину, что предохраняет вас от развала. Сейчас я зову вас на ратный подвиг и убежден, что славная история вашей дивизии обогатится еще многими страницами...». Багратиону Д. П. командарм Корнилов Л. Г. заявил: «... Я, наконец, дышал военным воздухом!...».

С 18 июня дивизия вступила в боевые действия в районе д. Блудники. Всадники 3-й сотни Черкесского полка, в том числе Хачуков Узеир, награжденный за этот бой золотой медалью с надписью «За храбрость», 27 июня первыми переправились через реку Ломницу и атаковали д. Блудники. Несмотря на ураганный огонь противника и понесенные при переправе потери, сотня, внезапно и удалю лихого налета произведя панику, достигла удара холодным оружием и, работая пикой и шашкой, истребляя холодным оружием сопротивлявшихся и бегущих, сбила две цепи противника и, принудив преобладающего численностью противника к бегству, захватила д. Блудники, и около 60 единиц стрелкового оружия и пулеметы, взято в плен 50 спешенных венгерских гусар.

Командир 56-й пехотной дивизии, с которой в этих боях взаимодействовал Черкесский полк, в приказе отмечал: «... Героями дня справедливо признать... всадников 3-й (баталпашинской) сотни... которые с отменной отвагой атаковали перед самой темнотой через р. Ломнице противника в д. Блудники... От лица службы благодарю доблестных всадников 3-й сотни Черкесского полка...».

Полки 1-й бригады Кавказской дивизии и сотни Черкесского полка 4-го июля, совместно с батальоном Юхновского полка, «... блестяще атаковали наступающего неприятеля и спасли положение 47-й пехотной дивизии...».

Генерал-майор Каменский С. Н., командир 47-й пехотной дивизии, прислал Багратиону Д. П. благодарственное письмо: «... Приношу Вашему сительству, штабу и всем чинам доблестной дивизии благодарность... за отличную боевую работу 4 и 5 июля 1916 г., которой я восхищен и от души завидовал... Могу высказать только сожаление, зачем так скоро прекратилась наша совместная боевая работа... Да хранит Вас и Вашу дивизию Бог и да покроет всех Вас неувыдаемой славой в предстоящих боях...».

По этому же поводу Багратион Д. П. получил телеграмму начальника штаба Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Духонина Н. Н.: «... За... выдающуюся храбрость во время атаки 4-го июля... Главнокомандующий жалует на каждую сотню, принимавшую участие в атаке, по десять Георгиевских крестов...», опять же, небывалый до этого случай награждения такого количества военнослужащих за один бой. К сожалению, наградные приказы

по этому бою в архивах не сохранились.

8-го июля командующим Юго-Западным фронтом назначен генерал-лейтенант Корнилов Л. Г., который должен был остановить отступление русских войск. По его приказу боееспособная Кавказская дивизия была направлена на помощь 11-й армии.

Дивизия находилась в пути 9 дней, «...совершая его среди панически отступавших, дезорганизованных пехотных передовых и тыловых частей. В этом хаотическом отступлении ярко проявилось значение дисциплины в полках Кавказской дивизии, стройное движение которой вносило успокоение в панические элементы нестроевых и обозов, к которым примыкали дезертиры пехоты 12-го армейского корпуса, с позиций...», писал Багратион Д. П.

На ночевке дивизии в г. Нижневе, где находился штаб 33-го армейского корпуса, к Багратиону Д. П. обратился комендант штаба с просьбой дать ему три сотни горцев «...для охраны штаба от возможного нападения дезертировавшего с позиции пехотного полка...». «...Я ответил ему, – укажет в приказе Багратион, – что одно присутствие здесь кавказцев обуздает преступное намерение дезертиров, а если понадобится, то сотни явятся по тревоге. Моя уверенность в чисто военной репутации доблестных полков дивизии оправдалась, и дезертировавший пехотный полк преступной воли не проявил...».

Корнилов Л. Г. готовил поход верных ему войск на Петроград, по его приказу с 10.08.1917 г. от станции Гречаны, у г. Проскурово в Карпатах, отходили эшелоны с полками Кавказской дивизии в Псковскую губернию, на станцию Новосokolьники, и далее, на станцию Дно.

Ночью 29 августа эшелоны с Черкесским и Ингушским полками прибыли на станцию Вырица, и до Петрограда оставалось 60 километров, но впереди железнодорожные пути были разобраны. Утром 29 августа командир Черкесского полка полковник Султан Крым-Гирей принял прибывшую из Петрограда делегацию членов Всероссийского мусульманского Совета в составе: председателя исполкома Всероссийского Совета (мили-Шуро) осетина Цаликова Ахмеда, адыгейца Намитокова Айтека, аварца Муххамад-Захида Шамиля (внук имама Шамиля), представителя грузин Мачабели, и Кушбека, которые просили кавказцев не идти на Петроград разрешать внутренние раздоры русских.

Полковник Султан Крым-Гирей заверил, что свой полк в Петроград не поведет, с этим решением согласились командиры других полков и начальник дивизии Багратион Д. П.

Новый командир кавказцев генерал-лейтенант Половцев П. А. 13.09.1917 г. издал приказ: «...Через несколько дней мы все уйдем на Кавказ... По Кавказу и по геройской службе вашей на войне знаю ваш характер: рыцарски благородный, заступник обиженного, гордый своей честью, таков облик представителей Кавказа, в командование которыми я с гордостью вступил... Вы должны помнить, что на вас будут смотреть, как на образец истинных воинов... Слава о ваших боевых подвигах отметила вас среди народа. По вас будут учиться дисциплине и порядку. Зная ваш нрав и самолюбие, уверен, что вы явите пример этой дисциплины, покажете себя достойными вашего боевого прошлого...» [7].

В первых числах октября 1917 г. 3-я (баталпашинская) сотня прибыла в

Баталпашинск, и еще некоторое время функционировала как воинское подразделение, проводились учения и маневры. . .

Всего в Первой мировой войне сражались более 40 абазинских воинов, в том числе 11 офицеров, 7 младших офицеров и свыше 20 всадников: поручики Абуков Пшимаф, Агиров Магомет-Рауф, Трамов Шахим; подпоручик Егибоков Аслан-Мурза; прапорщики Аджиев Камбулат, Айсанов Крым, Лиев Барасби, Лоов Бек-Мурза, Цикисов Хан-Гирей; корнет Лафишев Ибрагим; урядники Абуков Атажуко, Лафишев Ахмет, Дзыба Мустаф, Шуков Джамалдин; юнкеры Каблахов Джамальбий, Лиев Мухаджир; всадники Адзинов Ираджиб, Дармилов Джамиль, Дахов Салех, Заурумов Шерембий, Лаурсанов Мурза-Бек, Лоов Магомет-Гирей, Лоов Хамит-Бей, Озов Айса, Пазов Исхак, Псху Амербий, Тамбиев Бекмурза, Тлисов Айса, Шавтыков Каплан, Хаупшев Магомет, Хачуков Узеир, Хачуков Миза, Хачуков Султан-Гирей. . .

За выдающиеся подвиги орденом «Святой Анны» с надписью «За храбрость» 3-й и 4-й степеней; орденом «Святого Станислава» 2-й и 3-й степеней с мечами, для мусульман установленный и орденом «Святого Владимира» 4-й степени с мечами и бантом, награжден подпоручик Егибоков Аслан-Мурза; штаб-ротмистр Лафишев Ибрагим – офицерским Георгиевским крестом с лавровой ветвью и тремя Георгиевскими крестами; поручик Агиров Магомет-Рауф – высшей российской наградой – золотым Георгиевским оружием с надписью «За храбрость».

Георгиевскими крестами награждены: юнкер Каблахов Джамальбий – четырьмя крестами, и он стал полным Георгиевским кавалером; прапорщик Лиев Барасби – тремя крестами; прапорщик Айсанов Крым – двумя крестами; одним крестом награждены поручик Абуков Пшимаф, прапорщик Аджиев Камбулат, урядники Лафишев Ахмет, Дзыба Мустаф, Шуков Джамалдин, юнкер Лоов Басарби; всадники Лоов Магомет-Гирей и Хаупшев Магомет. . .

Примечания

1. Газета «Кубанские областные ведомости», № 22, Екатеринодар, 1916 г.
2. Газета «Кубанский край», № 71, Екатеринодар, 1915 г.
3. Журнал «Новая и новейшая история», № 4, Л. 110, г. Москва, 1987 г.
4. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Ф. 3644, Оп.1, Д. 8, Л. 394.
5. Там же, Л. 250.
6. Там же, Л. 1094.
7. Брешко-Брешковский Н. Н., книга «Дикая дивизия», г. Москва, 1991 г.

Аслан КАЗАКОВ,
кандидат исторических наук

РОССИЙСКИЕ ОФИЦЕРЫ АСЛАНБЕГОВЫ

Штрихи к этническому происхождению

В последние десятилетия вольная, далекая от политкорректности интерпретация различных исторических событий, фактов, а также биографий исторических и военных деятелей, и т.д., на постсоветском пространстве приобрела характер эпидемии.

В настоящей статье предпринята попытка объективно разобраться с этнической принадлежностью достаточно известной в XIX веке в России семьи Асланбеговых, имевших кавказские корни.

Одним из представителей этой фамилии был Авраамий Богданович Асланбегов.

Вот, что о нем говорится в «Кратком биографическом словаре русских адмиралов», вышедшем в Москве в 2003 году:

Асланбегов Авраамий Богданович (10.09.1822-07.12.1900), вице-адмирал, флагман, морской биограф. Зачислен в Морской корпус кадетом в 1835 г. Произведен в гардемарины в 1837 г. В 1837 и 1838 гг. на фрегатах «Прозерпина» и «Александр Невский» плавал по балтийским портам. В 1838 г. произведен в мичманы и оставлен в офицерском классе. В 1839-1842 гг. крейсировал на различных кораблях в Балтийском море. В 1842 г. произведен в лейтенанты с переводом в Черноморский флот. В 1843-1845 гг. на кораблях «Селафаил» и «Варшава» крейсировал в Черном море. В 1845-1846 гг. плавал на корвете «Андромаха» из Одессы в Архипелаг и обратно. В 1847-1853 гг. на корабле «Селафаил» и бриге «Фемистокл» крейсировал у восточных берегов Черного моря, участвовал в высадках десантов и стычках с черкесами, командовал там же тендером «Поспешный».

Участник Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг. В 1854 г., командуя пароходом «Эльборус» на Севастопольском рейде, выходил четырежды в крейсерство для истребления неприятельских коммерческих судов. В августе командовал подвижной батареей, сформированной из десантных корабельных орудий. Находился в гарнизоне Севастополя во время его обороны (1854-1855), во время штурма был контужен осколком бомбы в левое ухо. В 1854 г. произведен за отличие в капитан-лейтенанты. Награжден орденами: св. Анны 2-й ст. с мечами и св. Станислава 2-й ст. с императорской короной и мечами. В 1855-1858 гг. находился при Николаевском порте. В 1857 г. за 25-летнюю службу в офицерских чинах награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1858 г. назначен командующим 36-м флотским экипажем в Николаеве. В 1860 г. по сформировании черноморских флотских экипажей поступил в состав 2-го сводного Черноморского экипажа.

В 1860-1861 гг., командуя винтовым корветом «Сокол», пере-

шел на Балтику. В 1862 г. произведен за отличие в капитаны 2-го ранга, продолжал командовать тем же корветом на Балтике, а в 1863 г. перевел «Сокол» из Кронштадта в Николаев. В 1864 г. переехал из Николаева в Кронштадт, в 1865 г. назначен командиром корабля «Ретвизан». Произведен в капитаны 1-го ранга в 1866 г. В 1868 г. поступил в 4-й флотский экипаж. Командуя «Ретвизаном», находился в штабе начальника броненосной эскадры вице-адмирала Г. И. Бутакова, на пароходо-фрегате «Соломбала» под флагом контр-адмирала В. А. Стеценко. В 1869 г. командирован к генерал-губернатору Прибалтийского края для участия в комитете по устройству навигационных школ по Курляндскому побережью и для изыскания средств развития торгового мореплавания и постройки коммерческих судов. В 1871 г. назначен командиром 3-го флотского экипажа. Состоял членом Комитета для разыскания приспособлений и улучшений, вызываемых направлением к Севастополю железнодорожного пути, и необходимого подразделения порта на военный и коммерческий. Затем сопровождал ботик Петра Великого из Петербурга в Москву и в 1872 г. участвовал в церемониале торжественного шествия его по реке Москве. В 1874 г. награжден орденом св. Владимира 3-й степени. В 1876 г. назначен командиром 8-го флотского экипажа. В 1878 г. произведен в контр-адмиралы с оставлением в должности. В 1879-1882 гг. командовал отрядом судов и плавал по портам Тихого океана. Награжден орденами св. Станислава 1-й ст. (1881) и св. Анны 1-й ст. (1883). В 1883 г. командовал эскадрой из 11 судов на Кронштадтском рейде при Высочайшем смотре, в 1884 г. назначен младшим флагманом Балтийского флота. В 1885 г. зачислен по флоту; награжден орденом св. Владимира 2-й ст. В 1887 г. произведен в вице-адмиралы. В 1888 г. награжден орденом Белого Орла.

В «Морском сборнике» опубликовал ряд статей: «Плавание корвета “Сокол” из Средиземного моря в Кронштадт» (1861), «Адмирал Павел Степанович Нахимов» (1868), «Адмирал Алексей Самуилович Грейг» (1873), «Адмирал Александр Иванович Панфилов» (1874), «Речь по поводу празднования пятидесятилетия Морской академии» (1877), «Сведения о разных местах, посещенных контр-адмиралом Асланбеговым» (1881).

Его именем названы два географических пункта в Охотском море¹.

За последние годы появилось немало публикаций о возможном этническом происхождении данного флотоводца, в том числе и не особо достоверных.

Так, в вышедшей несколько лет назад в Ереване книге утверждается, что вице-адмирал Асланбегов Авраамий Богданович, происходит из армян².

Несколько ранее азербайджанский автор Н. Алиев писал, что указанный флотоводец «Авраамий Богданович Асланбегов (Ibrahim

1 См.: Скрицкий Н. В. Русские адмиралы. Краткий биографический словарь. Москва, 2003, С. 36-38.

2 См.: Аветисян Г. Генералы-армяне в Российской империи. Ереван.

bey Allahverdi bey oglu aslanbeyov; Ибрагим бек Аллахверди бек оглу Асланбеков; 1822, Баку – 1901, Санкт-Петербург)» – азербайджанского происхождения¹.

Еще большую фантазию пришлось проявить автору из Дагестана К. Алиеву, пытаясь доказать, что вице-адмирал А. Б. Асланбегов кумыкского происхождения².

При этом указанные авторы особо не обременяют себя поиском и приведением сколь-нибудь достоверных исторических документов.

Между тем существуют многочисленные документы, в том числе и печатные, убедительно доказывающие этническую принадлежность рода Асланбековых – Асланбеговых.

Так, в Первом томе «Родословной книги дворянства Московской губернии», составленном под редакцией известного русского генеалoga, государственного и общественного деятеля Леонида Михайловича Савелова, были приведены следующие данные об отце вышеуказанного вице-адмирала – *Богдане Абрамовиче Асланбегове*³:

Из дворян черкесской нации, р. [в] 1769, в службе кадетом [с] 1787, мичман 1789, командирован комиссионером Черномор[ского] флота в Москве, с 1808 по 1827; [капитан 1 ранга] при отст[авке] ген[ерал]-майор 1835. [Умер] 5 июня 1844, [в возрасте] 70 лет.

[Жена] дочь мичмана Марья Ильин[ична] Юшкевич. [Умерла] 6 июня 1842, [в возрасте] 50 лет.

Далее в «Родословной книге дворянства Московской губернии» приведены данные о двух сыновьях и четырех дочерях отставного генерал-майора Богдана Абрамовича Асланбегова от брака с Марьей Ильиничной Юшкевич: дочь Елизавета Богдановна (род. ок. 1817, ум. 2 марта 1884); сын Илья Богданович (род. 20 июля 1819), по данным на 1848 г. состоял в чине ротмистра;

сын, будущий известный моряк вице-адмирал Абрам (Авраамий) Богданович (ум. 7 декабря 1900), по данным на 1843 г. состоял в чине мичмана; дочь Марья Богдановна (род. 1822); дочь Вера Богдановна (род. ок. 1827); дочь Александра Богдановна (род. 30 сентября 1832)⁴.

Семья генерал-майора Богдана Абрамовича Асланбегова была включена во 2-ю часть родословной книги в 1827 г., т.е. он получил по-

1 См. например: *Алиев Н.А.* Военно-морская история Азербайджана. Баку, 2002. С. 95.

2 См.: *Алиев К.М.* Вице-адмирал русского флота Авраамий Асланбеков (Кто он: азербайджанец, кабардинец или кумык?) // *Ёлдаш / Времена.* 14 сентября 2007 г.; он же, *Кумыки в военной истории России (вторая половина XVI – начало XX вв.).* Краткий военно-исторический справочник. Махачкала, 2010. С. 246-248.

3 Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. Дворянство жалованное и выслуженное. А-И / Под редакцией Л.М. Савелов. Москва, 1914. С. 70.

4 Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. Дворянство жалованное и выслуженное. А-И / Под редакцией Л.М. Савелов. Москва, 1914. С. 70.

томственное русское дворянство по офицерским чинам, полученным на русской военной службе.

В Центральном историческом архиве города Москвы в фонде 4 находятся на хранении ряд дел, также свидетельствующих о «черкесском» (т.е. кабардинском) происхождении Асланбеговых¹.

Богдан Абрамович Асланбегов владел виноградными садами и землями в Кизляре, имел десять душ крепостных, но проживал ли он в Кизляре – достоверно не известно.

В начале второго десятилетия XIX века, когда встал вопрос о причислении к дворянству Российской империи, морской офицер Богдан Асланбегов стал собирать документы о своем происхождении, в частности, на Кавказе. Он обратился с просьбой подтвердить происхождение из кабардинских князей его деда – Асланбека, бежавшего в конце XVII – начале XVIII века от междоусобной внутренней феодальной резни в Кабарде. Тогда целые фамилии, в частности князя Шогенуковы, были практически полностью уничтожены, уцелевшие немногочисленные отпрыски кабардинских князей нашли приют в Грузии, с которой у кабардинских феодалов были традиционно дружеские отношения. В этот период царицей Картли – женой Вахтанга VI, царствовавшего с перерывами в 1703-1724 г., была кабардинская княжна Русудан. Ранее, царицей – женой царя Имерети Георгия II, царствовавшего в 1565-1583 г. была другая кабардинская княжна Русудан.

20 апреля 1810 г. Картлинской царицей Марией и 8-ю царевичами было письменно удостоверено происхождение деда просителя из кабардинских князей².

Через десять лет, в октябре 1820 г., подлинность означенного свидетельства вновь была удостоверена двенадцатью грузинскими князьями и дворянами³.

В марте 1827 г. капитан 1-го ранга Богдан Асланбегов письменно обратился к статскому советнику Георгию Ростованову, предводителю дворянства Моздокского отдела, глубокому знатоку местных традиций и обычаев, бывшему воинскому начальнику административного центра Кабарды – крепости Нальчик, в начале 1820-х годов. На свой запрос он получил ответ на 3-х страницах 1 мая 1828 г.⁴

Богдан Асланбегов в силу своих заслуг перед Российской империей дослужился до воинского чина капитана 1-го ранга (1824 г.). Согласно Табели о рангах этот чин относился 6-му классу и соответствовал чину армейского полковника. Ранее, 12 декабря 1816 г., «в воздаяние ревностной службы Высочайше пожалован» орденом св. Владимира 4-й степени⁵. Офицерские чины и пожалование орденом давало полное право Богдану Асланбегову на причисление к потомственному российскому дворянству со всеми вытекающими привиле-

1 См., например: ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 74; Оп. 17. Д. 281.

2 ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41 («Сведения о вице-адмирале А. Б. Асланбегове, переписка»), Л. 54-55.

3 Там же.

4 Там же. Л. 56.

5 ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 74; Оп. 17. Д. 281.

гиями.

На основании собранных в течение полутора десятка лет и представленных в Герольдию Правительствующего Сената многочисленных документов, 29 сентября 1827 г. капитан 1-го ранга Богдан Асланбегов определением Московского дворянского собрания вместе с детьми был утвержден в российском дворянстве с внесением в 3-ю часть родословной книги (дворянство, полученное по гражданским чинам и ордену). В дальнейшем указом Правительствующего Сената от 29 июня 1852 г. за № 6141 его семья была перенесена во 2-ю часть родословной книги (дворянство, полученное за офицерские чины)¹.

На свой запрос в Кабарду, капитан 1-го ранга Богдан Асланбегов получил ответ от 9 апреля 1828 г. отношением № 35 Кабардинского временного суда, с приложением свидетельства членов суда от 7-го апреля того же года на 5 страницах о происхождении его деда от кабардинских князей².

Свидетельства членов Кабардинского временного суда, куда входили самые уважаемые и авторитетные представители кабардинского народа того периода, в частности: председатель суда – валий Кабарды подполковник князь Кучук Джанхотов, члены суда первостепенные дворяне поручик Али-мурза Коголкин и прапорщик Беслан Куденетов, духовный руководитель – кадий Умар Шеретлоков, секретарь суда потомственный российский дворянин майор Якуб Шарданов³, были чрезвычайно весомы и объективны.

Требования к самим членам этого суда были чрезвычайно высокие. Каждый из них был глубоким знатоком, обладал поистине энциклопедическими познаниями истории своего народа, в том числе родословной каждого представителя княжеского и дворянского происхождения. Мало того, что сами члены Кабардинского временного суда ни по одному из многочисленных рассматриваемых дел и тяжб не могли выносить скоропалительных решений, но и не могли пригласить в качестве свидетеля человека, не знавшего, как минимум, семь поколений своего рода, так как вердикт суда мог иметь глубокие и далеко идущие последствия.

Позднее отставной генерал-майор Богдан Асланбегов для получения дополнительных материалов о его княжеском происхождении запрашивал Тифлисское Дворянское Депутатское Собрание 11 января 1830 г. и 15 декабря 1835 г.

На эти запросы он получал ответы от Тифлисского губернатора князя Палавандова от 18 февраля 1836 г. за № 1552; от 19 июня 1836 г. № 5135, а также от 29 апреля 1837 г.⁴

Позднее сын отставного генерал-майора Богдана Асланбегова – вице-адмирал Авраамий Богданович Асланбегов, несколько раз обращался с соответствующими прошениями в Комиссию для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей на имя бывше-

1 ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 74; Оп. 17. Д. 281.

2 ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41. Л. 56.

3 ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 65.

4 ЦГА РСО-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 41. Л. 58-59 об.

го председателя этой Комиссии действительного статского советника Дмитрия Степановича (Лукмана Магометовича) Кодзокова, кабардинца по происхождению: 11 января 1874 г. и 20 декабря 1887 г. В этот период вице-адмирал Асланбегов проживал в Санкт-Петербурге, на Конно-Гвардейском бульваре, в доме барона Гинсбурга¹.

Для полноты представления, приведем выписку из послужного списка старшего Асланбегова:

Асланбегов (он же Асланбеков) Богдан Абрамович (род. ок. 1769 – 05.06.1844), «из дворян черкесской нации, греческого исповедания». В службе с 1786 г. кадетом, с 1790 г. гардемарин, мичман с 1792 г., лейтенант в 1799 г., капитан-лейтенант в 1810 г., капитан 2-го ранга в 1820 г., капитан 1-го ранга с 1824 г. Служил в Черноморской флотилии, участвовал в сражениях с турецким флотом у Анапы, мыса Коляврия и мыса Елены в 1791 г. «В воздаяние ревностной службы Высочайше пожалован» орденом св. Владимира 4-й степени (12.12.1816 г.). Удостаивался многих положительных характеристик (аттестаций) от начальства, в том числе в 1801 г. от адмирала Ушакова: «в поведении и в должности аттестуется достойным». С 1808 по 1827 г. был командирован комиссионером Черноморского флота в Москве (вероятно, в связи с этим и был включен в родословную книгу именно Московской губернии). Уволен со службы по болезни с мундиром и пенсией в 200 руб. в год. Утвержден в российском дворянстве с 29.09.1827 г.²

1 Там же. Л. 54-60.

2 Казаков А. В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик, 2006; Абрамян Р. А. Генеалогические заметки. Асланбековы, Черкесовы, Черкезовы (Черкезян) // Генеалогия Северного Кавказа. № 4. Нальчик, 2002. С. 117.

Юрий ЛЕОНОВ

ТРИ ГЛОТКА ГОРЬКОЙ ВОДЫ

Рассказ

Ветер войны дул нам в спины, погоня старенький, пропахший йодом и хлоркой пароход. Раненых разместили в каютах. А палубу заполнили узлы и котомки, чемоданы и сидора, на которых вповалку лежали беженцы. Нам троим досталось место у носовой лебедки. Мы обещали освободить его, едва покажется берег. А пока чем не изголовье – чугунный облупленный кнехт? Среди кашля, стонов, плеска воды я чутко улавливал, как хрипловато дышит в забытьи контуженый отец, как беспокойно ворочается мать.

В ту ночь не спали многие. Пароход крался во тьме с потушенными огнями. По слухам, капитан, старый морской волк, вел судно южнее обычной трассы Баку–Красноводск. Предосторожность эта оказалась не лишней. С севера, где пролегал кратчайший путь, донесся раскатистый отголосок взрыва.

Приподнявшись на локте, я попытался разглядеть в той стороне хоть что-нибудь. Ночь была влажной, глухой, беспросветной. Но вот вдали затеплилось крохотным огоньком и вскоре у самого горизонта закачалось дымное зарево. В открытом море оно рдело зловеще.

В первые минуты я ждал, что капитан вот-вот повернет судно и мы пойдем навстречу терпящим бедствие. Душа замирала от тех предчувствий. Казалось даже, что оттуда, с севера, доносятся крики. Но это стонали в каютах раненые.

В памяти всплыл рассказ отца о том, как их батарея форсированным маршем пробиралась через болото по гати – зыбкому настилу из срубленных деревьев и кустарников. Одна из лошадей оступилась и сразу ушла по брюхо в вязкую жижу. Спасти ее было нельзя. Успели только сорвать поклажу – два ящика снарядов, а сама лошадь, косматая калмыцкая кобыленка, с протяжным ржанием тонула на виду у всех. И такая предсмертная тоска стыла в ее глазах, что бывалые солдаты отворачивали головы, проходя мимо... Я старался не думать о той лошади – жутковато было и без того, но видение оказалось прилипчивым и долго не отпускало меня.

...Зарево пятилось назад, бледнели его отсветы на чешуе облаков, а пароход шел прежним курсом, пока вокруг опять не сомкнулась плотная, пахнувшая свежестью мгла. Как будто и не было вовсе того багрового трепетного знака беды...

Утром мы сошли на пыльные камни Красноводска. Нас встретил не просто другой город – иной мир, куда, на первый взгляд, еще не докатилась война. Обвисшие паруса рыбацких фелюг, плоские крыши саманных строений, губастые верблюды, надменные, как визири из

арабских сказок, целебная тишина прожженных солнцем улиц, на которых не росло ни дерева, ни травинки...

А после той тишины – базар, оглушающе пестрый, разноязыкий. Чего только не было здесь в ту пору, у западных ворот в Среднюю Азию. Фамильное, тускло сияющее серебро и пугливые черепахи, буханки хлеба из-под полы и дефицитные иголки для примусов, горляющие ишаки и тихо позванивающие мониста из продырявленных монет царской чеканки...

Крепко держа за руку, отец вел меня за собой, не давая заглядываться на разную невидаль. В иное время родители мои и сами не упустили бы случая вдосталь подивиться на эти редкости. Но за два года войны даже мама моя стала практичной женщиной.

Лишь за развалом, где начиналась торговля рыбой, мы вволю побродили между рядами. Никогда больше не видел я такого обилия рыбы, как в Красноводске весной сорок третьего. Это был самый ходовой продукт, который черпали в море без всяких лимитов и продавали здесь не по карточкам. Как же было не увезти отсюда проезжему человеку связку плосковатой чехони или провяленной до золотистого блеска, одуряюще пахнувшей воблы, знаменитой сельди-черноспинки, а то и осетрового балыка, если позволяли деньжонки.

И еще, помнится, там была тюлька. После жиденьких супчиков и пресной мамалыги станционных столовых – сущее объедение. Мелкая, свежeproвяленная, лоснящаяся от жира и в меру просоленная, она имела свойство исчезать во рту незаметно, как семечки. Мы купили ворох этой рыбешки, и, пока шли на вокзал, от нее осталось лишь приятное воспоминание.

Расплата за удовольствие подкараулила нас тотчас же. Захотелось пить. А воды здесь, как выяснилось, не было. Ни в бачке, ни из-под крана, ни за так, ни за деньги. Плосколицый старик в бараньей папахе, с парусиновой сумкой через плечо пояснил нам, что вода «на лимите». Ее привозят сюда морем из Баку, но доходят до города не все танкеры. Только вчера утопили еще одно судно.

– То самое, да? – громко спросил я у отца.

– Наверное, – отвел он взгляд в сторону, не желая снова ввязываться в допытки, с которыми я уже приставал к нему.

– А мы даже не подошли. Тоже мне, морской волк...

Мама дернула меня за рукав, чтобы не болтал лишнего. А отец еще раз объяснил, что каждый капитан действует не по своему хотению, а по инструкциям.

– Якши, якши, по инструкциям, – закивал старик, встrepенувшись от знакомого слова. – Талоны есть – шурпа будет, пиала чая будет. По инструкциям.

До обеда было не близко, до вечернего поезда – и того дальше. Стоило мне узнать, что вода здесь «на лимите», как пить захотелось еще сильнее. Рот словно бы усох, а язык стал большим и шершавым, как терка. Я даже потрогал его втихаря, чтобы убедиться, какой он колючий. И так жалко стало себя, высыхающего...

То ли подействовал мой страдальческий вид, то ли мама сама очень хотела пить. Но скоро она предложила снова пойти в город: ведь где-то должна быть вода. Не может быть, чтобы во всем Красноводске не найти стакана воды даже в условиях военного времени. Разумными казались мне ее речи и вовсе непонятны возражения отца, не верящего в эту затею. «Конечно, кому хочется тащиться по солнцепеку в такой день, – думал я. – Но где же еще напиться?»

– Может быть, ты побудешь здесь, а мы вдвоем прогуляемся ненадолго? – дипломатично предложила отцу мама. – Без головного убора, в жару... тебе лучше бы побережись.

После таких слов мы бодро вышли из здания вокзала втроем. Отец молодежато вышагивал чуть впереди, разумеется, с непокрытой головой, словно нипочем ему были все напасти.

К концу первого часа блужданий по каменистым безлюдным улицам солнце стало нашим врагом. Зависнув почти в зените, оно слепило глаза, проникало до самого нутра, в котором, казалось, спеклись вместе все печенки-селезенки. Белесые глинобитные дувалы дышали жаром, узкие бойницы окон, закрытые жалюзи, шурились настороженно и недоверчиво. И за всем этим плавилась в мареве раскаленные громады скал.

Мы с мамой уже не мечтали найти ларек с холодной искристой газводой (неужели бывает на свете такое чудо?), не искали какой-нибудь захудалой столовой, просто шли и спрашивали у встречаемых, не знают ли они, где можно напиться.

Прохожих встречалось мало, не все они понимали по-русски, а те, кто понимал, смотрели на нас то жалостливо, то недоуменно, словно их просили одолжить сто рублей, и качали головами: нет, они не знали, где можно найти стакан воды. С каждым отказом отец извинялся и мрачнел все более. Мама виновато молчала.

На окраинной, слепой от длинных дувалов улочке ко мне подкралась темная мысль. Я подумал о том, что, наверное, здесь живут жадные, бесчувственные люди. Ведь не может быть, чтобы ни у кого в доме не было воды. Значит, берегут, жалко ее, самую обыкновенную, простую воду. Хоть умри здесь от жажды.

– Все ясно, больше вопросов нет, – устало сказал отец, и мы поплелись обратно к вокзалу.

Порыв ветра пронесся вдоль дороги, вздымая сор. Повеяло пряной свежестью моря. Я закрутил носом, пытаюсь понять, откуда прорвалось такое благо. Оглянулся – из проулка медленно выплывал большой глиняный кувшин. Женщина несла его на голове, осторожно шаркая мелькающими из-под подола чувяками. Без сомнения, сосуд был полон. Я замер.

Лицо женщины выглядело бесстрастным и отрешенным: морщинистые полуприкрытые веки, защищенный темным платком рот... Когда она поравнялась с нами, я набрался духу и спросил:

– Тетенька, у вас вода?

Коротким жестом руки она пригласила следовать за собой.

Никогда не забыть мне калитку в глинобитной стене, за которой, ни слова не сказав, скрылась женщина с кувшином. Тягостны были минуты ожидания. Мне расхотелось уже и пить – быстрее бы уйти от этих неприветливых стен, как вдруг хлопнула дверь, за ней другая, и воздух содрогнулся от топота ног и гомона ребячьих голосов.

Сколько их было – восемь, десять старающихся перекричать друг друга ртов?.. Мне показалось, сбегался поглазеть на нас целый детский сад. Худощавые, подвижные и в то же время такие разные лица. Смоляные, каштановые, русые челки над любопытными, по-взрослому пронизательными глазами. Как занесло их сюда, какими ветрами войны, столь не похожих друг на друга мальчишек и девчонок? Кем стала для них эта немолодая женщина?

– Откуда вы, родненькие? – жалостливо вырвалось у мамы.

Ребята замолчали, прижавшись плотней друг к другу, как будто их собирались разобщить. Просунувшись между голов, чья-то рука протянула мне стакан с мутноватой, припахивающей тухлинкой водой.

Я взял его, смущенный общим вниманием, и жадно глотнул. Солоновато-горькая теплая влага обожгла горло, заставила покривиться.

Возле калитки сдержанно засмеялись: не нравится маменькину сынку наша водичка. И тотчас, увидев себя глазами этих ребят, очевидно, приемышей, я почувствовал, как от стыда за свою слабость, неспособность перетерпеть привычную здесь жажду опалило меня жаром ста солнц.

Судорожно глотнув еще дважды и не ощутив на сей раз никакого вкуса, я передал стакан. Мама с папой допили воду и, не зная, как отблагодарить за услугу, попробовали предложить деньги. Но денег у нас не взяли.

– Откуда ж такая вода? – сипловато спросил отец.

– К источнику ходим, под гору, – махнул рукой курчавый подросток с блеклой отметиной шрама на щеке.

В той стороне, куда показал он, плавали в мареве красноватые, прокаленные солнцем скалы. До них было намного дальше, чем до вокзала.

...Поезда шли на восток без расписаний, подолгу замирая на полустанках в ожидании встречных. Вокруг уже полыхала весна. Пустыни были объяты пламенем цветущих тюльпанов. В казахских степях горели жаркие палы – длинные гривы огня сжирали прошлогодние травы. Особенно тревожно они смотрелись в ночи, когда поезд словно бы прорывался сквозь это бегущее рядом с вагонами пламя.

Я почти не отходил от окна. В алых вспышках тюльпанов, в багровых сполохах степных пожарниц мне чудились то грани далеких выжженных скал, то отсветы зарева, которые мы миновали в холодных просторах Каспия.

Инна Кашежева – яркий, живой образ литературного наследия

Сегодня мы вспоминаем Инну Иналовну Кашежеву, поэтессу, чье творчество по праву является одной из вершин литературного наследия России. В этом году ей исполнилось бы 70 лет. К памятной дате библиотека Кабардино-Балкарского госуниверситета организовала творческий вечер, где собрались многочисленные почитатели ее таланта, близкие, родственники, представители широкой общественности.

Несомненно, для многих творчество Инны Кашежевой представляется самым сущностным, глубоким и сокровенным выражением народной души. Выстраданное, высказанное, запечатленное поэтессой – и ее ранняя романтическая лирика, пробуждающая человеческое, гражданское, национальное до-

стоинство, и строки, зовущие к горным вершинам и стремительным рекам родного края – Кабардино-Балкарии, воспевающие красоты российской природы, отстаивающие всечеловеческие идеалы, – все это сполна отобразено в ее поэзии. Все это – связка золотых ключей в руках читателя, желающего узнать, понять духовный мир поэтессы, обращенный ко всем нам в чистых признаниях, глубинных мыслях, отчаянии и пророческих посланиях.

Поэзия И. И. Кашежевой – это могучий пласт русской и кабардинской культуры, это блестящий образец художественного открытия истины, добра и человеколюбия, – хрусталь поэтического слова, звучание которого излечивает мир алчности и невежества, не позволяет отступить от совести и истины. Искренняя, восприимчивая, открытая, она горячо взывает к совести человечества, всеми силами пытается положить конец безнравственности и малодушию. Она не просто рассуждает о непреходящих ценностях, она подкрепляет каждую выверенную мысль собственными жизненными установками, личными воззрениями. И это может быть свойственно только пылкому, самоотверженному борцу против ханжества и человеческого равнодушия.

Иногда кажется, что у поэта нет кожи. Он обостренно чувствует счастье и боль, видит ужасное и прекрасное. Помните, у Л. Н. Толстого: «Поэзия есть огонь, загорающийся в душе человека. Огонь этот жжет, греет и освещает... Настоящий поэт сам невольно и страданьем горит, и жжет других, и в этом все дело». Так же и у Инны Кашежевой, она подобна зажженной тоненькой лучинке, от которой затем разгорается огромное пламя. Ее лавинный поток мыслей проникает в наше сознание и заставляет прочувствовать, понять ее, между тем делая нас чище и здравомысляще.

Благодаря своей индивидуальности и таланту она стала символом целого поколения молодых поэтов России. Она покорила сердца миллионов читателей. Вот и мы, люди совершенно другого поколения, вслушиваясь в проникновенное чтение ее стихотворений студентами КБГУ, вновь открываем для себя безбрежный удивительный мир поэзии Инны Кашежевой, одухотворенный могучей жизненной силой и в то же время – женственностью и изяществом. Ведь поэзия – это «изящество в письменности». А поэт, выражением Владимира Даля, – это человек, одаренный природою способностью чувствовать, сознавать поэзию и передавать ее словами, творить изящное. Здесь возникает и еще одна немаловажная особенность эстетики вкуса, когда есть присутствие гибкости ума и изящества.

Конечно, все это соотносится с природным началом, неординарностью таланта самой поэтессы Инны Кашежевой, чей поэтический дух охватывает широкие горизонты и видит дальше и глубже, чем кто-либо, он полон надежд, искренности и правды. По сути, прав был Поль Эklar, который считал главной целью поэзии – полезную правду. А эта правда была основой всего и являлась жизненным кредо поэтессы.

Природа невероятного успеха юной поэтессы покорила ученого, гуманиста Салиха Эфендиева: «Поразительно, что поэтический взлет Инны Кашежевой был стремительным и целенаправленным. Для этого она не жалела своих умственных и интеллектуальных сил. Работала без усталости день и ночь, писала такие стихи, которые были как огненный поток, сверкающий в горах, как наступление рассвета и утренней зари. Все ее знакомые поражались ее энергии, трудолюбию. Благодаря всему этому поэтесса достойно вошла в орбиту геокультурного пространства Востока и Запада. Это очень редкое явление. В этом заключается феномен таланта Инны Кашежевой. И тем самым она получила всесоюзное признание. Ее часто включали в различные поездки по стране. И она активно принимала участие в различных декадах литературы и искусства, юбилейных праздниках и торжественных мероприятиях. Все это свидетельствует о том, что она пользовалась большим уважением и известностью среди поэтов и писателей Советского Союза.

Многие известные поэты старшего поколения знали, что у Инны незаурядный талант не по возрасту. Для вступления в члены Союза писателей СССР ей дали рекомендации такие известные поэты, как Павел Антокольский, Михаил Светлов. Впоследствии Инна писала по этому поводу: «...Они великие люди. Это мое счастье, что они рекомендовали еще такую молодую, ничего еще не сделавшую; они сумели предугадать мое будущее. Спасибо им, поклон низкий, царство им небесное». Думаю, что эти слова подтверждают, что она была очень благодарным человеком, и действительно, она всегда проявляла эту благодарность по отношению к остальным людям всю свою последующую жизнь. По сути, благодарность – это такое свойство, которое подкрепляется умением человека быть безмерно признательным, способным оценить даже простую малость. Инна Кашежева была эталонном кристальной чистоты, высокой порядочности и широкой доброты

души. Она никогда не забывала о добре, которое проявляли к ней. Как говорил Кайсын Кулиев: «Нельзя забывать добро, и о том, что поэт не может быть плохим человеком».

Интеллектуальная деятельность и литературная одаренность Инны Кашежевой были на высоком уровне. Об этом свидетельствуют широта ее мировосприятия и диапазон мышления. В ее чудесных стихотворениях мы видим богатое творческое наследие, которое передается из поколения в поколение. Инна Кашежева – социокультурный феномен второй половины 20-го века. Она стоит в одном ряду с такими известными поэтессами, как Зульфия, Сильвия Капутикян, Юлия Друнина. Она своим творчеством обогатила духовную культуру народов Кабардино-Балкарии. Ее звезда горит в субстанциональном космосе Кабардино-Балкарии, а это есть бессмертие на многие века. Она умерла физически, но ее имя будет воспето всенародной памятью.

Близкий друг поэтессы Алексей Корнеев вспоминает, что Инна говорила: «Так как у меня не было своего литературного поколения, мой год рождения – военный, и мало родилось детей моего возраста, у меня не было сверстников в литературе, и потому мне пришлось примкнуть к более старшему поколению – к Белле Ахмадулиной, Евгению Евтушенко, Андрею Вознесенскому, Булату Окуджаве, и я благодарю их за то, что приняли меня на правах, и я прожила с ними всю свою литературную жизнь».

Инна Кашежева была достойна общества таких именитых поэтов. Они на самом деле относились к ней как-то особенно по-доброму, с большим уважением, и включили ее в свой круг. Много раз они выступали вместе в различных городах. Поэты-«шестидесятники» продолжили традиции великой русской литературы XIX века, что имело большое значение для творческого подъема молодой поэтессы и для укрепления преемственной связи старшего и молодого поколения литераторов».

Своими воспоминаниями об Инне Кашежевой поделился известный композитор КБР Билял Каширгов. Его творческому тандему с Инной благодарен и признателен весь братский балкарский народ. Ведь песня «Возьми меня в Балкарию», написанная в течение пяти минут, мгновенно разошлась по всему Советскому Союзу. Эта песня обогатила дух народа, явилась его этническим символом духовной культуры.

«В ее стихах слышится своя собственная интонация. Видимо, поэтому она так тонко и музыкально, без вычурности выстраивала стихотворную канву, где эмоциональное и смысловое всегда находятся в абсолютной гармонии, – говорит известная журналистка и поэтесса Светлана Моттаева. – Она никогда не боялась вспахивать совершенно невероятные пласты человеческого подсознания, прочувствовать так близко человеческую суть, отдаленную расстоянием красоту Кавказа и особенности национального характера. Так безграничны ее светлые мысли, а ее пророческое прозрение ушло далеко, далеко вперед».

Наверное, нет поэтессы, которая не была бы похожа на самую по-

эзию, она такая же тонкая, лиричная... И если женщина творит поэзию, то она способна внести в нее всю свою любовь и нежность. С душевным трепетом делится своими мыслями главный редактор газеты «Горянка» Зарина Канукова: «Инна Кашежева – поэтесса, равной которой у нас нет и, возможно, не будет. Смеем так утверждать, уже не первый год изучая ее жизнь и творчество. И разве было бы оправдано сравнение с той, любовь которой измерить невозможно, талант которой на уровне гения? Феноменальность Кашежевой в том, что возвеличивание поэта (в котором Инна не нуждалась) означает возвеличивание всех ее современников, соплеменников, и Кавказа, и России, потому что почти каждое ее стихотворение – это признание в чувствах и посвящение... Другое дело – насколько мы заслужили это? Но... настоящая любовь без условий, Инна любила свою Родину и людей, ее населяющих, именно так».

Закрывая творческий вечер, директор библиотеки КБГУ Роза Уначева сказала: «Сегодня мы прикоснулись к прекрасной поэзии Инны Кашежевой, словно испили воды из святого источника. Так припадают к прохладной влаге после долгой жажды. Мы отдаем дань памяти прекрасной поэтессе. Ее благотворные плоды будут оценены и воспеты еще не одним поколением. Тяготят мысли о том, что не вернуть уже близких, но их нравственный потенциал, все, что радовало благодаря их присутствию, помогает сохранять светлую память и веру в будущее».

Поэтический мир Хабаса Бештокова

Литература, поэзия – это то прекрасное, без чего жизнь человеческая была бы скучна и бесследна. Настоящая поэзия всегда отличается глубоким смыслом и эмоциональностью, которые может заключить в себе только глубоко чувствующая душа – душа талантливого поэта. Несомненно, он больше задумывается о смысле жизни, его стремления одухотворены доброй энергией, которая будит мысль и исцеляет души людей, затерявшихся в суете жизненных перипетий.

Бесстрашие мысли творца предполагает богатый опыт, глубокие и обширные знания, безудержное стремление к созданию нового. А. С. Пушкин писал: «Есть высшая смелость: смелость изобретения». Творца не пугает необходимость усомниться в общепризнанном. Он отважно идет на разрушение стереотипов во имя создания лучшего, нового.

К таким незаурядным личностям старшего поколения относится Хабас Карнеевич Бештоков. Богат и многообразен диапазон его творческих устремлений. Он – поэт, переводчик, драматург, литературный критик и публицист.

Незаурядный талант Х. К. Бештокова влечет нас – его почитателей, вновь насладиться его творческими изысканиями, ощутить красоту дивной поэзии. Совсем недавно в читальном зале главного корпуса КБГУ был организован литературный вечер, посвященный 70-летию со дня рождения Хабаса Карнеевича Бештокова. В зале собрались его друзья, коллеги, преподаватели и студенты университета, все, кому дорого его творчество и все, что связано с этим замечательным человеком.

Талант Х. К. Бештокова, его богатый личностный мир – это те постоянные темы, установки, мысли, которыми пронизаны все его произведения – на разных уровнях и в самых разных аспектах. Он черпает их из самой жизни и воспекает непреходящие ценности бытия, «его мысли поглощены извечными вопросами, они задаются во всей их остроте и решаются средствами его блестящего поэтического слова».

Сегодня поэзия Х. К. Бештокова – есть живая, реальная проекция картины мира, его мысли, философское восприятие бытия – актуальны и читаются современниками с захватывающим интересом. Они интересны и как шаги становления кабардинской мифоэпической поэзии, и как история особенного, неповторимого стихосложения, свойственного только этому мастеру. Его мифоэпические прозрения уводят в глубины и на высоты, порой недоступные простому человеческому осмыслению. Они заполнены целой философией адыгского мира и насыщены одухотворенностью фантазии самого автора. Это и обращение автора к традиционным символам: камню, дереву, солнцу, снам, огню, воде, уходящим своими корнями в нартский адыгский эпос.

Творческий импульс, заданный Хабасом Бештоковым, его незаурядные способности как поэта нового литературного жанра, первым определил Юрий Тхагазитов, подчеркнув, что «Каменный век» Х. Бештокова остается пока высшим проявлением новой художественности, реализующей функции мифа на уровне современной литературы». Именно в этом аспекте Ю. Тхагазитов видел закономерность развития кабардинской литературы.

О масштабности мифоэпического жанра Хабаса Бештокова сказал доктор филологических наук профессор Адам Гутов: «Многозначность и сложность этого жанра соотносится со всем миром как целая понятийная система литературной и философской мысли. Смысловое поле романа сопряжено разными противоположными интерпретациями, что придает особую колоритность данному произведению. Притягателен богатый фольклорно-мифологический контекст романа Бештокова, сложен и многогранен, вместе с тем пластичен и изящен, в нем довольно гармонично сочетаются пространство и время. Описание ритуальных действий сквозь призму мифоэпического сознания наиболее полно способствовало воспроизведению национального образа мира. Конечно, характер образа этого мира, поступки и действия этих героев не всегда сообразны с мыслями и действиями современного человека. Но сложность этого мира влечет читателей к истокам старины, порой далеким и забытым ориентирам народной мудрости».

Творчество Х. К. Бештокова не сводится к поэзии и литературе в

узком смысле: речь идет о настоящей жизни и бытии. Это целое системное единство мотивов, образов и композиций, определяющее его поэтический мир. Он сосредоточен вокруг тем «жизнь», «родина», «мир», «душа», «любовь», «люди», «время», «космос». Они составляют тематические доминанты его поэзии. Сама жизнь является первоосновой этого мира, из нее творится «мир» в целом и «душа». В поэзии Х. К. Бештокова – это разумная и чувствующая душа человека. Главное чувство, с которым душа приходит в мир, которым душу наделяет жизнь, – есть любовь.

Как известно, в каждой национальной поэзии складывается своя система лирических жанров. Она, как правило, зависит от языка, стиля, особенностей стихосложения самого автора. В лирических произведениях с наибольшей полнотой проявляются мысли, желания и стремления человека, его художественное мышление. Вот что говорит по этому поводу главный редактор журнала «ЛКБ» Хасан Тхазеплов: «У Хабаса Бештокова – особенная лирика, отличающаяся изысканными поэтическими формами народной лирики, раскрывающей и народную психологию, и желания народа, и его стремления. Еще М. Горький отмечал, что «когда писатель глубоко чувствует свою кровную связь с народом – это дает ему красоту и силу». Поэт отождествляет образы «земли», «отзвуки прошлого» с живой памятью народа, и перед ними ответственен каждый ныне живущий на земле человек. Все эти универсальные символы доминируют в лирике Х. К. Бештокова и приобретают смысловую значимость в его поэзии. Бесспорно, без переживаний, эмоционального надрыва не бывает новых творческих исканий. Чувственность, одухотворенность, внутренняя культура, твердая гражданская позиция, бескорыстное служение народу, само отношение к окружающему миру, – вот непреходящие ориентиры, которые помогают поэту достойно идти в ногу со временем и пользоваться всенародным признанием».

Несомненно, обаяние лирики Х. К. Бештокова, которая прозвучала на вечере, впечатлила присутствующих в зале. Стихи Х. К. Бештокова читали студентки 2-го курса экономического факультета Батырова Белла, Саральпова Алена, и студентки 3-го курса филфака КБГУ Малаева Назира, Калажокова Зарема, Бештокова Оксана, Каскулова Агнесса. На вечере прозвучали песни (в записи) на стихи Х. К. Бештокова в исполнении Заура Тутова и Черима Нахушева.

К. К. Платонов характеризовал личность как носителя сознания. И свою суть человек должен познавать в течение всей своей земной жизни, познавать мир, иметь духовные интересы, испытывать сложные чувства. Все это присутствует в жизни Хабаса Бештокова, человека земного, тонко чувствующего реальность окружающего мира. Без творчества немислимо познание человеком своих сил, способностей. Живой и пылкий ум поэта Хабаса Бештокова всегда устремлен в поиски неизведанного, неиссякаем дар его творческой фантазии.

Только настоящий мастер может отыскать в глубине собственного мировосприятия необходимую живительную силу, которая придает сил и уверенности, исцеляет человеческую душу. Сознание поэта преиспол-

нено светлыми ориентирами, которые помогают осуществлять добрые поступки и благие дела. В этом заключено и жизненное кредо Хабаса Карнеевича Бештокова.

«Человека красит то, что он сделал в жизни. Это и его активная, твердая жизненная позиция, творческая компетентность, профессиональная эрудиция, отношение к миру, к смыслу осуществляемой деятельности, и немаловажно, если у человека, при всех этих составляющих, еще будет преобладать богатая внутренняя культура, – с такими словами обратился к аудитории заведующий кафедрой литературы и фольклора народов Северного Кавказа КБГУ, доктор филологических наук, профессор Хамиша Тимижев. Он продолжил свою мысль, говоря уже о личности Х. К. Бештокова, чей талант, наряду с остальными классиками кабардинской словесности, превознес адыгскую литературу: – Что же побуждает творческую личность постоянно обращаться к творческой фантазии? Ответить на эти вопросы, значит, подойти к пониманию сущности творческой личности. Одаренная личность создает новый мир, в котором чувствует себя комфортно и радостно. Вот почему сам процесс творчества и его продукты доставляют творцу наслаждение и требуют постоянного возобновления.

Учитывая известную относительность различий между одаренностью и талантом, можно отметить, что творение дарований характеризуется исключительной новизной и самобытностью, которые навсегда сохраняются в памяти человечества. Сегодня мы говорим о человеке, который смог в силу своих выдающихся способностей и огромного труда продвинуть вперед развитие кабардинской литературы. Хабас Карнеевич Бештоков – это целое явление в адыгской классике. Он является человеком огромных знаний и острейшего чувства действительности. Поэтому творчество поэта занимает достойное место не только в школьных программах по изучению кабардино-черкесской литературы, но и в программах вузов Северного Кавказа по литературе разных народов. Конечно, творчество Хабаса Бештокова – не какое-то застывшее явление, оно эволюционирует, в нем постоянно появляются новые литературные творения. Автор задумывается о своем предназначении и о великой миссии поэта и поэзии. Эта тема становится традиционной для кабардинской классической литературы».

Богатым дополнением литературного вечера стало выступление кандидата филологических наук, научного сотрудника Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН Людмилы Хавжоковой. «Главным стержнем всей поэзии Х. К. Бештокова является лирика, отличающаяся богатым поэтическим языком и эмоциональной яркостью. Язык произведений поэта колоритен, многослоен, богат внутренней музыкальностью и многозвучными ритмами. В лирике Хабаса Бештокова велико значение личности творца, его опыта, индивидуальности. В этом отношении важно заметить, что поэт «осовременил» тематику адыгской лирики. Х. К. Бештоков стал одним из самых значительных явлений в адыгской литературе. Он во многом определил новый уровень развития адыгской литературы в целом. Следует отдельно подчеркнуть особые

новаторские принципы поэтики, смелость и неожиданность в системе структурирования и организации художественного текста, глубину и широту философского поэтического осмысления», – поделилась своими мыслями Людмила Борисовна.

Наряду с творческим талантом Х. К. Бештокова раскрываются и его самые лучшие человеческие качества. С особой теплотой, душевным трепетом и безграничным уважением говорят о поэте его друзья и коллеги. Александр Кочесоков, декан факультета повышения квалификации преподавателей КБГУ, знаком с Хабасом Карнеевичем очень давно, их связывает дружба еще с тех времен, когда они учились в аспирантуре в Москве. «Конечно же, Хабаса Бештокова отличает высокое чувство юмора, а в молодые годы он не упускал случая пошутить, – вспоминает Александр Беталович, – и подметить шутку острыми ремарками. Дружба и умение дружить – это такие понятия, которые не растворяются в желании просто весело скоротать время с человеком, а это своего рода большая ответственность, которая возлагается на человека, способного разделить радость и невзгоды своего друга. Дружить с Хабасом отнюдь не просто, поскольку он не терпит лести, словесной патоки, он правдив и честен, человек слова, чести и достоинства. Мое сердце исполнено гордости – иметь такого друга, как Хабас Бештоков, который является еще и счастливым отцом троих детей – сына Идара, прекрасных дочерей Анджелы и Беллы.

Немаловажную роль в становлении поэта сыграла моральная поддержка и его супруги, Валентины Аркадьевны, которая заведует кафедрой теории функции и функционального анализа МФ КБГУ. Разнополярность профессий супругов несколько не мешает их счастливой семье, поскольку они способны видеть и ценить главное, они наделены мудростью, взаимным уважением, благодаря чему всегда поддерживается их счастливый домашний очаг».

В завершение творческого вечера директор библиотеки КБГУ Роза Уначева обратилась ко всей аудитории со словами признательности. Отдельно она поблагодарила студентов за прекрасное исполнение стихотворений, за подаренные счастливые минуты, которые позволили всем соприкоснуться с удивительным миром поэзии Хабаса Бештокова.

Такие встречи заставляют мыслить по-новому, они влекут нас в мир творчества, и в этом таинственном мире мы можем отыскать самое главное – веру в себя, в будущее, и дерзать, движимые волей и разумом.

Ведущая Альбина Камбачокова, закрывая литературный вечер, обратилась ко всем его участникам словами талантливого актера кабардинского театра им. А. А. Шогенцукова Пшизаби Мисостишхова, который посвятил своему другу Хабасу Бештокову трогательные строки.

Присоединяясь ко всем выступавшим на вечере поэта, мы искренне желаем Хабасу Карнеевичу крепкого здоровья и долгих лет жизни, чтобы он и впредь удивлял и радовал новыми творческими находками, продолжая служить своему народу!

СОДРУЖЕСТВО ЛИТЕРАТУР

Тамерлан ТЕХОВ,
кандидат филологических наук

ЧАША СЧАСТЬЯ ДЛЯ КАВКАЗА

«Чашу счастья – для всего Кавказа!» – исполнение именно этого желания явилось бы лучшим подарком судьбы для всех тех, с чьи произведения, благодаря журналу «Литературная Кабардино-Балкария», знакомит читателей Союз писателей Осетии. О чем же пишут творческие деятели, направляющие литературный процесс в родной республике, разделенной волею политиков? Конечно же, о мире, так нужном всем нам, о щемящей тоске по корням, о родном крае и Ее Величестве Любви. При этом им всем удается писать красками природы на холсте Жизни образы, не оставляющие равнодушными, а философские размышления ведут по дороге Познания.

В полной мере расшифровать смысл этих слов на примере приведенных здесь поэтических и прозаических произведений очень затруднительно, так как объем не позволяет объять все грани таланта авторов, пришедших в осетинскую литературу чуть раньше или позже середины XX века. Но вполне можно составить представление о думках и чаяниях, о горести и радостях, обо всем том, что волновало и волнует «повелителей пера» в настоящем, да и недавнем прошлом. При этом достаточно чуткими ценителями внутреннего мира писателей стали и переводчики.

Один из старейших писателей Северного Кавказа **Нафи Джусойты** в представленном цикле поет о свободе и независимости. Как гордый зверь не должен быть лишен «зеленой свободы», так и человек должен быть свободным в выражении своей позиции относительно того же самого беспокойного века, полного потрясений как геополитического, так нравственного характера. В особенности, если речь идет о поэте. В разговоре лирического героя с горой звучит утверждение, что на Кавказе не может быть рожден творец, который «поведать правду в песне боится, хоть и пробил час».

Борцы за правду есть плоть природы, и, в идеале, они должны подражать ее мудрости, черпать животворительные силы для уроков добра у матушки-земли. Так настроен в образцах творчества сопредседатель Союза писателей Осетии **Камал Ходов**, глубоко думающий, развивающий философию беспрестанного поиска лучших черт национального характера у современника.

Еще один труженик на ниве осетинской литературы – **Сергей Хугаев** – представлен тонким ценителем «чувств человеческих».

Памятником всепожирающей войне он делает материнскую печаль. Сына ведь не суждено дожидаться, хотя сердце продолжает верить в то, что он уже в пути к отчему порогу...

В другом стихотворении горный цветок становится символом неосуществившегося счастья воссоединения двух любящих сердец. Цветок тот – не очень живучий на вид, «кланяется» всем ветрам, но расцветает, если только не вмешивается человек со своим, иногда не очень понятным взглядом на жизнеустройство, теряя сакральный смысл традиций, унаследованных от предков.

Следующий автор, *Музафер Дзасохов*, по-своему взглянул на величественный Владикавказ, являющийся для него сердцем Осетии, причем «ударным слогом» в гимне столицы республики стало то, что с «города начинаются горы». Те самые, дающие стимул к творчеству. А творчество – это труд, понять который суждено не каждому. Это с горечью описывается на примере основоположника осетинского литературного языка Коста Хетагурова. Его инициативы по поводу издания газеты ради просвещения народа под знаменем литературы, наталкиваются на глухую стену непонимания...

Тема раскрытия непознанных граней творчества превалирует и в произведениях *Ахсара Кодзати*, отобранных для данной публикации. А переплетаются они с раздумьями о незавидной судьбе родного языка, что в эпоху глобализации актуально для многих малых народностей.

Сопредседатель Союза писателей Осетии *Мелитон Казиты* делил с Югом Осетии все тяготы и горести в период 20-летнего фактического военного положения родной республики, и продолжает писать об идеалах добра и торжестве справедливости. В рассказе «Списки» в образе рано повзрослевшего Бачачо показан человек, стремящийся в любых обстоятельствах быть полезным общему делу. Незавидная судьба летописца «черных дней» своего народа его, тем не менее, не озлобляет, и автор дает понять, что школьник связывает свое будущее только с созиданием.

В рассказе *Гастана Агнаева* «Старший брат» читатель увидит общество, в котором мы сейчас и живем. Культ денег, достатка, получения прибыли любой ценой начинает заменять нам даже такие ценности, как верность данному слову, помощь ближнему, вплоть до родного брата или сестры. В таких реалиях не приходится говорить о духовных ценностях, на которых зиждется национальное самосознание. А ведь литература вечна, ее сплачивающая сила служит единению народов, в конечном итоге – государства, что и проповедуют творческие деятели из Осетии. Они же в духе времени решают стоящие перед ними творческие задачи. К тому же литературная общественность с удовлетворением восприняла объединительный съезд Союзов писателей Северной и Южной Осетии. Теперь этот разумный шаг послужит не только интеграционным процессам между республиками, но и еще более тесному сплочению литературных сил разделенного не горами, но политическими реалиями, народа.

Нафи ДЖУСОЙТЫ**Стихи об одиноком бизоне**

Был я с детства обучен на скалах отвесных
 Волю чужую ценить, собственной воли сродни.
 Ненавижу зверинцы – остроги для душ бессловесных,
 Где, подобно столетиям, медленно тянутся дни.

Если хищник виновен – стрелять вы имеете право,
 Но жестоко и дико невинного в клетке держать.
 Вот из Индии слон – мудрый зверь добродушного нрава,
 Для чего его было зеленой свободы лишать?

Пусть бы жил он на воле под сенью лиан и кокосов
 И водой обливался и, хобот вздымая, трубил.
 Как печально – бамбуковых джунглей философ –
 Большелобую голову ныне в зверинце склонил.

День-деньской с ноги на ногу переступает степенно,
 Нет барьеров пред ним, ни решеток, ни цепких ветвей,
 Но стальные шипы окружают его современно,
 Что торчат из бетона, как будто бы головы змей.

А медведь! Он в своей доброте ошалелой
 И в неволе танцует – лесная разумная тварь.
 Сквозь решетку подарки берет то и дело,
 Их на зуб проверяя, как будто монеты дикарь.

Но порой и медведь предается душевным досадам:
 Если кто-то подачкой унизит работу его,
 Он к обидчику вмиг повернется взлохмаченным задом
 И с презреньем мочиться начнет на виду у него.

Попугай! Словно культа слуга и начетчик,
 Повторяет он в клетке чужие слова неспроста.

И потешит зевак, до дешевой забавы охочих,
Павиан, превратившийся ныне в шута.

А бизон – дикий бык. Поднебесного леса владыка
Скорбный рев издает, поминая родные края.
Но железные мышцы давно ослабели поди-ка,
Словно в ногу его укусила коварно змея.

Он в неволе живет, будто горная речка в запруде,
И, последний в роду, без потомков остаться готов,
Чтобы им не могли уготовить надменные люди
Вот такую же долю вдали от кавказских хребтов.

Плен – то плен одному, смерть – то смерть одному,
И оплакана молча им гибель бизоньего рода.
Бычья шея могуча, и мог бы в рассветном дыму
Он Казбек удержать на ней, став на краю небосвода.

Хоть мощна его шея, но вновь пригибают к земле
С глыбой схожею голову две набежавших слезинки.
Снятся горы бизону, где сокол гнездится в скале,
И соперники снятся, и в чаще лесной поединки.

Одинокий бизон! Люди зря его оклеветали,
Распуская молву: мол, бизона не сделать ручным.
Но ведь он не баран, что в неволе готов без печали
Сладко сено жевать и плодиться на радость другим.

Гордый духом бизон, не унизь своей скорби и боли,
Заклинаю тебя там, где горная встала гряда:
Независимость духа храни ты достойно в неволе
И покорным бараном в зверинце не стань никогда!

Ночь в горах

Как плакальщица, тьма в ауле горном,
Накрапывает дождик у окна.
Тьма? То не мать ли в одеянье черном?
Дождь? То в слезах ли не моя жена?

Разговор с горой

– Скажи, в чем трусости примета, – – Зерна не вырастит, кто робок,
Я у горы спросил, и мне Когда окрест сплошной гранит.
Гора ответила на это, Кто, стоя с женщиной бок о бок,
Раздвинув тучи в вышине: Клинком в ножнах врагу грозит.

Кто ослеплен, но к дому тропок
Во мраке дня не проторит.

– Скажи, в чем храбрости примета, –
Я у горы спросил, и мне
Гора ответила на это,
Раздвинув тучи в вышине:

– Кто храбр, клинок, а не угрозы
Обрушит грозно на врага,
Кто храбр, себе оставит слезы
И пир друзьям у очага.

А если в поле косовица
Торопит истинных мужчин,
Ему в ауле не сидится,
Хоть пуст рукав его один.

Я у горы спросил: – А если
Иной поведать правду в песне
Бойтся, хоть и пробил час? –
Гора ответила на это:
– Ужель подобного поэта
Смог обрести уже Кавказ?

Камал ХОДОВ

Два белых сонета

1

Привычные соблазны не влекут.
Прозрачен стал желаний океан.
Земля невозмутима и тиха.
Но в недрах жар и алой лавы рык.

Когда из глубины, из черноты
Взмывают вдруг горящие столпы,
Они не только гибельный угар,
Они уступы новые творят.

Мы – плоть природы. Мы ее плоды
И подражаем мудрости ее:
Надежно то, что, выстрадав, творишь.

Нет, наскоро не кинусь украшать
Чело народа словом молодым:
Пусть вызреет. А не успею, что ж...

2

Как кузнецы – железо от плевел,
Так жизнь, пытая, очищает нас.
Страданье высветляет путь сердец,
И мудрость отрезает путь назад.

Сурова жизнь и тяготой сильна,
Подснежник зреет в корке ледяной,

Да вдруг взорвется, вырвавшись на свет,
Чтоб просиять, как соплеменник звезд!

Жизнь – тягота. И кто не осознал,
Слепым кротом до смертного одра
Прошествует и скажет: «Сладкий сон».

Да, пытка жизнь. Но людям, в этом суть,
Без этой пытки, как железу без
Ударов тяжких, счастья не познать.

Обрывки мыслей

Из лирической поэмы «Вчера и сегодня»

Забавна юность –
Промахов не счесть.
Но каждый день –
Как радостная весть.
И я мечтал:
Пусть буду знаменит,
Пусть отсвет славы
Ближних озарит.

Чтобы, как солнце,
В сердце жар возник,
А мысли были трезвы,
Как ледник,
И пусть, как брызги горного ручья,
Звенит мой стих!
Надменно думал я.

А между тем
На слово был я скор,
А стих звучал,
Как будто камни с гор.
И там сражался я
И ранил грудь,
Где стоило лишь пальцем
шевелинуть.
Бывал я и заносчив, и жесток...
И почему-то было невдомек,
Что вот земля
Не мнит о славе, но
Ведь все на свете
Ею рождено.

Забавна юность:
Слеп ее удел.
Я, праведных узнав, благоговел...
Их преданность заветам вековым!..
Но сам я вовсе не был таковым.
Подначивал, язвил,
Хвалил пиры...
Не ведал,
Что равнина – мать горы.
А в потасовке не глядел назад
И не рядил,
Кто прав, кто виноват.

Веселый гнев
Звучал в моих речах.
Герои-нарты были
Свет в очах.
Сам Космос их
Судьбой короновал!
Мой разум в них
Людей не признавал.
Я верил: выше этой
Доли нет.
А простота и слабость их –
Навет.
Казалось странным
Слово стариков:
Коль твой ничтожен враг –
И ты таков.

...Забавна юность.
Те, кто свет вершин,

Бывало, застил мне, –
 Всего с аршин.
 Тогда казалось:
 Чтут их стар и мал.
 Об истинно великих я не знал.
 Мы одиноки
 С временем в борьбе.
 Послушай-ка,
 Что я скажу тебе:
 Когда одолевает суета,
 Друг истинный один –
 Дороже ста.
 Послушайся совета моего:
 Один-единый,
 Или – никого.

Чего, скажи,
 От нас не терпит мать?
 Она нам – все.
 И мы привыкли брать.
 Молочный дух...
 Он сладок до седины.
 Так пахнет фартук матери один.

Есть на земле
 Для твоего луча
 Единственная женщина-свеча.
 Луной помечен
 Губ ее овал.
 Но помни:
 Если спутал –
 Ты пропал.

Как лес ночной,
 Таинствен белый свет.
 Как юным знать,
 Что совершенства нет?
 Ум – одному.
 Другому – чудный нрав.
 Увы, природа
 Все дарит,
 Изъяв.

...Забавна юность.
 Прост любой секрет.
 Кто строг ко мне –
 В том человека нет.
 А кто хулит,
 Так хоть огнем гори.
 Не стал бы
 Поднимать его с земли.

Меня не чтят –
 И нет больней обид!..
 Иное дело
 Тот, кто не хулит,
 Не сетует,
 И не сулит невзгод,
 И палки мне в колеса не сует.
 Тот воплощенье
 Мудрости самой.
 А похвалил...
 Он благодетель мой!
 Хотел я жизнь вместить
 В единый дых
 И всех изведать
 Радостей земных.
 Поэзию с ее простой душой
 Я принимал за кубок золотой.

...Забавна юность.
 Помыслов не счесть.
 И каждый день –
 Как радостная весть.
 И я мечтал,
 Что буду знаменит,
 Что отсвет славы
 Горы озарит...
 Когда перебираю имена,
 Скромнее всех –
 Земля.
 Но все –
 Она.

Баллада о соседях

Он ушел, как ушли все друзья и соседи,
Как все, кого позвала война...
В те дни не осталось и младших в Осетии,
Чтобы чашу подать, чтоб держать стремяна...
Он ушел... Вслед ему глядели в печали
Старый дом и старая мать...
Мать и дом так сроднились, что не различали,
Кому из них сильней горевать...

Без хозяина боялся остаться,
Мать страшилась: погибнет сын...
И бессонниц следы в ее взгляде таятся,
Все белей снег суровых седин...
Днями мать все глядела в тоске на дорогу,
И рыдала в тревожных ночах:
«Где ты, сын мой? Вернись к родному порогу,
Разожги в старом доме очаг...»
Время шло, то зарей розовея ранней,
То под буркой ночной темноты...
Даже в памяти матери все туманней
Становились сыновьи черты...
Мать вздыхала: «Хоть раз еще довелось бы
Повидаться с сыночком мне...»
И как будто в ответ на мольбы и просьбы,
Сын к ней ночью явился во сне.
Он пришел к ней во сне из обители мертвых,
Из страны замогильных бесплотных теней,
До рассветных лучей, над горами простертых,
Сын всю ночь пробеседовал с ней...
А когда свет дневной заиграл над долиной,
В руки мать острый камень взяла,
И на плоской стене она черточки сына,
Чтоб запомнить навек, нанесла.
Возникали на камне, тесанном грубо,
Лоб широкий, веселый взгляд,
Нос орлиный и крепко сжатые губы,
Что суровую нежность таят...
И казалось матери, что погребенных
Предков ей голоса слышны из окна:
«Много горцев погибло, в битвах сраженных,
Но запомнились людям их имена.
Пусть же сын твой оставит не только имя,
Но черты свои, облик свой...

Торопись же, сноха! Под руками твоими
 Пусть предстанет он, как живой!»
 И резец держит в пальцах мать осторожных,
 День за днем тяжкий труд свой верша.
 Так творить ни один не умеет художник,
 Как страдающая душа!
 Вот он, сын ее... Будет черты дорогие
 Каждый день созерцать ее взгляд:
 Вот раздвинутся губы, и брови густые,
 Как могучие крылья, взлетят..
 Словно в дни, когда звонкой махал он косою
 На зеленом горном лугу,
 Или на стременах уверенно стоя,
 Острой шашкой сверкал на бегу..
 С той поры каждый вечер, когда над горою
 Загорался, как свечка, звезды огонек,
 Мать, к холодному камню прильнув головою,
 Говорила: «Спокойной ночи, сынок!»
 И от прикосновения щек ее теплых
 Становился и камень теплей.
 И хранил он погибшего воина облик
 Много лет, сотни дней и ночей..
 Хоть война не прошла огнем и железом
 По гористой той стороне,
 Но остался тот облик, что в камень был врезан,
 Вечным памятником войне,
 Вечным памятником материнской печали,
 И погибшей в огне мечты.
 И на камне поныне глаза различают
 Человеческие черты...

Перевод Л. Шерешевского

Баллада о цветке

В. Тушиновой

Рос, говорят,
 В горах один цветок.
 Что связь имел
 Со звездами Вселенной.
 Был красоты он необыкновенной,
 Взгляд на него –
 Живой воды глоток.

За снежный и высокий перевал
 Больные шли,
 Не каждый добирался.

Но коль слепец глазами
 приближался
 К цветку тому,
 То сразу прозревал.

И вот однажды,
 Сердцу вопреки,
 Но чтоб не быть разбою и пожару,
 Цветок отдать решили старики
 Заместо дани
 Жадному алдару.

О том решеньи
Молодой пастух
Узнал – и пожалел цветок
 прекрасный,
И, дабы в жадных лапах не потух.
Его сорвал,
Проделав путь опасный.

Преодолел он пропасти, хребты,
В него гроза
Метала гневно стрелы,
Но он цветок нездешней красоты
Своей любимой
Протянул несмело.

И, улыбаясь, дочка лесника
Держала в пальцах
Этот дар бесценный,
Имевший связь

Со звездами Вселенной,
И чуть дрожала
Хрупкая рука.

Однако горцы
Отреклись тогда
От юноши,
Что не признал адата,
Девчонку замуж выдали куда-то,
А он опять
Ушел пасти стада.

...Ах, если б рос
Такой цветок в горах,
Я среди мрачных скал
Иль в темной бездне
Его сорвал бы, презирая страх,
И от смертельной
Спас тебя болезни!

Перевод Б.З. Сиротина

Две руки

Есть две руки у каждого из нас,
Орудья совершенные от Бога –
Для них не в тягость ни усердья час,
Ни ёмкий груз желанного итога.

Настанет сенокосная пора –
И, принимая все её заботы,
Ты встанешь и со смертного одра
Для этой общей радостной работы!

Веди косу – как песню! Правь свой плуг,
Как правят лодку между берегами!
Не выпускай быков из крепких рук –
Держи судьбу обеими руками!

В таких руках и боевой клинок,
И верного коня горячий повод –
Залог того, что враг твой, сбитый с ног,
Для новой схватки не отыщет повод.

Их сила и уменье – велики.
Но истину постиг я – без изъятий:
Всего прекрасней две твоих руки,
Когда они раскрыты для объятий.

Перевод с осетинского Марины Савиных

Музафер ДЗАСОХОВ**Мой Владикавказ**

Восходя на скалистый хребет,
Солнце окна твои озаряло.
Город мой! Ты стоишь двести лет
Перед входом в теснины Дарьяла.

Отражая бурливой волной
Весь огнями рассвеченный берег,
Здесь вливается в гул городской
По камням громыхающий Терек.

Город мой начинается с гор,
Устремляясь в степные просторы.
И, вздымаясь в небесный простор,
Начинаются с города горы.

Встали зданья, как горцев семья,
Дышит юность в их стройной осанке.
Как отважны твои сыновья,
Как прекрасны твои горожанки!

Светлый город у снежных высот, –
Вам с горами вовек не расстаться:
Город славу вершинам поет,
Славой города горы гордятся.

Город мой начинается с гор,
Устремляясь в степные просторы.
И, вздымаясь в небесный простор,
Начинаются с города горы.

Здесь весенней листвы изумруд,
Здесь бесценные дружбы богатства,
Здесь в согласии спорится труд
Под звездой всенародного братства.

Где прославился край осетин
Вдохновенной работы дарами,
Чистый воздух струится один
И над городом, и над горами!

Город мой начинается с гор,
Устремляясь в степные просторы.
И, вздымаясь в небесный простор,
Начинаются с города горы.

Монолог Коста Хетагурова

В то время, когда его больше всего тревожили народные беды, Хетагуров задумал издавать газету и обратился за помощью к своим влиятельным друзьям. Крупный чиновник министерства путей сообщения Дахцико Гиоев писал ему из Карса: «Ты ждешь ответа на свое предложение о принятии доли в расходах по изданию газеты «Север. Кавказ». Это дело мне совершенно неизвестно и потому я решительно отказываюсь откликнуться на твой призыв... Оставь ты бедных горцев в покое: в газете они не нуждаются».

Друг молодости Б. Туаев сообщил из Грозного: «Да чего ради ты принимаешь грязные общественные дела вашего селения, я тебе не советую входить в эти дрязги, будь они трижды прокляты...»

Так же откликнулись и другие его приятели. Сердце пылало от гнева. Открылись былые душевные раны...

Прощай, безмятежный покой!
О Родине горькие мысли
Отныне навеки со мной.
В них скорбь о распятой отчизне.

Кого мы зовем головой,
Которому зваться пристало б
Хвостом! Не услышит такой
Ни просьб, ни укоров, ни жалоб.

На всех нас – позора покров,
И мглою окутаны дали.
Застыла горячая кровь.
И мужество мы растеряли.

Был другом и вам Дахцико?
О помощи просьба любая
Покажет вам тотчас легко,
Что это за личность пустая.

В минувших суровых веках
Была наша слава – как башня.
А ныне – лишь камни и прах
От славы, отчизну венчавшей.

Я ждал, что хотя бы в одном
Проснется мятежная совесть.
Был тверд в ожиданьи моем,
Прийти на подмогу готовясь.

Над всеми и каждым – сатрап
И рабство, согнувшее плечи.
Все больше и больше утрат,
Но робость лишь в мыслях перечит!

Надежда водою в песок
Ушла. Как напрасны надежды
На тех, кому дорог кусок,
А честь – лишь в богатстве одежды!

Возносится рабству хвала.
Подлец с подхалимом в фаворе.
И как тут не вспомнишь слова,
Что ум человеческий – горе.

Им всем – по плечу ли сума
Народных страданий и тягот?
И правда – найдет ли сама
Дорогу борьбы и отваги?

И слуги себе завели
Презренных прислужников своры –
Колени их вечно в пыли,
Смирненно опущены взоры.

Кому я и как расскажу
О боли, что очи туманит?
Я в песню, как пулю, вложу
Весь гнев мой – пусть выстрелом
Грянет!

Перевод с осетинского Александра Медведева

Старик и костер

Жил да был в горах старик,
 Говорят, что он привык
 Делать ближнему уступки,
 Не судить его поступки,
 Не впадать во гнев, когда
 Поступал он без стыда.
 И считал, презрев все беды,
 Что превыше нет победы,
 Нежли та, когда свой гнев,
 Побеждаем, одолев.
 И об этом старике
 Знали даже вдалеке.
 Потому к его воротам
 Подходили все с почетом.
 И не зря о нем хабары
 Проникали на базары.
 И три сына-молодца
 Чтили доброго отца.
 Хоть порой имелся прок
 Строгий высказать упрек
 Одному или другому,
 Но старик был чуждый грому
 И бросал с любовью взор

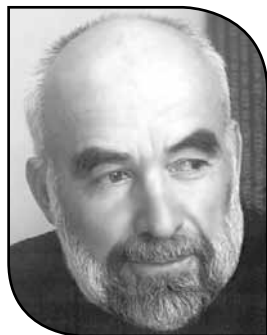
На виновного в укор.
 И однажды сыновья,
 Раз отец им не судья,
 Сговорясь, его решили
 Злом наглядным испытать.
 Вдруг окажется не в силе
 Злу их противостоять.
 Было время сенокоса,
 Но они в тени откоса
 В карты начали играть.
 Подойдя, отец спросил их,
 Может быть, они не в силах,
 Занедужив, косы взять?
 «Нет, отец, мы взять их в силе!»
 Взяли и переломили
 И костер вдруг разожгли.
 И старик невозмутимо
 Заглотивший горечь дыма,
 Им сказал: «Огонь от века
 Просвещает человека.
 И костер, надеюсь я,
 Вам поможет, сыновья!»

Перевод с осетинского Якова Козловского

Ахсар КОДЗАТИ

Вариация на тему Хазби Калоева

*Рожденный ползать
 летать не может.
 М. Горький*

Ползут летать рожденные.
 А гады вознесенные
 орлами смотрят гордыми
 с высоких кресел Родины.
 Ах, матушка родимая,
 уже невмоготу!

Без чести и без разума
 сидят однообразные,
 одну страстью мучатся –
 урвать кусок получше бы!
 Ах, матушка родимая,
 уже невмоготу!

Наш стыд и наш кошмар они!
 Мы трусостью замараны.
 Кто нас услышит, матушка,
 язык родной утративших?
 Ах, матушка родимая,
 уже невмоготу!

Неужто так положено –
ползучие, вельможные
взлетели ввысь, проклятые.
В пыли ползут крылатые.
Ах, матушка родимая,
уже невольно!

Стена

*...Весь двор и усадьбу стали обносить
высоким забором из булыжников,
скрепленных известковым раствором.
Борис Калоев*

Взгляни же – та стена не из обломков скал,
из множества голов. Незыблемей металла,
прочнее вечных гор их накрепко спаяла
суровая рука, их злобный дух связал.

Они еще живут, их тусклые глаза
бессмысленно глядят, и, если приглядеться,
 заметишь страх тупой. Им никуда не деться,
их никогда уже освободить нельзя.

Их слух давно закрыт для звуков жизни всей,
для голосов земли, для трелей поднебесья.
И тысячами уст одну и ту же песню
они твердят весь век в неподвижности своей:

«О богоравный вождь, отец священный наш!
Ты защитишь наш кров, ты нам блаженство дашь!»

Так пела та стена. А в пустоте небес
не солнце свет лило, не месяц ясноликий, –
там человек стоял на высоте великой,
мундир его сиял, но был он черен весь.

Покручивая ус, он хором управлял,
он трубкой в такт махал, и по его веленью
вновь из стены голов рождалось это пенье:
«О богоравный вождь! Ты нам блаженство дал!».

А за стеной голов клубился мутный мрак,
там раздавался стон и скорбные рыданья.
Но кто томится там, как облегчить страданья
несчастных этих душ? Им не помочь никак!

Ведь тысячами глаз стена глядит в глаза мне,
и тысячи голов незыблемей, чем камни.

О, как пробиться мне, как стену ту сломать,
для этих мертвых душ слова найти какие?
Как сталью связаны те головы людские,
недвижно, как гранит, лежат за рядом ряд.

Водопад и я, или Песня падения

Александр Царукаеву

Мы падаем с вершины
в глубокое ущелье.
Прощаюсь с небом ныне,
свергаюсь в подземелье.
В обитель духа злого,
в бесовскую берлогу.
Но поднимаюсь снова
и возвращаюсь к Богу.
Полеты роковые –
вот что мне в мире любо!
То выси голубые,
то гибельные глубины.
Так мы стремимся в пропасть,
в чернеющую бездну,
в змеиную утробу,
где все навек исчезнет.
Мой смех – в ущельях ада,
рыдания – в райских чашах!
Что буйство камнепада
пред буйной кровью нашей!
В паденьи – горе злое!
В паденьи – наслажденье!
Душа не ждет покоя,
один закон – паденье!

Мы молимся сердечно
богам и адской силе,
чтоб падали мы вечно
и снова возносились!

*Перевод с осетинского
Тимура Кибирова*

СПИСКИ

Рассказ

Пиран знал, что человек забывчив. А тем более осетин... Да и как ему не знать, поди не ребенок уже. Ребенком он был годах в двадцатых.

Тогда тоже напали на нас грузины. Тогда тоже намеревались истребить нас подчистую. Тогда тоже жгли все, что горело. Устраивали пожарища. Не разбирали стариков и детей. Женщин и мужчин – все одно. Кто как мог бежали на Север Осетии, кровавая горные тропы.

Пиран все видел собственными глазами. Все хорошо знал и хорошо помнил.

В тяжелую годину войны с немцами – как горела вокруг земля, как горела и стонала – это тоже перед его взором происходило...

Ой-ой-ой, хоть бы пало зло на головы тех, кто его беспричинно делает! Как же так – и не видел человека, и имени его не слышал, так почему же смотришь на него через перекрестье прицела, почему грозишь ему острием ножа?! И сколько же раз такое можно?

Нет, нет, нет! Ведь в самоослеплении своем не хотим признать никого ни достойнее, ни лучше себя, вот и пропадаем от безудержного самовозвеличивания и хвастовства: и такие мы, и сякие...

В самом деле, видать, такие и сякие. Да, да – память наша коротка, как козий хвост, иначе как же могли мы все забыть?

У нас, осетин, в этом деле ни дна нет, ни покрывки. Как же – ежели у тебя спина дымится, неужто нос ничего не должен почуять?

Да что и говорить, Пиран-то ничего не забыл, а кому расскажешь? Кто тебя слушает?

Люди теперь меряют свое и чужое достоинство по занимаемым должностям, дорогим одеждам, да кто больше может съесть и выпить за роскошным застольем, прах их побери.

А кое-кто так вообще...

Тьфу, что за совесть у таких – псу шелудивому под стать...

Так ведь и не сказать об этом нельзя.

Кое-кто, прости Господи, за доблесть считает бахвалиться непотребством и развратом, да с усмешечками рассказывает про этикие «подвиги».

Очень им нужны твои думы да тревоги.

Однако же Пиран, сидя на валуне перед домом у Большого базара и подперев подбородок своей кривой палкой, с утра до ночи думал свою горькую думу. Потому что знал, чересчур хорошо знал – откуда раз пошел на тебя огонь палом, оттуда и второго раза надо

беречься.

Молчуном слыл Пиран, так ведь с кем говорить-то? Чья душа примет его сердечную печаль? Кому дать совет – от чего беречься?

Кто его понимал, давно уж не здесь, не рядом. Без звука, без шороха, – земля им пусть будет пухом, – без слов, без шепота отправились они к своему вечному пристанищу. Пиран и заметить не успел, как один остался-оказался.

А кто его молчуном звал, те ведь и не помнили ничего. Но если забыть нечто плохое – оно обязательно о себе напомнит. Да круче. Да беспощаднее. Да отвратительней.

И вот тебе наши беды. Кого звали братьями, те и всадили нам нож в спину. Кожу с нас живьем сдирают. Дома подпаливают. Грозят вымести, как мусор, с нашей земли, да и пустить в нее свои корни, благо земля предков наших благодатна.

Знают наверняка – кто уцелеет, вскорости, как и мы, позабудут все, кровь предков остынет в их жилах, брататься начнут со вчерашними врагами – как же, соседи ведь.

Хорошо это знал Пиран. Хорошо знал на склоне лет. Понимал он и то, почему люди без оружия, без военачальников грудью встали навстречу врагу – понимал, что не приняли позора моментальной сдачи, чтобы одним днем их опрокинули. Так нас никто не сможет побороть. А вот опосля – горе на наши головы – опосля на все и вся махнем рукой. Как крысы начинают бежать с тонущего корабля, так и мы мало-помалу начнем спасать свои завшивевшие душонки, втихую расползаясь во все стороны да ища себе оправданий каких угодно. А народ – что народ, народ, как стадо, глядя друг на друга, бежит куда-то почем зря. А наши паскудники, заботясь лишь о том, как бы набить брюхо сытнее, – горящими угольями бы им набить желудки, – за барственными столами и возлияниями запропадут нашу землю, землю предков наших.

Но вот чему удивлялся старик, кто и что его по-настоящему изумляло – так это его внучок Бачачо и его дела.

От горшка два вершка этот Бачачо, мужичок с ноготок, из погребя-укрытия ихнего его и наружу-то не пускали, а вот поди ты, сидит с ручкой и тетрадь во дворе, засиживается, ждет, когда вернется домой старший брат.

Тот приходит уставший, взвинченный, невыспавшийся, садится перед ним. Перед Бачачо. Обнимет свое ружье и подробно рассказывает, кто в последнее время в Ирыстоне погиб, как погиб, при каких обстоятельствах покинул этот мир.

Каждый день пишет Бачачо, кто погиб, составляет список в своей тетрадке. Пересчитывает их раз по двадцать на день – сколько было, сколько стало.

– Перестань записывать! – бывало, прикрикнет на него старик.

Не слушался мальчишка. Писал и писал списки. Спискам же этим проклятым, черт бы их побрал, конца и края не видно – тянутся, как змея гремучая. Исписанные тетради внук складывал стопкой,

одна на другую. А как стопка росла – что с ребятенка взять, не соображает же – почему-то радовался этому.

– Не пиши, говорю! – старику это сильно не по душе было. –
Смотри, сожгу твои списки! – пригрозил внучонку.

Бачачо хмурился. Возражать старшему не смел, но записи свои спрятал – не найдешь. Все-таки не послушался, продолжал вести свои списки.

Ребенок же. Умишком мал пока. А о чем его старшие думают? Считать мертвых не к добру, Бога гневить да беду на дом навлекать – как же ему старшие не объяснят, вот о чем старик кручинился.

К тому же, бывало, придут друзья его брата, так обязательно возьмут списки. Читают их. Считают. О чем-то горюют.

Старик на супругу набросился.

– Карга, найди мальчишкины списки. Нельзя Бога гневить. Сожги их!

– На поминках твоих пусть попирует мальчик! – огрызнулась старуха.

Потом сказала ему, о чем люди говорят: наверху, мол, волкам в овечьих шкурах страдания десятков или сотен людей невдомек. Пока, мол, не встанут они на горах мертвых тел, пока кровь народная не поднимется им аж до ноздрей, до тех пор, мол, не снизойдут до нас своим вниманием, не остановят бойню. А ребенок пишет списки и надеется, что чем длиннее станут, тем скорее те, наверху, прекратят это избиение.

Тяжко призадумался старик: эх, не одна ли душа у каждого в теле, что же за матери таких рожают, как же не слышат они боль наших детей? Или их подданные и в самом деле друг друга поедом должны поесть? Так, что ли, они хотят?

Не мог старик ответить на свои вопросы. Днем и ночью грохотали обстрелы, рвались снаряды и ракеты, заглушали и слово, и мысль человеческую.

Наутро как-то позвал внука:

– Принеси-ка свои тетрадки.

– Не-а... – протянул мальчишка; старик смотрел на него пристально из-под седых бровей.

– Не порву, не бойся!

Мальчик чуть не плакал. Знал старик, никому не даст их Бачачо, коли не верит. Своевольный. Как Пиран, дед его, своевольный. Коль задумал что, так прет, как буйвол против ветра.

Только хотел драпануть от деда, как тот его спрашивает:

– Сколько их?

– Чего? Тетрадей?

– Тех... кому земля пухом?

– ...тысяч...

Старика словно ножом по сердцу полоснули. Боже, из такого маленького народа тысячи лучших полегли, это же как надо зажмуриться, чтобы не видеть такое оттуда, сверху?

«Что это за жизнь? Что за время пришло-настало? Куда все катится?» – и вставать не хотелось старику.

Маленький Бачачо все писал свои списки, заполнял тетради, все пересчитывал погибших, а Пиран нет-нет, да и спросит его:

– Сколько теперь?

Или:

– Ну как, сколько раз порадовались лютые?

Ребенок к вопросам привык.

Первому теперь деду докладывал:

– Дада, знаешь, сколько уже?!

А потом сильно начали нервничать. Ребенок и старик. Бачачо и Пиран. Тетрадей-то не осталось неисписанных, так как же... как же это...

«А может, в самом деле под корень нас хотят извести? – впал старик в сомненья. – Как так можно, в одном государстве два соседа проливают кровь друг друга, и некому их остановить?»

К полуночи, бывало, только-только задремлет, опершись на свою кривую палку, как вдруг встрепенется – аж искры из глаз сыпались.

Вот и сейчас – вперился в супругу.

– Чего ты, старый? – испугалась старуха, допытывается шепотом.

– Мальчишка спит?

Бачачо с мамой прикорнули на полке, не снимая одежд. Снаружи то и дело слышался визг пуль, мин, ракет.

– Э-э-э!..

А эти сладко посапывали во сне. Посмотрел бы на них кормилец... Где-то в России пограничником сторожит, караулит чей-то сон, а здесь с его семьей такое творят...

Старик переживал. То и дело поглядывал на внука: чего он дрыхнет? И мать ухом не ведет.

Пиран покосился на кастрюли. Погреб невелик, кастрюли одну на другую сложили, на честном слове держатся.

Старуха у стены прикорнула, дремлет, головой кивает. Если палкой ткнуть в кастрюли – то-то будет грохота, не скоро заснут обратно...

Да не решил помешать сну близких. Встал кряхтя. Вышел на крыльцо. Молча слушал перестук свинцового дождя да уханье пушек; дождался, пока Бачачо продерет глазки. Как только внук появился, позвал его.

– Сколько их, знаешь? – опередил его с вопросом мальчик.

– Кого?

– Как кого? – удивился мальчуган. – наших, осетин. Почти все – осетины.

– Мужчин пишешь?

– Юношей, девушек... мужчин да женщин...

– А стариков?

– А что, стариков не убивают? Еще как убивают. Не боятся их,

стариков-то, вот и режут. И стариков. И старух. В Тлиахумта их зарубили в кроватях. Потом сожгли. В Ногкау восьмидесятилетнего Казиева Иосеба раздели, бросили на снег и поливали ледяной водой, пока не замерз. В Хелчуа у старухи отрезали палец с перстнем. И детей не щадят, – мальчишку словно прорвало, безостановочно рассказывал об ужасах войны, как живьем закапывали в землю, жгли, заваривали в трубы, чтобы...

Говорил, говорил, а старик его уже не слышал. Хотелось ему огреть палкой свою седую голову, так внучок рядом.

Старик ощутил, почуял, что невоготу ему стало, сейчас, сию секунду пойдет и закричит во весь голос...

А до кого докричится? Кто услышит?

Онемел словно весь. На сердце камень давит. Дышать трудно, словно песком засыпало.

Встал. Поднялся насилу. Поковылял, тяжело наваливаясь на палку.

Кому старик нужен? За домашними делами близкие хватились его только к обеду. Супруга, верная спутница жизни, супчик поставила на стол, озирается, зовет:

– Старик, иди обедать!

Не видно старика. Ворча, начала искать по дому и вокруг.

– Да где ж ты, старый?

Нет его во дворе. И на улице нет.

Посмотрели в погребке, по комнатам. Нету... В гостиной тоже.

– Запропастился, как сквозь землю провалился, – озаботилась женщина.

По городу с восточных окраин то и дело били очередями. Одиночными выстрелами отвечали защитники города.

– Да куда ж он делся? – изводилась старуха.

Он и по молодости лет никогда праздно не шатался. Помнится, даже на свадьбу к близким без приглашения не пошел.

На всякий случай супруга поискала у соседей.

Никто его не видел. Да и кто лишний раз нос высунет из дома... нет, никто не видел.

У бабки сердце начало заходиться.

Под вечер старик появился, разбитый, насупленный – она на него напустилась:

– Куда ты исчез на целый день? Я тут извелась совсем!

Старику разговаривать не хотелось.

– Чтоб тебе пусто было... – отстала старуха.

А Пиран спрашивает Бачачо:

– Сколько стало? – упавшим голосом.

Вечером побрился. Искупался. Надел чистую одежду и с утречка опять исчез.

И так – несколько дней подряд. Однажды на рассвете старший внук пристал к нему с вопросом:

– Дада, чего ты ходишь по улицам, а?

Старик и не взглянул на него.

– Ты же знаешь, они засели на Згудерских высотах. Выцеливают всех, кто появляется на улицах...

– Горе-стрелки...

Вытащил из-под одеяла свой вороненый кинжал. Навострил его на точильном камне. В стариковских глазах прежние искры посверкивали. Пробовал пальцем острие...

Солнце только выглянуло, как поднялся старик, подошел к постели старшего внука. Тот только вернулся из окопов, едва веки смежил; долго смотрел старик, как тот спит, вздыхает во сне, потом ладонью ласково огладил по черной бороде. Поправил одеяло и вышел на веранду. Бачачо поднял на руки. Прижал к груди. Поцеловал в губчик. Бормотал ему вполголоса сквозь зубы:

– В тетрадах пиши стариков тоже. Никого не пропусти, не забудь. Пиши...

Что-то хотел было сказать супруге, но передумал – что женщине в голову взбредет, бес его знает, – и не стал ничего говорить. Исчез опять куда-то.

Бачачо бабушке рассказал, что когда та за хлебом пошла, дед оделся во все новое, кинжал засунул за голенище сапога... А больше он его не видел.

Никто его по соседям не заметил. Никто не видел и в городе.

Не вернулся вечером старик. И на второй день не появился. Через несколько дней в городе прошел слух – Пиран мертв, тело на той стороне. Продают его за столько-то денег. За цену настоящего боевика!

Родня да соседи с плачем к ним бросились:

– Чего это его туда понесло?

– Куда он пошел на беду свою? – сокрушались люди.

– Немолодой же человек был, так неужто не знал, куда идет? – горевали по Пирану.

Пиран знал, куда идет.

Знал и то, что человек забывчив. Особенно – осетин. Знал, не сегодня, так завтра его забудут. Но не хотел об этом думать... Но Бачачо, маленький Бачачо сидел в погребке на низенькой скамеечке. Тетрадь – на коленях, в детских глазенках стоят слезы, и пишет Бачачо имя и фамилию дедушки.

Перевод с осетинского Коста Дзугаева

СТАРШИЙ БРАТ

Рассказ

Братья попрощались, и Мисост вышел. Кайсын продолжал стоять посреди комнаты. Жена посмотрела на него и, на секунду задержав взгляд на муже, вышла вслед за Мисостом. Нет, она ничего не сказала, но Кайсын прочитал ее мысли. Ему понятен каждый вздох жены, он с полувзгляда чувствует ее состояние.

Понять ее нетрудно: Кайсын не дал Мисосту денег, и это жене не понравилось. Но Кайсын никому еще не сделал зла. В их маленьком городе не найдется человека, который бы не знал Кайсына, – его уважают, почитают. Он никому не завидует. Он работает. Он труженик. А получи Кайсын образование – он бы вообще был большим человеком. Впрочем, никакие школы и институты не могут человека сделать человеком.

Кайсын подошел к окну. Мисост пересекал двор, еще несколько шагов – и он скроется за калиткой. Кайсын покачал головой: надо было все-таки выйти вслед за братом. Доброе слово сказать – не деньги отдавать. Кайсын положил руки на подоконник. Интересно, о чем сейчас думает Мисост? Наверняка обиделся на брата. Но ничего, подумает – поймет свою ошибку.

Кайсын сразу догадался. Еще когда увидел, как брат проходил через двор, как тяжело ступали его ноги, Кайсын сразу понял: Мисосту что-то нужно. Но все же он долго не говорил о цели своего визита. Возился с радиоприемником, перебирал пластинки. Трудно ему было начать разговор. Потому что хорошо знал, что Кайсын – тоже не купец...

– Мне нужно рублей сто... – наконец глухо проговорил Мисост.

Кайсын хотел спросить брата, зачем ему понадобилось столько денег, но сдержал себя. Настоящему мужчине не к лицу вопросы.

– Сейчас у нас ничего нет. Сами еле-еле сводим концы с концами... – Трудно, конечно, было говорить это, была бы возможность – лучше бы вообще промолчал, но ведь надо было что-то отвечать...

Услышав отказ, Мисост помрачнел, нахмурился, можно сказать – на глазах сник, на лбу прорезались глубокие морщины. Трудно было удержаться от сочувствия... Но кому и зачем оно нужно? Слава богу, Мисост сразу ушел, а то бы Кайсын не удержался: достал бы сто рублей из сундука и вручил брату. Деньги, конечно, у него есть... Иначе зачем он работает? Хотел даже откровенно сказать Мисосту: твоя, мол, касса, не в моем доме и не я должен кормить тебя на старости лет. Но раздумал. Иной раз лучше промолчать.

Отодвинув занавеску, Кайсын смотрел вслед брату. Два-три шага, и Мисост будет у калитки. Надо бы вернуть брата. Дороже брата никого

нет. Это на Бесланском базаре можно купить все что угодно (на прошлой неделе даже обезьяну продавали), но родную кровь ни за какие деньги не купишь.

Мисост открыл дверцу, еще секунда – и он скроется из виду.

– Мисост!

Но брат не остановился, не оглянулся. Странно... Что ему, деньги уже не нужны? Кайсын ведь кричал во весь голос. А может, мысли у него разные в голове были и он не расслышал окрика брата? Человек нередко бывает в таком состоянии.

Решил что-нибудь сделать – сначала подумай хорошенько, все взвесь. Жениться легко, очень легко, но сперва встань на ноги, испытай себя, – жизнь – это тебе не гладкая дорога, – а уж только потом женись. Надо сказать правду: Мисост женился позже Кайсына. Сколько ему было тогда? Кажется, двадцать семь... Ну да, двадцать семь лет. Откровенно говоря, Кайсын был против, но Мисост не послушался его. Сказать, правда, ничего не сказал, но замкнулся в себе, ходил с опущенной головой. Да и родственники в один голос говорили: мол, если парень любит – не мешай ему. Им какая разница: от чужого горя сердце не болит. А Кайсын, наперед знал, что из всего этого получится. Знал как свои пять пальцев. Захоти он тогда, и Мисост до сих пор бы глядел своей невесте вслед. Но Кайсын подумал так: рано или поздно брату все равно придется жениться, так какой смысл откладывать? Наверно, не меньше тысячи рублей истратил Кайсын на свадьбу брата, но разве дело в деньгах?

Кайсын задернул занавеску, неторопливо подошел к дивану, присел, откинувшись на спинку. Достал из кармана пачку «Примы», закурил, бросил пачку на стол. Дым от сигареты кольцами струился вверх.

Кайсын женился в двадцать четыре года, но он уже тогда был мужчиной. Рано пришлось узнать Кайсыну, что жизнь – это тебе не сладкая малина. Братья совсем маленькими остались без родителей, царство им небесное! Мать с отцом умерли один за другим, оставив сыновей полными сиротами... А уже через несколько лет Кайсын с Мисостом жили не хуже своих родственников. Кайсын никогда не боялся работы. Хозяйство у них было свое – две коровы, несколько овец, птица. Кайсын и теперь вспоминает Буренку. Можно сказать, сознательная она была, давала молока вдосталь. Бывало, Кайбын еще до сосков не дотронется, а уж молоко само струится в оцинкованное ведро... Что ни говори, много трудностей выпало на долю двух братьев. В те нелегкие годы кто жалел их, а кто и смеялся над ними.

Кайсын вздохнул с легким стоном, покачал в раздумье головой: а все же учиться Мисосту он не помешал. Сам работал как вол, лишь бы брат не бросал учебу. Время дорого, его упускать нельзя. Кайсыну теперь сорок шесть лет, и ни один день не пропал у него даром. Всегда в заботах и труде. В сундуке одних грамм не пересчитать – уважают его на предприятии.

Нет, Кайсын трудового пота не страшится... Зимой, бывает, пальцы коченеют от холода, лицо деревенеет, зуб на зуб от морозной стужи не

попадает. Да, нелегка ты, работа тракториста, можно, конечно, и полегче что-нибудь найти, почище, но...

Кайсын закрыл глаза и не открывал их несколько мгновений, будто уснул. Подумал: «Нет, жить нелегко...» Как-то после рабочего дня Кайсын пришел домой, не сняв рабочей одежды. Жена недовольно покосилась на него: мол, дышать нечем от запаха мазута и бензина... Кайсын промолчал, но в тот вечер заработанные деньги из кармана не вытащил. Помнится, рублей тринадцать там было. Не отдал позже и месячную зарплату жене. Без денег жить туго, без денег ничего не сделаешь. Хозяйка дома связана без денег по рукам и ногам.

– Нам не на что больше жить, – не выдержала она однажды.

– Ты о чем? – удивился Кайсын.

– Тебе что, уже денег не платят?

– Нет, почему. Но, может, они, как и моя роба, пахнут соляжкой и бензином?

Лицо у жены вспыхнуло, глаза налились слезами. Что она могла ответить? Деньги не пахнут. Если бы они даже обладали таким свойством, то копейки Кайсына пропахли бы только потом. Обманщиков и воров Кайсын презирает, будь его воля – он бы их всех стер с лица земли. Тот, кого ты обманываешь да обкрадываешь, такой же смертный, как и ты. Поставь себя на его место. Все, что есть у Кайсына, приобретено честным трудом. После работы Кайсын всегда спешит домой, кому канаву выроет, кому яму – кто в чем нуждается. Никто тебе за просто так ничего не даст. Была бы возможность жить сложа руки – Кайсын бы и с места не сдвинулся. Купил бы себе гармошку и радовался. Люди бы вот только стали смеяться...

Люди любят посмеяться. Около кирпичного завода валялся в мусоре бракованный прицеп, и когда Кайсын подцепил его к «Беларуси», повез домой, тоже кое-кто смеялся взалхлеб: смотрите-ка, Кайсын с ума сошел! А через несколько дней, когда со двора Кайсына выкатился новехонький прицеп, никто уже не смеялся, все с завистью смотрели ему вслед.

Сейчас время такое – все дома строят. Одному песок нужен, другому гравий, третьему цемент. Мало ли для строительства нужно разного материала? Кайсын это дело хорошо понимает. С неба, как говорится, ничего не падает. Приходится самому шевелиться. Осетины – народ гордый, будут с голоду умирать, а держат себя так, словно весь мир принадлежит им. И пускай что хотят говорят о Кайсыне, он с юных лет трактористом работает, цену себе знает и пока что всем помогал, кто в нем нужду чувствовал. Он – тоже осетин...

Скрипнула дверь, и послышались шаги. Не шаги даже, а настоящий топот.

– Уроки выучил? – отец строго взглянул на сына.

– Не все еще, – нахмурился сын и ушел в другую комнату.

Хороший сын у Кайсына, послушный, скромный. Кайсын ему ни в чем не отказывает. Ребенок не виноват, что появился на свет. С ним, правда, много хлопот, а если б не так, у Кайсына было бы много детей. Жена Мисоста опять в положении – месяцев пять уж, наверное. Каждому

это в радость, но Кайсын тревожится. Заметив, что сноха опять беременна, разволновался не на шутку, прямо закипел весь. Не стыдись он брата, во весь голос сказал бы правду:

– Да что такое, кролики вы, что ли?! Не успел младший ребенок соску изо рта выплюнуть, а уж у вас третий в пеленках пищит?! Прошли, кажется, те времена, когда дети голодранцами были! Все должны быть обуты, одеты, равноправие всех касается!

Жена у Мисоста тоже ученая – медицинской сестрой работает... Как говорится, два сапога – пара. И тот, и другой – ни рыба ни мясо, убери из-под них стул – даже не заметят. Ей-богу, учись Кайсын столько лет, сколько Мисост, давно бы уже был большим начальником. Прочиться пятнадцать лет – и ходить к брату-трактористу за деньгами! Позор! А ведь Кайсын возлагал на Мисоста большие надежды, и вот на тебе – дождался. Он хорошо помнил тот день, когда Мисоста провожали учиться. Зарезали быка, барана, арака и пиво лились рекой. На проводы, конечно, собралось все село. Белобородые старцы провозглашали тосты, напутствовали юношу, желали счастливого пути; мужчины, которые поумнее, от имени односельчан благодарили Кайсына: ты Мисосту и мать, и отец, И сестра. Слова благодарности и напутствия лились потоком. Если б хоть сотая часть этих пожеланий сбылась! Тогда бы Кайсын не сидел сейчас на этом старом диване, а катался бы как сыр в масле!

Да, тот день был днем счастья и радости. Младший брат Кайсына уезжал учиться не куда-нибудь там, а в институт. И не просто в институт, а туда, где учат на артистов. И не в какой-нибудь городишко уезжал, а в Москву. Москва! Достаточно только произнести это слово, как мурашки бегут по коже. Пять лет пролетят как одно мгновение, и Мисост вернется на родину прославленным, известным человеком!

Кайсын закрыл лицо руками и так, не двигаясь, сидел несколько секунд. Затем откинул руки на спинку дивана, как крылья. Да, это все были его несбыточные мечты... Слово «артист» не сходило с его уст, надо – не надо, он вставлял его всюду. Когда артисты выступали по радио, он гордился ими, словно родными. «Артисты приедут, артисты покажут, мы пригласили в нашу студию артиста...» Боже, сколько несбыточных надежд!

Потом-то Кайсын понял – ничего в этом слове особенного и нет. Профессия как профессия. Но одной славой не проживешь. Кайсын вообще много думал о славе всяких там артистов, но так ничего и не понял.

Вот в прошлом году, например, Кайсын работал на тракторе, вдруг смотрит: прямо на него идет парень с фотоаппаратом. И что-то, как немой, показывает Кайсыну. Приблизившись к Кайсыну, он направил на него фотоаппарат, будто прицеливаясь, и вертел головой вместе с аппаратом то туда, то сюда. Что-то он даже говорил Кайсыну, но тот ничего не слышал из-за шума трактора. Фотограф обошел вокруг трактора несколько раз, наконец выбрал позицию. Прицелился. Позже, устав, повесив фотоаппарат на шею, сделал знак Кайсыну: мол, глуши мотор.

А работа была в самом разгаре. Кайсын вылез из кабины, парень подошел поближе, улыбнулся, как старому знакомому:

– Я из газеты. Как мне сказали, вы лучший работник на предприятии, несколько лет ваш портрет висит на доске Почета. Мы должны обязательно написать о вас в газете...

Он достал из кармана ручку и небольшой блокнот, взял Кайсына под руку, и они уселись на зеленую траву, неподалеку от трактора. Корреспондент словно готовился к какому-то очень важному делу, был серьезен и задумчив. Посмотрев прямо в глаза Кайсыну, начал задавать вопросы: в каком году родился, сколько человек в семье, чем занимается жена, хорошо ли они живут и так далее. Парень крепко держал ручку белыми тонкими пальцами и быстро что-то записывал. Кайсын то и дело украдкой заглядывал в блокнот, но не мог ничего разобрать – буквы были непонятные, вот как врач, бывает, пишет что-то на рецепте. Наконец корреспондент задал Кайсыну завершающие три вопроса. Почему, говорит, выбрали профессию тракториста, что помогает вам в работе, поменяли бы свою профессию на другую?

– Тщательно обдумайте вопросы и ответьте искренне, – сказал парень.

Да разбуди Кайсына в глухую полночь – и он, не задумываясь, ответит на такие вопросы! Какой человек не знает, где он работает и как относится к своей работе? Ребенок – и тот может рассказать об этом. И Кайсын не удержался, спросил корреспондента:

– А вы почему работаете в газете?

– Я? Потому что мне нравится моя работа. Каждый день новые задания, новые встречи с незнакомыми людьми. И потом, корреспондент – всегда в дороге...

– А почему не работаете шофером? Еще чаще были бы в дороге, даже рассветы встречали бы в пути. Да и встреч с новыми людьми будет больше...

Корреспондент молчал, будто воды в рот набрал. Ему, видите ли, нравится работать в газете. Кайсыну тоже нравится работать на тракторе, потому что здесь ему хорошо платят. Нашлась бы работа повыгодней, полегче – завтра бы ушел отсюда...

Не прошло и недели, как друзья прибежали к Кайсыну: о тебе написали в газете! Его хвалили в статье, говорили, что он находит радость в труде, что он влюблен в свою профессию. Кайсын смутился. То, что о нем написали в газете, это неплохо, но гораздо лучше, если б ему к зарплате прибавили рублей пятнадцать. Та газета и сейчас лежит в чемодане, так, без всякой надобности, но пускай лежит. Когда-нибудь сын достанет ее и узнает, какой уважаемый человек его отец.

О Мисоте, конечно, тоже писали в газете, говорили по радио, вчера опять хвалили. Кайсын сам не слушал радио, жена ему рассказала, сообщила эту новость. В доме у Кайсына два радио, за одно платить надо, а другое бесплатное – оно готово говорить когда угодно и сколько угодно. И есть у него одно несомненное преимущество: оно мгновенно угадывает, хочет Кайсын слушать или не хочет. В зависимости от

этого нужно или продолжать говорить, или сразу умолкнуть. Именно это радио несет Кайсыну вести о брате. Известен, известен Мисост, но одной славой не проживешь, не насытишься. До каких пор Кайсын будет платить ему братские «алименты»? Не хватает денег – найди другую работу. Жить он не может, видите ли, без театра. Как маленький, ей-богу... Осенью жена пристала к Кайсыну: поедем да поедем в город, Мисост играет в новом спектакле. Поехали. Немного, правда, опоздали в театр, не повидались с Мисостом перед представлением. И вот он на сцене. Кайсын сразу узнал его. Мисост был в форме майора, волосы аккуратно зачесаны назад, над верхней губой – маленькие черные усики. Жена даже засомневалась: Мисост ли это? Но как только он заговорил – сразу узнала его. Спектакль вроде неплохой, только вот никак не мог кончиться – Кайсын даже дремать стал. Говорить-то артисты мастера, только разговоры-то эти пустые. Хоть бы одно умное слово сказали...

Наконец спектакль кончился, и Кайсын облегченно вздохнул. Зрители не отпускали актеров со сцены, бросали цветы, улыбались, аплодировали. Непонятно. Кайсын ведь тоже смотрел спектакль, но что-то ничего полезного не узнал. Занавес опустился, и жена Кайсына поспешила к выходу, чтобы повидать Мисоста. Кайсын, как дитя, неотступно следовал за ней. Прошли одну дверь, вторую, наконец натолкнулись на Мисоста. Никогда еще Кайсын не видел своего брата таким веселым, от радости у него язык заплетался. Временами он даже забывал, что рядом с ними люди – вдруг прекращал разговор на полуслове и куда-то убегал. Он был пьян, от счастья, от успеха. Видел, говорит, как люди приняли спектакль, поняли, значит. А что там понимать-то? Человек никогда не поймет другого человека, в чужое сердце не заглянешь. Наши предки поумней нас были, они сказали: чужая душа – потемки. Наивный человек Мисост, думает – посмотрит зритель спектакль и сразу преобразится, умней станет, лучше. А ум человеку дается от природы, от спектаклей умным не станешь. Вот если б красивые слова помогали в жизни, тогда Кайсын и сам бы целый день болтал без умолку. Говорить легко. И правильно, что артисты мало получают. За что платить-то? За пустую болтовню? Будь на то воля Кайсына – он бы им и гроша ломаного не дал...

– Ужин стынет! – раздался из кухни голос жены, прервав размышления Кайсына.

– Иду! – Кайсын поднялся с дивана и расправил плечи. Стоит только присесть после работы, как сразу наваливается усталость.

Кайсын с достоинством направился на кухню...

Перевод Г. Баженова

Аслан ЭРЖИБОВ,
кандидат педагогических наук,
отличник просвещения СССР и РСФСР,
заслуженный учитель школы ДАССР

ДОБРАЯ ПАМЯТЬ

Е. Т. Кешева

Каждый из нас на своем жизненном пути встречал разных людей: хороших и плохих, образованных и безграмотных, добрых и злых, умных и глупых, трудолюбивых и лодырей, дисциплинированных и не очень. В этом смысле я не составляю исключения. Как и все люди, на своем жизненном пути я встречал разных людей, но почему-то мне очень везло на хороших и добрых людей. В годы учебы в средней школе у меня были хорошие и добропорядочные учителя-наставники – Баранова Е. А., Блиев Г. Б., Бигокова Г. М., Дзодзаева В. Д., Жеругов Х. Х., Иналов Х. А., Иналова А. С., Тогузаева О. И., Тогузаев М. Ц., Чернова М. А. и др.; в высшем учебном заведении – прекрасные преподаватели и замечательные люди, такие, как Абитов М. Л., Алиев У. Б., Апажев М. Л., Бабайцева В. В., Великанова Р. Ф., Воронкова Е. М., Зуев С. В., Касумова Ф. Х., Коков Д. Н., Петросян Г. П., Пипинис В. Ф., Сабанчиев Х. М., Таболова Г. А., Холодов Н. П., Фокичев А. Ш., Яковлева Г. А. и др.; в период трудовой деятельности моими руководителями были такие высокообразованные и порядочные во всех отношениях люди, как Арсаева Ф. Т., Кешева Е. Т., Керефов М. Ж., Сабаткоев Р. Б., Черников Р. К., Чеченов Ш. Ш.; добрые, отзывчивые и знающие свое дело сослуживцы – Батова Ш. Х., Бегретова Л. Д., Бижоев А. Х., Воронкова Л. И., Гяургиев Х. З., Гашаев М. Г., Дзасежев Х. Е., Захохов Л. Г., Колумбег О. И., Куликова Р. Г., Крылова А. В., Перетятко А. Ф., Рудич П. Н., Скринченко Н. С., Темроков И. Х., Тхабисимов Н. Х., Тхагапсоев Х. Г., Унежев Б. Х. и др.

Всех людей, заслуживающих доброго слова и сердечной благодарности, перечислить просто невозможно, но одному из них я бы хотел посвятить отдельный рассказ.

С этим человеком, трудовой стаж которого составляет тридцать три года и шесть месяцев, мне пришлось поработать всего лишь около трех лет, но это время многому меня научило.

Познакомился я с ним в первый год моей трудовой деятельности, в 1958 году, – на коллегии Министерства просвещения КБАССР, где я докладывал о результатах проверки жалоб из Верхне-Куркужинской СШ № 5 Баксанского района и Терекской СШ Терского района. До начала коллегии меня предупредили, что там будет присутствовать заведомо школ и учебных заведений Кабардино-Балкарского обкома КПСС – Кешева Евгения Тутовна. Обсуждение моих вопросов на коллегии прошло хорошо. В своем выступлении Е. Т. Кешева отметила, что вопросы подготовлены хорошо,

справки и проект постановления конкретные и содержательные, а поэтому и обсуждение прошло хорошо. После этого она стала давать мне различные поручения, как бы проверяя мои способности и деловые качества, а в 1965 году пригласила меня на работу в свой отдел на должность инструктора обкома КПСС, где с большим удовольствием проработал под ее руководством около трех лет.

Теперь же я хотел бы рассказать подробнее о бывшем моем руководителе, поведать о содержательной, во многом поучительной жизни и славной трудовой деятельности прекрасной дочери кабардинского народа и рода Кешевых, о чутком и внимательном, добром и мудром, честном и порядочном во всех отношениях человеке, талантливом организаторе и руководителе – о Евгении Тутовне Кешевой, посвятившей всю свою сознательную жизнь служению народам Кабардино-Балкарии и страны в целом.

Кешева Евгения Тутовна родилась 23 февраля 1928 года в сел. Кенже Кабардино-Балкарской АССР в крестьянской семье среднего достатка. Ее родители занимались в основном земледелием. Воспитывали двух дочерей и сына. Отец – Кешев Туга Тлостанбекович, с 1931 года находился на советской и партийной работе, участник Великой Отечественной войны, награжден многими орденами и медалями, уважаемый человек. Мать – Кешева Елена Эльбаксиговна – домохозяйка. Сестра – Кешева Антонина Тутовна – доктор биологических наук, профессор сельхозуниверситета КБР. Брат – Кешев Михаил Тутович – майор в отставке.

В связи с переездом ее родителей в город Пятигорск, часть детства Евгения Тутовна провела в этом городе, здесь же она в 1936 году пошла в первый класс и проучилась два года. В 1938 году родители вернулись в родное село, и Евгения Тутовна продолжила учебу в Кенженской средней школе, где она была примерной ученицей и общественницей, для многих она была примером для подражания. С 1944 по 1946 годы работала секретарем школьной ученической комсомольской организации.

В годы учебы в средней школе она больше увлекалась гуманитарными дисциплинами, среди которых особенно выделяла историческую науку. В числе лучших учащихся в 1946 году окончила Кенженскую среднюю школу и в этом же году поступила в Кабардинский педагогический институт на первый курс исторического отделения историко-филологического факультета.

Как и в средней школе, Евгения Тутовна в институте занималась на «хорошо» и «отлично», принимала активное участие в общественной работе института: была комсоргом курса, членом факультетского бюро ВЛКСМ, участвовала в художественной самодеятельности, являлась активной участницей легкоатлетической секции института, была спортсменкой-разрядницей по бегу на длинные дистанции.

В числе лучших студентов Е. Т. Кешева в 1950 году окончила вышеназванное учебное заведение и в этом же году начала свою трудовую деятельность в должности 2-го секретаря Нальчикского горкома ВЛКСМ (1950-1951 годы). Дальше у нее пошел завидный карьерный рост: 1951-1952 годы – секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ по работе среди школьной молодежи и пионеров; 1952-1956 годы – завотделом школ Кабардино-Балкарского обкома КПСС; 1956-1965 годы – завсектором школ и учебных

заведений Кабардино-Балкарского обкома КПСС; 1965-1974 годы – заведомо науки и учебных заведений Кабардино-Балкарского обкома КПСС; 1974-1983 годы – начальник Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров Кабардино-Балкарской АССР. Это ее последнее место работы. Отсюда она в 1983 году ушла на заслуженный отдых, однако, находясь на пенсии, Евгения Тутовна продолжала творческую научно-исследовательскую работу: писала статьи и публиковала их в газетах и журналах; подготовила значительно доработанный вариант ее книги «Дочери горного края» к переизданию и дала ей вторую жизнь, что для Евгении Тутовне было очень важно и принципиально.

Общеизвестно, что человек, который привык сполна отдавать себя работе, не может, и находясь на пенсии, сидеть спокойно, ничем не занимаясь. Мне хорошо известно, что на всех участках трудовой деятельности Е. Т. Кешева показывала образцы труда: всегда честно и добросовестно выполняла свои обязательства, являлась примером для подражания. К любой работе она относилась очень ответственно. Обладая мягким характером, доброжелательным и весьма спокойным нравом, Евгения Тутовна была очень требовательна к себе и к своим подчиненным. Она была принципиальным и справедливым, грамотным и усидчивым работником, настойчиво занималась улучшением учебно-воспитательной работы среди учащихся общеобразовательных школ и студентов высших и средних учебных заведений нашей республики, успешно осуществляла контроль за деятельностью образовательных учреждений. Умело сочетая ответственную работу и ведение домашнего хозяйства с учебой, в 1952 году окончила вечерний университет марксизма-ленинизма, в 1957 году сдала кандидатский минимум по специальности «История СССР», подготовила и в 1964 году защитила диссертацию на тему: «Из истории культурной революции в Кабардино-Балкарской АССР (Развитие народного образования)», получив ученую степень кандидата исторических наук, в 1963 году окончила Академию общественных наук при ЦК ПСС.

Евгения Тутовна принимала активное участие в общественной и политической жизни республики, являлась депутатом Верховного Совета КБАССР 6-го и 8-го созывов (1963 г. и 1971 г.), депутатом Нальчикского городского Совета народных депутатов (1975-1984 гг.), членом пленума Кабардино-Балкарского обкома КПСС (1954-1976 гг.). Она автор 4-х книг: «Школа и жизнь» (1963 г.), «Дочери горного края» (1965 г. и 1981 г.), «Книга и жизнь» (1984 г.), ряда журнальных статей.

За безупречную и плодотворную работу Евгения Тутовна награждена двумя орденами «Знак Почета» (1960 г., 1981 г.), медалями «За трудовую доблесть» (1960 г.), «За доблестный труд» (1970 г.), «За трудовое отличие» (1971 г.), «Ветеран труда», грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, двумя Почетными грамотами Президиума Верховного Совета КБАССР, Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ, знаком «Отличник народного образования».

Многолетнюю и очень ответственную трудовую деятельность Евгения Тутовна успешно сочетала с образцовым ведением домашнего хозяйства, являясь прекрасной супругой и ласковой матерью двух дочерей

– Антонины (1957 г.) и Мадины (1962 г.). У нее был прекрасный супруг – Безроков Хачим Андулахович, 1922 года рождения, участник Великой Отечественной войны, известный и уважаемый экономист, проработавший многие годы на различных ответственных должностях в республике. Он был хорошим работником, прекрасным семьянином, верным и порядочным супругом, любящим отцом. Супруги вырастили и воспитали двух дочерей. Обе они получили хорошее воспитание и образование, пользуются уважением среди своих товарищей, родных и близких, а также сослуживцев. Обе имеют высшее (биологическое и экономическое) образование, работают по специальности, своей работой довольны, замечаний по работе не имеют.

Как видно из вышеприведенных данных, Евгения Тутовна с начала своей трудовой деятельности и до конца находилась все время на весьма почетной и ответственной руководящей работе, с чувством высокой ответственности относилась к выполнению порученного ей участка работы. Следует отметить, что на всех участках ее трудовой деятельности Евгения Тутовна всегда была образцом деловитости и трудолюбия, служила примером для подражания. Вот такой она осталась в памяти народа. Для любого человека это и есть наивысшее счастье.

В период трудовой деятельности (1950-1983 гг.) Евгении Тутовны Кешеовой на благо народов Кабардино-Балкарии, в нашей республике на разных ответственных и почетных должностях работала плеяда замечательных женщин-ответработников, занимавших высокие должности, таких, как Арсаева Ф. Т., Гонова Р. Ж., Кимова Е. М., Кудзиева В. К., Кумехова Н. З., Сабанчиева Р. К., Хамбазарова Ж. А., Хажметова А. Х., Шогенова В. Ш. и другие.

Кстати сказать, и в настоящее время в нашем обществе среди сотрудников научных и учебных заведений были и есть достойные женщины, прославлявшие и прославляющие нашу республику: Алакаева Л. А., Арамисова Р. М., Балагова Л. Х., Балова И. М., Воронова Н. У., Гилясова Т. Б., Гукежева Л. З., Гяургиева О. Х., Инарокова А. М., Керефова М. К., Кешева А. Т., Куашева Т. Х., Мусукава (Есенкулова) А. Х., Шекихачева М. Ш., Шикова Т. И., Шогенцукова Н. А. и другие. Их, конечно же, значительно больше, здесь мы привели лишь некоторые примеры. Очень надеемся, что их число и в дальнейшем будет увеличиваться, ибо таков закон природы.

Е. Т. Кешева для меня и многих других была кумиром. Я к ней относился как к старшей сестре. Надо отдать ей должное, она тоже ко мне относилась очень хорошо. Я не был исключением, ибо она была очень тактична и вежлива в обращении со всеми сослуживцами. Она могла быть, как правило, мягкой и доброй, а когда надо – жесткой и требовательной, однако при всех случаях Евгения Тутовна оставалась объективным и справедливым руководителем. Вот таким человеком она осталась в нашей памяти.

Во всех отношениях хороший человек и прекрасный руководитель Е. Т. Кешева, к великому сожалению, слишком рано ушла в мир иной: ей исполнилось всего лишь 66 лет, когда скоростная смерть унесла ее из жизни, 1-го июня 1994 года. Она похоронена на старом В.-Аульском кладбище рядом с ее супругом – Безроковым Х. А. Пусть земля им будет пухом. Вечная им слава.

*Анатолий ЕМУЗОВ,
директор ГНБ КБР им. Т. К. Мальбахова,
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки КБР,
дипломатический Советник первого класса.*

ЖУРНАЛИСТ - ВСЕГДА ДИПЛОМАТ

Моему другу и коллеге Жамалу Жабировичу Агтаеву скоро исполнится 70 лет. Я решил взяться за перо и рассказать о былых днях нашей совместной работы, а заодно поведать читателям о том, в каких условиях, в какой сложной общественно-политической обстановке нам пришлось трудиться в начале 90-х годов прошлого столетия.

Начну с краткого рассказа о том, какие события происходили в стране и в республике в тот период.

Шёл к концу 1991 год – год распада Союза Советских Социалистических Республик и приостановления деятельности КПСС. Это было весьма турбулентное время как для страны в целом, так и для нашей республики. Копируя негативные процессы, происходившие в нашем великом государстве, в родной и милой нашему сердцу Кабардино-Балкарии начали витать в воздухе абсурдные идеи сепаратизма, началось противостояние общественных движений и органов государственной власти. Во имя сохранения мира и стабильности руководство республики ушло в отставку, было введено президентское правление и назначены выборы первого президента Кабардино-Балкарии.

Я в тот период работал ректором Института повышения квалификации работников народного образования. По приглашению наших соотечественников, проживающих в США, в конце декабря 1991 года уехал в Нью-Йорк. Находясь здесь, в начале января 1992 года, я узнал из сообщений американского телевидения, что первым президентом Кабардино-Балкарии избран Валерий Мухамедович Коков.

В середине января я вернулся из США и, выйдя на работу, с головой погрузился в дела. Где-то в конце февраля мне позвонили из приёмной президента и сообщили, что Валерий Мухамедович приглашает меня на беседу. В ходе обстоятельной беседы Валерий Мухамедович сказал, что идёт процесс формирования правительства республики и что в его структуре будет новое ведомство – министерство внешних сношений и по делам национальностей. Он также сообщил, что создание этого министерства продиктовано реалиями общественно-политической обстановки, складывающейся в республике.

Далее президент заявил: «Амбициозных претендентов на долж-

ность руководителя этого министерства хоть отбавляй, но у них, на наш взгляд, много амбиций, но мало амуниций. Одним словом, учитывая Ваши объективные данные, мы предлагаем Вам возглавить это министерство. Что Вы на это скажете?»

Я поблагодарил президента за доверие и попутно высказал своё отношение к вопросу о создании указанного министерства, заявив, что уже само название этого нового и необходимого нашей республике ведомства, вызывает некоторое недоумение, ибо «нельзя в одну телегу впрячь коня и трепетную лань».

Выслушав мою точку зрения, он сказал: «Думаю, что Вы правы, и мы вернёмся к этому вопросу несколько позже, если Вы, уже будучи министром, внесёте аргументированное предложение по разделению данного ведомства. А сейчас мы даём Вам полный карт-бланш по формированию структуры, разработке штатного расписания и подбору кадров. Просим только об одном, не очень раздувать штаты, учитывая наши финансовые возможности. Во всём, что касается данного министерства, мы полагаемся на Ваши знания и опыт. Желаю Вам успехов». Аудиенция на этом была завершена. Я, попрощавшись, ретировался.

Указом президента КБР от 11 марта 1992 года я был назначен на пост министра внешних сношений и по делам национальностей.

Памятуя о том, что один в поле не воин и что кадры решают всё, я начал поиск достойных кандидатов на пост первого заместителя и заместителя министра. Претендентов на указанные должности было довольно много. Меня атаковали со всех сторон. Я, образно выражаясь, находился под перекрёстным огнём, но твёрдо стоял на том, что эти должности должны быть замещены опытными людьми, профессионалами высокого уровня, что их личные и деловые качества должны соответствовать требованиям, предъявляемым сотрудникам нового, доселе не существовавшего в республике ведомства.

Собрав и проанализировав объективные данные на всех претендентов, я остановил свой выбор на Жамале Жабиновиче Аттаеве (в качестве первого заместителя) и на Юрии Петровиче Пелипенко (в качестве заместителя).

Попутно хочу отметить, что я самого высокого мнения о Юрии Петровиче как о человеке и как о работнике, но мои воспоминания сейчас посвящены юбилюру Ж. Ж. Аттаеву, а потому не буду распыляться, ибо Юрий Петрович достоин того, чтобы ему был посвящён отдельный развёрнутый рассказ. Кстати, в моих мемуарах, которые сейчас находятся на стадии завершения, в адрес Жамала Жабиновича и Юрия Петровича сказано немало добрых слов, ибо у меня остались самые хорошие воспоминания о нашей совместной работе.

...Поскольку министерству ещё не было выделено помещение в Доме Советов (теперь Дом Правительства), я продолжал работать в своём прежнем кабинете в ИПК. И наша встреча состоялась здесь. Жамал Жабинович в тот период работал заместителем главного редактора газеты «Кабардино-Балкарская правда», я знал его, как говорится, только понаслышке, но всё, что я слышал о нём, от тех, кто знал его

близко, свидетельствовало о том, что я на правильном пути. Его характеризовали весьма и весьма положительно во всех отношениях...

Он вошёл в мой кабинет, и передо мной предстал высокий, стройный мужчина с красивым лицом горца и добрыми, лучистыми глазами. Уже один его внешний облик внушал доверие и вызывал уважение.

В ходе состоявшейся беседы я понял, что Жамал Жабирович – высокообразованный, эрудированный, интеллигентный человек, хорошо знающий общественно-политическую ситуацию, которая сложилась в республике.

Не вдаваясь в подробности, скажу, что, с одобрения президента, Жамал Жабирович, постановлением кабинета министров КБР, был назначен первым заместителем министра внешних сношений и по делам национальностей, а Юрий Петрович заместителем.

Вскоре под министерство было выделено помещение на втором этаже Дома Советов со стороны улицы Головки. Оно было в крайне запущенном состоянии, требовался капитальный ремонт, нужна была мебель и другое оборудование для кабинетов. Мне предстояло расчищать авгиевы конюшни, как говорится, с нуля создавать новое по форме и содержанию ведомство.

Все проблемы начального периода становления, а именно, разработка структуры нового министерства, утверждение штатного расписания и сметы расходов, ремонтно-восстановительные работы, приобретение необходимого инвентаря, оборудования, мебели и, самое главное, подбор и расстановка кадров были завершены в кратчайшие сроки. К началу лета 1992 года мы уже активно включились в работу по подготовке основополагающих документов, связанных с развитием внешних связей, стабилизацией и укреплением межнациональных отношений.

С учетом того, что вся эта работа выполнялась в период начального этапа хаотичного перехода к рыночным отношениям, а если сказать точнее, от социалистической общественно-экономической формации к капиталистической, то можно понять, сколько напряженного труда, нервов было на все это потрачено.

Мы активно включились в разработку нормативно-правовых документов для восстановления прерванных и установления новых разносторонних связей, прежде всего с ближайшими, а затем и с более отдаленными субъектами Российской Федерации. Такую задачу перед министерством поставил президент В. М. Коков, и мы взялись за ее реализацию с большим энтузиазмом. Суть этой задачи состояла в создании «пояса добрососедства» вокруг нашей республики. Мы провели процедуры предварительных переговоров и согласований, разработали проекты, а затем подписали договоры, соглашения и протоколы по вопросам восстановления, укрепления и расширения торгово-экономических, научно-технических и культурных связей со всеми субъектами Российской Федерации на Северном Кавказе. Это был первый этап, на втором этапе мы вышли за пределы северокавказского региона и подписали аналогичные документы с Москвой, Санкт-Петербургом,

Ярославской, Волгоградской, Смоленской и другими областями.

После известных драматических событий, имевших место в Нальчике в конце сентября и в начале октября 1992 года, стало ясно, что министерство внешних сношений и по делам национальностей не может, не должно существовать в такой «гибридной» форме, ибо вопросы национальной политики, межнациональных отношений являются сугубо внутривнутриполитическими, а внешние сношения – политико-дипломатическими. Если говорить о том, что первично, а что вторично, то несомненным является тот факт, что без кардинального решения межнациональных вопросов, стабилизации общественно-политической ситуации невозможно рассчитывать на успех в налаживании международных и внешне-экономических связей.

Исходя из сказанного, нами был инициирован вопрос о необходимости упразднения министерства внешних сношений и по делам национальностей и создании на его основе двух самостоятельных ведомств – государственного комитета по делам национальностей и министерства внешних связей. Жамал Жабирович принимал активное участие в разработке аргументированных предложений по данному вопросу.

Создание Госкомнаца было поддержано на всех уровнях, ибо обострённость межнациональных отношений достигла апогея. Однако на волне эйфории о необходимости реализации в полном объёме прав и свобод суверенной республики было принято решение о создании министерства иностранных дел, а не министерства внешних связей КБР, как было предложено нами. Внешне это выглядело весьма звучно и престижно, но, если заглянуть вглубь вопроса, это был явный перебор.

В 2005 году, по нашей настоятельной просьбе, министерство иностранных дел КБР было преобразовано в министерство внешних связей. Это и по форме, и по содержанию соответствовало статусу субъекта Российской Федерации. Следует отметить, что, независимо от названия, это министерство работало весьма активно и эффективно.

Жамал Жабирович, являясь опытным журналистом, был активным участником разработки проектов документов, подготавливаемых нашим министерством. Кроме того, он принимал самое деятельное участие в разработке важных документов по линии администрации президента и правительства республики. Его отличали исключительная работоспособность, высокая ответственность за порученное дело, выдержка и самообладание не покидали его и в экстремальной ситуации.

Не менее важная задача, поставленная перед нашим министерством Валерием Мухамедовичем, состояла в том, чтобы установить связи со странами зарубежья, с представителями официальных и деловых кругов иностранных государств. Объектом нашего первостепенного внимания были вопросы укрепления и расширения разносторонних связей со странами компактного проживания наших соотечественников. С этой целью мы нанесли рабочие визиты, прежде всего, в Иорданию, Турцию, Сирию, где имели встречи и переговоры с королем Иордании Хусейном бен-Талалем (ныне покойным), членами иор-

данского правительства, с Хикметом Четином, занимавшим тогда пост министра иностранных дел Турции, сирийскими парламентариями. В ходе этих визитов мы также имели многочисленные встречи, беседы, переговоры с руководителями и активистами кабардино-черкесских обществ (Хас) в указанных странах.

С целью налаживания делового сотрудничества, мы нанесли визиты в США, Канаду, Саудовскую Аравию, Болгарию, на Кипр. В нашу республику приезжали руководители многих субъектов Российской Федерации, иностранные послы и другие дипломаты, представители деловых кругов разных стран, делегации наших зарубежных соотечественников для изучения сферы взаимных интересов, установления разностороннего сотрудничества. В ходе этих визитов Жамал Жабинович принимал деятельное участие в подготовке и проведении переговоров, подписании договоров, соглашений, протоколов намерений.

Через некоторое время Жамал Жабинович был назначен главой администрации Эльбрусского района, но и после этого наши служебные и приятельские отношения не прекращались, приезжая по делам службы в Приэльбрусье, я всегда навещал Жамала Жабиновича, он дружелюбно и гостеприимно встречал меня и сопровождавших меня лиц.

Наши добрые, дружеские отношения продолжались и в те периоды, когда я работал постоянным представителем КБР при президенте России, находился на дипломатической службе за рубежом, а затем, вернувшись в республику, работал профессором, заведующим кафедрой иностранных языков КБГСХА.

Сейчас Жамал Жабинович является главным редактором газеты «Заман», здесь, насколько мне известно, он чувствует себя как рыба в воде, ибо, являясь журналистом от бога, виртуозно владеет пером и пишет как на родном балкарском языке, так и на русском. Мы, после моего назначения на должность директора Государственной национальной библиотеки КБР имени Т. К. Мальбахова, активно сотрудничаем с ним и возглавляемой им газетой. Встречаясь, всегда с удовольствием вспоминаем о нашей совместной работе в министерстве.

Много воды утекло с тех пор, но, как гласит народная мудрость: «Старая дружба не ржавеет». И так будет всегда, ибо старый друг лучше новых двух.

В заключение, хочу отметить, что Жамал Жабинович – один из ярких представителей нашей интеллигенции, и свое 70-летие он встречает в полном расцвете творческих сил, принимает весьма активное участие в общественной жизни нашей республики, являясь заместителем председателя Общественной палаты КБР.

Я искренне желаю моему другу и соратнику крепкого здоровья, долгих лет жизни и больших творческих успехов, как на ниве журналистики, так и в общественной деятельности на благо родной Кабардино-Балкарии.

Интеллигенция: смена имиджа – новые кумиры и вожаки

Преобразования во всех сферах жизнедеятельности человека – экономической, политической, социальной, культурной, – начавшиеся в 1990-х годах, повлекли за собой серьезные изменения в структуре российского общества, трудовых, национальных, семейных отношениях. Активно менялось отношение к образованию, науке, религии, проведению досуга.

С начала 90-х годов структура российского общества находится в состоянии динамического изменения. Появляются новые социальные слои, трансформируются или вовсе исчезают прежние.

В обществе сосуществуют две социальные структуры. Старая разрушающаяся, базирующаяся на остатках госсобственности и сложившаяся в советское время. Новая формирующаяся структура, опирающаяся на частную собственность, рыночные отношения и демократическую политику. «По результатам социологических опросов носителями радикально перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры» [1].

В российском обществе, если говорить упрощенно, возникло три новых социальных слоя: крупные, средние и мелкие частные собственники. К числу последних можно отнести чуть ли не большинство населения страны. Но оставался и слой неимущих людей.

Одними из важнейших факторов социального расслоения общества стали источники доходов и их размер. Наиболее четко статистика фиксирует социальное расслоение по размерам душевого дохода. Так, уже в конце 1992 года разрыв в уровне среднедушевого дохода 10% наиболее богатого населения и 10% самого бедного увеличился в девять раз. Ниже черты прожиточного минимума оказалось более трети населения страны. Появились и первые сотни тысяч безработных. Смертность россиян подскочила на 20%, рождаемость упала на 14% [2].

В начале 90-х годов обществоведы выделяют следующие слои населения:

а) богатые (средств достаточно для организации собственного крупного бизнеса, приносящего огромную прибыль) – 7%;

б) состоятельные (средств хватает для высокого уровня жизни и приумножения имеющегося капитала) – 7%;

в) обеспеченные (средства позволяют приобретать жилье, обновлять предметы длительного пользования, давать престижное образование детям, качественно отдыхать) – 15,8%;

г) малообеспеченные (средств хватает только на повседневные

расходы и в случае крайней необходимости на минимальные затраты для лечения и укрепления здоровья) – 50%;

д) неимущие (наличие минимальных средств лишь для элементарного поддержания жизни без всяких перспектив на ее улучшение) – 20,2% [3].

Вновь, как и в дореволюционное время, немалая часть российского населения оказалась в неуютном состоянии маргинальности (прежде благополучные квалифицированные работники, оказавшиеся в среде социально беспомощных, предприниматели с неустойчивым финансовым положением, вынужденные переселенцы из зон конфликтов в России и бывших республик СССР и др.)

В конце XX столетия в России продолжали формироваться новые социальные группы и слои, различающиеся по уровню доходов и положению в обществе, но устойчивой социальной структуры в быстро меняющемся обществе не было. Экономические перемены начала 2000-х годов привели к дальнейшему изменению социальной структуры общества. Проведенные в 2004–2005 гг. масштабные исследования позволили понять, как было устроено российское общество. Совмещение наивысшего богатства и влияния характеризовало группу олигархов. Постепенно складывался немногочисленный высший класс: крупные бизнесмены, политики, высшие чиновники, составлявшие примерно 0,4–0,5% населения страны. Средний класс (предприниматели, менеджеры, интеллектуалы, работники квалифицированного физического труда) – 25%, и низший класс (интеллигенты, рабочие, учащаяся молодежь и пенсионеры) – 74% [4].

Главной особенностью социальной структуры нынешней России стало разрастание и выдвигание чиновничьего сословия. Все чаще к элите у нас причисляют не профессионалов, предлагающих обществу конкурентоспособные и высокотехнологичные товары, идеи и решения, а людей при должности, или тех, которые умело обсуживают начальство. «Количество чиновников в России с 1999 года возросло почти вдвое и достигло 1,5 млн. человек. За это же время из страны уехало почти столько же специалистов» [5]. Их особое место в современной России обусловлено тем, что они (бюрократическая верхушка) получила доступ к огромным коррупционным доходам.

В развитых капиталистических странах – в США, Японии, Западной Европе, чиновничество имеет высокий социальный статус, но ведет довольно скромный образ жизни, причисляя себя по доходам к среднему классу. В бывшем Советском Союзе существовала хотя бы определенная партийная дисциплина, нарушение которой влекло за собой весьма серьезные последствия.

Сегодня коррумпированность в высших эшелонах власти достигла невероятных высот. Справится ли власть с коррупцией и протестным духом населения – большой вопрос. «Борьба обходит уровень министров и выше, не затрагивает межбюджетные отношения: центр – губернии – республики. Аккуратно огибает стороной сырьевые отрасли, финансовые учреждения. Масштабы беды потрясают: 30% богатств страны принадлежат примерно сотне человек» [6].

Беззащитность граждан перед чиновничьим беспределом порождает

невиданные формы «гражданского сопротивления». «Утрачивая веру в справедливость, люди обращаются за помощью к колдунам и небесным силам. Неспособность высшей власти приструнить бездушных или распоясавшихся чиновников убивает в людях остатки веры в справедливость, дискредитирует политику. Опросы фонда общественного мнения регистрируют «падение доверия ко всем ветвям власти. Более 70 % граждан чувствуют себя незащищенными от возможного произвола властей, полиции, ГИБДД, налоговиков, судей и чиновников» [7].

Чиновниче-бюрократический аппарат¹ так разросся, что на всех уже не хватает работы. «А взяточность бизнеса и политики ежегодно возрастает на 20-30%. Не так давно президент обещал сократить чиновников на 20%. Но верится в успех этого дела с трудом, ведь все предыдущие сокращения аппарата приводили к его росту...» [8].

В старое советское время средствами идеологической работы в основном через сферу культуры (литература, искусство, печать, радио, ТВ, кино), КПСС, государство пропагандировало, демонстрировало те характеры и явления, которые преподносились в качестве образцов жизни и поведения. А именно – воспевались товарищество, честный труд, чистая любовь, фронтовая дружба, бескорыстие, трудовая семья, любовь к Родине, научный подвиг, забота о ближнем.

Сегодня этих ценностей очень не хватает. И в этом одна из острейших проблем нынешней жизни. Пришедшая на смену советской интеллигенции «буржуазная элита» пока неспособна предложить населению и стране те ценности, опираясь на которые, люди могли бы воспитывать детей, создавать семейные узы, строить отношения друг с другом и с властью.

Пока, кроме погони за прибылью, за удовольствиями, за избыточным потреблением, кроме апологии насилия и успеха любой ценой другого идеологического продукта стране не предъявлено. Поэтому новая элита и воспринимается населением как нечто чуждое и враждебное. Между ними наблюдается полное отсутствие взаимопонимания. Нынешняя элита – это суррогат интеллигенции. По сути дела анти-элита.

Едва ли не большая проблема в качестве нынешней элиты. «Коммунистический режим, уничтожая дореволюционную интеллигенцию, целенаправленно формировал особый тип советской элиты, приспособленный к задачам мировой пролетарской революции. Выращенная преимущественно из крестьянской и пролетарской массы новая элита была полностью подчинена партии и подконтрольна репрессивным органам. Был деффелирован сам тип русского интеллигента. Независимость сменилась на холуйство, свободомыслие на идейную зашорённость. Служение народу, всегда бывшее отличительной чертой русской интеллигенции, превратилось в служение вождям и «социалистическому реализму» [9].

На многие десятилетия советская интеллигенция сделалось, по словам И. В. Сталина, «винтиком» партийно-государственной машины. Да, советская молодежь получала неплохое среднее и высшее образование. Но

1 В 1936 году И. В. Сталин использовал впервые термин «интеллигенция» также для обозначения партийнохозяйственной элиты СССР.

учёные, инженеры, врачи, деятели культуры были фактически превращены в заложников режима. Обогащающие контакты с мировой наукой и культура были заперты в интеллектуальное гетто. Остатки железного занавеса, болезненная секретомания, подозрительность к Европе и поиск внешнего врага продолжают и сегодня усложнять реформы, модернизацию.

Страна пытается наверстать потраченное на коммунистический эксперимент время. Но ей не хватает интеллектуальных, нравственных парусов, не хватает новых людей, заточенных на модернизацию. К тому же модернизации сопротивляется многоярусный слой бюрократической элиты, о которой говорилось выше, не желающей расставаться с олигархическим наследием и добром.

И здесь приходится констатировать, что находясь уже более 20 лет на переходе от России советской и социалистической к России буржуазно-демократической, мы не вырастили новое поколение национальной элиты.

Старая советская элита, будучи идеологически зашоренной и потому оказавшаяся неспособной обеспечить устойчивый прогресс, была по крайней мере, народной по социальному происхождению, патриотичной по воспитанию и не корыстной по морали. Плохая или хорошая, это была национальная элита. Сегодня эта элита частью ушла по возрасту, частью выброшена на обочину жизни бедностью.

«Новая элита, родившаяся из взрыва 1990-х годов, не имеет ни идеологии (кроме идеологии обогащения), ни корней в обществе, ни патриотизма. Это, как отмечалось выше, – суррогат элиты. Отсюда и другие суррогаты: демократии, парламентаризма, правосудия, власти, культуры» [10].

Есть ли в стране ростки новой элиты? Можно только предполагать, что национальная элита появится не из нынешнего элитарнопаразитического сословия, а вырастет из рассады среднего класса, большую часть которого будут составлять представители настоящей российской интеллигенции. Но почему-то у нынешней власти дальше разговоров о поддержке среднего класса дело дальше не идёт.

Примечания

1. Карамурза С. Г. Интеллигенция на пепелище России. М., 1997. С. 3.
2. История России. Новое и Новейшее время М., 2010. С. 709.
3. Герасимов Г. И. История России (1985-2008 гг.). М., 2013. С. 164-165.
4. Там же, с. 248.
5. Костиков В. «А что ты сделал для...?» // Аргументы и факты, № 26, 2009. С. 4.
6. Колесниченко А. «Кто почистит элиту?» // Аргументы и факты – Северный Кавказ, № 5, 2013. С. 10.
7. Костиков В. «Часы Судного дня» // Аргументы и факты, № 20, 2010.
8. Там же.
9. Костиков В. «Между Чапаевым и Врангелем // Аргументы и факты, № 20, 2010. С. 6.
10. Костиков В. «Почему разлетаются пчелы?» // Аргументы и факты, № 4. 2010. С. 7.

Имам, благотворитель, воспитатель...

Можно и дальше перечислять другие, удивительно благородные и высокие человеческие качества этого еще молодого, худощавого, до застенчивости скромного жителя Яникоя, которого зовут Хасаном Элекуевым. Вот уже более полутора десятков лет он является имамом этого поселения, председателем мусульманской общины Яникоя. Но дело не в этой непростой, часто неблагодарной работе, которую выполняет Хасан Хусеевич, душой и сердцем веря, что его благородные деяния видит Всевышний Аллах и оценит их по достоинству. Дело еще в том, что он пользуется непререкаемым авторитетом и уважением односельчан и, по свидетельству руководителей духовного управления мусульман Кабардино-Балкарии, является одним из известных авторитетных слуг Аллаха в республике.

У нас, к сожалению, есть такие имамы, которые сводят свою миссию лишь к исполнению обрядов похорон, освящению браков между молодоженами и участию в коллективных чтениях Корана за упокой души умершего. Эти очень нужные людям дела занимают в жизни Хасана большое место, и выполняет он их безукоризненно, в полном соответствии с требованиями Священного Корана и Сунны пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). Наряду с этим Хасан считает своим долгом, как слугитель ислама, использовать все свои силы и знания на претворение в жизнь тех благородных целей, которые изложены в священном писании и высказываниях пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), – это, в первую очередь, укрепление веры людей в Аллаха таким образом, чтобы они с самых малых лет были привержены добру и отвергали зло. Для этого Х. Х. Элекуев умело использует содержательные хутбы, беседы, подкрепленные конкретными фактами, сурами из священного писания и правдивыми высказываниями Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует), примерами из жизни великих слугителей ислама и т.д. На воспитание истинных мусульман направлены также пятничные проповеди, выступления имама на сходах граждан, родительских собраниях в школе и очень частых встречах с учащимися.

Нередко Хасан является инициатором таких массовых мероприятий, как различные турниры, состязания молодежи и школьников, посвященные таким знаменательным датам, как День Победы, Уразабайрам, Курбан-байрам и т.д., с вручением победителям из фонда мусульманской общины ценных призов и денежных подарков, на что выделяются десятки тысяч рублей. Уже много лет по инициативе Элекуева мусульманская община из своего фонда выдает двум самым лучшим и прилежным ученикам ежемесячную стипендию в 300 рублей. Но это не все: в конце каждого учебного года община выделяет 4 тысячи рублей для поощрения самого лучшего ученика и преподавателя года, канди-

датуры которых устанавливаются путем рейтингового опроса. Хасан Элекуев очень часто организует увлекательные экскурсии учащихся и берет все расходы на себя.

А в дни мусульманских праздников Хасан Хусеевич приглашает в мечеть группу самых лучших малышей и устраивает богатое угощение – с экзотическими фруктами, разнообразными сладостями и сладкими напитками. Эти и другие мероприятия, проводимые от имени Аллаха, вырабатывают в детях чувство глубокой благодарности к религии, к ее таким гуманным принципам, как щедрость, доброта, милосердие, взаимная помощь, дружба между людьми любой национальности, справедливость, неприятие зла и недобропорядочности, стремление к добру и т.д. На всех массовых мероприятиях, участником которых является Хасан Элекуев, поднимаются вопросы борьбы с наркоманией, алкоголизмом, табакокурением, терроризмом. Пропагандируются такие основополагающие принципы ислама, как мир и согласие между народами и взаимная поддержка, бескорыстная помощь нуждающемуся, резкое отрицание любого насилия над человеком, особенно убийства и т.д. Очень часто он повторяет изречение из Корана и внедряет в сознание детей, что убийство одного невинного человека приравнивается к убийству всех людей на земле. И на проведение подобных мероприятий община, возглавляемая Элекуевым, всегда находит достаточно средств.

Передо мной на столе лежит большая стопка аккуратно оформленных и отпечатанных на бумаге заявлений граждан со всей республики, даже из Северной Осетии, с просьбой оказать материальную поддержку тому или иному человеку в связи с постигшей его бедой: тяжелая болезнь, уничтожение имущества пожаром, селем, ущерб в автоаварии и т.д. И, как ответ всему этому, здесь находим акты об удовлетворении этих просьб, на основании которых заявители получают от щедрых яниковцев различные суммы в зависимости от размера беды, которой подвергся проситель. Благотворительным делам мусульманской общины, возглавляемой Элекуевым, нет конца. Одно только перечисление фамилий людей, наименований различных учреждений, коллективов, которым он оказал существенную материальную помощь за последние несколько месяцев, заняло бы несколько страниц. Перечислим только несколько из них. «Выделить жителю селения Урвань Дине Мамрешевой на оплату лечения в Москве 7 тыс. рублей, для подобной же цели жителю Северной Осетии Фатиме Хустапаевой – 1 тысячу рублей, Гочияеву Кериму из Нижнего Чегема – 3 тысячи рублей, 9 мая, в честь Дня Победы, для поощрения семи ветеранов из Яникоя – по две тысячи каждому...»

Яниковские мусульмане вложили в строительство мечети в селении Булунгу две тысячи, в ремонт крыши мечети в Шалушке – пять тысяч рублей. За последние месяцы делегация мусульман из Яникоя во главе с Хасаном Элекуевым дважды ездила к сиротам-воспитанникам школы-интерната № 5 с. Нарган с подарками в 10 тыс. руб. каждый раз.

Вот еще некоторые благотворительные акции, проведенные за последнее время Хасаном Хусеевичем за счет мусульманского фонда. По

просьбе сельских работников врачебной амбулатории Яникоя за пять тысяч рублей приобретена стиральная машина марки «Самсунг».

Психоневрологическому интернату, расположенному недалеко от Яникоя, подарили 220 кг сахара, 240 кг муки, столько же риса из фонда, присланного на благотворительные цели Главой Чеченской республики Рамзаном Кадыровым, а 16-ти плохо обеспеченным жителям Яникоя и Каменки выдано по 10 кг сахара, тоже из фонда Кадырова.

Хасан Хусеевич Элекуев держит тесную связь с исламским университетом в Нальчике, сам входит в выпускную комиссию и регулярно оказывает материальную поддержку многим студентам в виде единовременных выплат или назначения постоянной стипендии.

Возникает вопрос, откуда же мечеть Яникоя берет те немалые деньги, которые она так щедро тратит на богоугодные благотворительные дела? И то, что казна мечети не пустует, полная заслуга, в первую очередь, самого Хасана Элекуева и подавляющего числа жителей села, которые поверили в искреннюю честность и душевную чистоту своего имама, что этому убежденному мусульманину можно без колебания доверить не только деньги, другие ценности, но и собственную жизнь. И стали приносить правочестные мусульмане деньги сначала на строительство мечети, приобретение мебели для нее, благоустройство территории. А затем начали собирать и отдавать Хасану фитр во время уразы, шкуры забиваемых в день Курбан-байрама животных. А многие жители села приносят пожертвования, не связанные ни с какими религиозными событиями, а просто так, чтобы использовать на нужды общины, на благородные дела. «Как их использовать, кому помочь, лучше нас знает наш Хасан, пусть он и распорядится ими, мы доверяем ему», – говорили мне многие жители села, с которыми я беседовал о делах веры и имама в селе. А один из них, пенсионер Хамит Сарбашев, сообщил мне, что Хасан Элекуев обладает божьим даром – лечить некоторые нервные и психические заболевания. И односельчане знают о многих конкретных фактах избавления людей от разных недугов. «Пациенты не только сердечно благодарят Хасана за это, но и предлагают ему за услуги деньги. Но этот добрый человек не назначает никому никакой платы. Он установил в мечети запечатанную урну, и люди отпускают туда сколько не жалко. А если Хасан чувствует, что человек не состоятельный, с него не берет ни копейки.

– Но самое удивительное не это, – продолжил свой рассказ Сарбашев, – а то, что ни одного рубля из этой копилки Элекуев не берет себе. Всякий раз эти деньги вынимает из урны по акту специальная комиссия и официально сдает в казну мечети. Я был свидетелем, когда богатая русская женщина, чью дочь избавил Хасан от какой-то болезни, от души предложила взять ключи от машины. Понятно, что бескорыстный Элекуев отказалась принять этот дорогой подарок.

Другой житель Яникоя пенсионер Касим Бибертович Акаев сказал:

– Хасан безукоризненный, честный и порядочный мусульманин, неутомимый труженик, который безупречно выполняет свои непростые обязанности и перед Аллахом, и перед людьми. За это его искренне лю-

бят и уважают, я в этом уверен, все мои односельчане от мала до велика.

– Элекуев, – продолжил рассказ Акаева другой пенсионер, Абдулкерим Беппаев, – очень эрудированный, хорошо разбирающийся в вопросах мусульманской религии, прогрессивный служитель ислама. Он неустанно борется против разорительных для людей обычаев, не имеющих ничего общего с религией, которые совершаются многими родственниками умерших не для Аллаха, а больше для показа людям. К таким показушным мероприятиям, против которых ведет пропаганду наш имам, относятся, например, пышные саадака, когда забивается не одна голова крупнорогатого скота, чье мясо раздается большому количеству людей независимо от того, бедные они или богатые. А ведь по канонам религии саадака предназначается только для неимущих людей, многодетных семей, одиноких стариков, путников.

В своих проповедях Элекуев утверждает также, что саадака не имеет никакого срока: ни сорока, ни пятидесяти двух дней, ни полугодия, ни года, которые кто-то выдумал, и это твердо укоренились в сознании многих людей.

– Верующий, – вполне справедливо говорит Хасан, – может устроить саадака для души своего умершего родственника в любое время, когда средства и другие условия позволяют ему.

Но, к сожалению, даже такому авторитетному имаму, как Хасан Элекуев, пока не удастся переломить сознание людей и привести их деяния в соответствие с требованиями Корана и Сунны. По-прежнему не утихают состязания людей в том, кто устроить своему умершему самые богатые поминки или лучше, разнообразнее накормить не одну сотню участников похорон в первый день траура, когда Коран запрещает не только кормить людей в течение трех дней, но и разводить костер в очаге умершего в эти дни.

И, наконец, кто же этот святой человек Хасан Элекуев, откуда у него эта нескончаемая доброта, глубокие знания по религии и обширная общая эрудиция?

Он родился в селении Яникой в 1968 году, в 1986 году окончил среднюю школу и начал свою трудовую деятельность простым рабочим в совхозе имени Байсултанова в родном селении. В 1989 году Хасан успешно окончил Кабардино-Балкарский сельхозтехникум по специальности «агроном-организатор» и стал работать учетчиком кормодобывающей бригады совхоза.

– К религии я пристрастился совсем маленьким мальчиком, – говорит Хасан, – под влиянием моей очень набожной матери Аслижан, которая помогла мне выучить наизусть все молитвы, которые читаются во время намазов, научила делать намазы.

Далее мать отвела маленького Хасана к односельчанину, ученому-богослову Ахмату Трамову, который был, пожалуй, во всей нашей республике одним из хафизов, кто наизусть знал весь текст Корана. Он и научил мальчика священному писанию.

Так что когда в стране совершилась перестройка и люди получили истинно свободу совести, Хасан был полностью и психологически и

морально готов окунуться в религиозную жизнь. Сначала он поступает в 1990 году и оканчивает через два года исламский институт в городе Грозном. Сразу же мусульманская община села предлагает ему занять свободное место сельского имама.

– Я мог бы, конечно, и тогда принять предложение односельчан, – говорит Хасан, – и кое-как исполнять обязанности имама. Но это меня не устраивало, а для серьезной работы у меня не хватало знаний, в частности я не знал арабского языка, без которого невозможно познать всю глубину нашей религии, Священного Корана и Сунны пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует).

И вот наш молодой земляк становится студентом отделения арабского языка одного из самых престижных исламских университетов второго священного города мусульман Саудовской Аравии Медины.

В августе 1986 года Хасан Элекуев возвращается в Кабардино-Балкарию ученым богословом. И теперь уверенно берется за работу имама села. А каким он стал имамом, мы рассказали выше. Сразу же он развернул кипучую деятельность по приобщению односельчан к религии, ведет действенную убедительную пропаганду за искоренение в сознании людей таких негативных явлений, как алкоголизм, наркомания, табакокурение, нарушение законов государства, отступление от гуманных принципов ислама и т.д.

Благодаря всему этому яникоевская мусульманская община вскоре приобрела славу одной из самых передовых в Кабардино-Балкарии. А в 2008 году она стала победителем республиканского конкурса «Государство. Религия. Общество» в номинации «За благотворительную деятельность». Но это не все. Хасан Хусеевич является еще, пожалуй, самым эрудированным, обладающим большим багажом и мирских знаний имамом. И, наверное, он единственный в Кабардино-Балкарии имам-журналист, член Союза журналистов Российской Федерации. Вот уже много лет Хасан является одним из самых активных внештатных корреспондентов нашей Чегемской районной газеты «Голос Чегема» и республиканской газеты «Ислам в Кабардино-Балкарии». Заслуги Хасана Элекуева перед религией и обществом в целом получили высокую оценку. Он награжден благодарственной грамотой политического совета Кабардино-Балкарского регионального отделения партии «Единая Россия». А ректор Северокавказского исламского регионального университета им. имама Абу Ханифы Шарафутдин Чочаев также вручил ему благодарственную грамоту, в которой сказано: «Уважаемый Хасан Хусеевич! Выражаем Вам искреннюю благодарность за оказанную многократную благотворительную помощь в деятельности Северокавказского Исламского Университета имени имама Абу Ханифы.

Да благословит Вас Всевышний Аллах в Ваших благих делах!»

НАСТОЯЩИЙ ПОЛКОВНИК

Помните фразу из кинофильма «12», о том, что бывших офицеров не бывает? Своя правда в этом, конечно, есть. Взять, к примеру, нашего сегодняшнего гостя. Несколько лет назад он ушел в отставку, но по-прежнему остается полковником милиции. Это не ошибка и не опечатка. Алик Шоров считает себя милиционером и признается, что новое название режет ему слух.

– Бывших офицеров и милиционеров действительно не бывает, – говорит он. – Что касается полиции, это слово вызывает у меня неприятные ассоциации.

Он родился в семье фронтовика. Музакир Шоров дошел до Берлина. Воевал с Японией. Был награжден правительственными наградами, среди которых есть даже орден Александра Невского. Отец умер, когда Алику было всего несколько месяцев, и забота о семье легла на материнские плечи.

– Мама родилась в конце девятнадцатого века, а умерла в 2008 году. Утром 9 мая, – говорит гость «ЛКБ».

Поздний ребенок, он был в семье самым младшим. Алик родился, когда маме было уже за пятьдесят, а его разница со старшим братом составляла тридцать лет.

Школу он закончил неплохо. Во всяком случае, троек в аттестате не было. Среди товарищей пользовался уважением и всегда был лидером. Занимался спортом – волейболом, борьбой. Участвовал в республиканских и всесоюзных соревнованиях. Мыслей о работе в милиции у него тогда не возникало. Мальчик даже представить не мог, что пройдет нелегкий путь от старшины милиции до полковника.

После школы Шоров поступил в КБГУ на факультет промышленного и гражданского строительства, но, проучившись совсем недолго, взял академический отпуск и ушел служить в армию.

– Меня призвали сразу после ноябрьских праздников, – вспоминает он. – Сначала попал в учебный танковый центр в городе Грозном. После того как освоил специальность механика-водителя, служил в Группе советских войск в ГДР, недалеко от Дрездена.

В Германии его больше всего поразили чистота и порядок. Немцы народ педантичный, аккуратный и крайне законопослушный.

Военная карьера нашего земляка складывалась достаточно успешно. Шоров пользовался авторитетом у товарищей и у командиров. Вскоре он стал старшиной батальона и высокочлассным военным специалистом – «мастером вождения».

Демобилизовавшись в 1973 году, Алик вернулся в Нальчик. Он смутно представлял себе дальнейшее будущее и первое время просто отдыхал. Встречался с друзьями, гулял по городу.

– Однажды мы с приятелями проходили мимо горкома партии – сейчас в этом здании Парламент республики. Из окна нас заметила Фатима Гешева – первый секретарь горкома комсомола. Еще в бытность секретарем комсомола Баксанского района она принимала меня в комсомол. Фатима очень обрадовалась и пригласила нас в свой кабинет. Узнав, что все мы недавно демобилизовались и с выбором профессии пока не определились, предложила направить нас по комсомольской линии в органы внутренних дел, – вспоминает Алик Шоров.

В МВД молодых людей встретили как старых знакомых. Характеристики были в порядке, и буквально через пару недель Шоров стал сотрудником городского отдела милиции.

Около двух месяцев он работал в патрульно-постовой службе. Втянулся достаточно быстро. Работать было опасно, но интересно. Не раз приходилось участвовать в ночных задержаниях, и тут очень пригодились приемы боевого самбо, которое молодой милиционер изучал еще в армии.

Его следующим местом службы стал колхозный рынок, куда Шорова назначили заместителем участкового уполномоченного. На первых порах, разумеется, было непросто. О буднях милиции он, в основном, знал по книжкам и кинофильмам, но в реальной жизни все оказалось не так романтично.

– За несколько лет я насмотрелся всякого. Наркоманы, спекулянты, алкоголики... Много было карманных воров – вскоре я научился отличать их безошибочно. Внешне они походили на законопослушных граждан. Подчеркнуто вежливые, аккуратные, но их выдавал настороженный взгляд. У преступника постоянно бегают глаза. Он ищет жертву и опасается слежки. Взять с полчиным карманника крайне сложно. Его, в буквальном смысле, нужно поймать за руку, кроме того должны быть потерпевшие и свидетели. Если вор успеваet выбросить кошелек, доказать его вину сложно. На рынках карманники обычно действуют группами, и это тоже усложняет работу милиции. Немало проблем доставляли нам и малолетние воришки. Как правило, они были из вполне благополучных семей. Не беспризорные, а скорее безнадзорные дети, – объясняет Алик Шоров.

Проработав три года на рынке, он стал оперативным дежурным по городу Нальчику. Потом – начальником спецприемника для административно задержанных лиц и камеры предварительного заключения. Публика там была самая разношерстная. От мелких хулиганов до матерых уголовников. В то время в городе прошла серия квартирных краж. Причем жертвами, в основном, становились ответственные работники. Из квартиры военкома республики, например, неизвестные вынесли все самое ценное: ковры, хрусталь, золото. Вскоре в спецприемник за какое-то незначительное правонарушение попала компания молодых людей. Сотрудникам она показалась подозрительной. Шоров к тому времени уже был неплохим психологом. Он сразу вычислил в группе «слабое звено», и всего через пару часов один из правонарушителей соznался в ограблении квартиры военкома.

Девять лет Алик Шоров работал участковым уполномоченным района, который в народе прозвали «Шанхай».

– Сейчас Нальчик делится на 120 участков, а в то время их было всего несколько десятков. На моей территории находились мясокомбинат, кондитерская фабрика, гормолзавод. Хищения государственной собственности и

спекуляция процветали. Добавьте сюда наркоманов, алкоголиков, скупщиков краденого, проституток, и вы поймете, что мы не сидели, сложа руки.

Угрозы участковому не были редкостью. Причем словами они не ограничивались. Шорову приходилось рисковать здоровьем и собственной жизнью. Тем более что он задерживал не только мелких хулиганов, но и по-настоящему опасных преступников, которым нечего было терять. Однажды, вместе с напарником, наш гость отбил двух малолетних девиц у четырех насильников. Неравенство сил милиционера не смутило. Он вообще считает, что людям робким и нерешительным не место в органах внутренних дел.

За время его работы криминогенная обстановка в стране периодически менялась. По словам Шорова, самый спокойный период был при Юрии Андропове. Он навел железный порядок. Правонарушений стало значительно меньше, и даже криминальные авторитеты вели себя тише воды, ниже травы.

– Конечно, были и перегибы, – вспоминает наш гость. – Любой человек, оказавшийся на улице в рабочее время, попадал под подозрение в прогулах или тунеядстве.

В 1994 году Шоров возглавил 3-й отдел внутренних дел. К тому времени в стране активизировался рэкет. Только в нашей республике действовало около 200 группировок, занимавшихся вымогательством. Они облагали данью предпринимателей, грабили грузовой транспорт... В результате преступные авторитеты не поделили сферы влияния и начали уничтожать друг друга. Но тут пришла другая беда – представители радикального ислама.

– Эмиссары из Саудовской Аравии появились здесь в середине 90-х, – вспоминает полковник. – Они выступали под маской благотворительных организаций, но их деятельность сразу вызвала подозрение.

Профессиональное чутье Шорова не подвело. Со временем идеи ваххабизма стали настоящим яблоком раздора на Северном Кавказе. Прошло каких-нибудь десять лет, и наступило 13 октября 2005 года. В этот день полковник чудом остался жив. По дороге на работу он столкнулся с вооруженными до зубов боевиками. От верной смерти его спасла гражданская одежда и машина без милицейской символики.

Во внутренних органах он проработал 42 года. За это время окончил саратовскую школу милиции и академию МВД СССР. В 2011 году полковник ушел в отставку. Это случилось после ранения, которое начальник управления Министерства внутренних дел получил в ходе спецоперации. Теперь все свободное время Шоров посвящает семье. Со своей будущей супругой он познакомился случайно, хотя, если вдуматься, ничего случайного в этой жизни нет. Алик уже работал в милиции, Ася училась в бухгалтерской школе. Однажды после выходных она ехала из Камлюково в Нальчик, а он возвращался от родственников из Кубы. В автобусе молодые люди и познакомились.

Вместе они уже сорок лет. У Шоровых три дочери и сын, который служит в полиции. Кстати, все три зятя тоже работают в органах внутренних дел. У Алика шесть внуков и две внучки. Старший учится в институте Генеральной прокуратуры России, младшему – всего два месяца. Все свободное время дед проводит с внуками. С теми, кто постарше, любит поговорить о жизни. Человеку с такой биографией, сами понимаете, действительно есть, о чем рассказать.

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ ВОИНА

Август 1942 года. Старший сержант Башир Ашев получает задание провести разведку, выявить огневые точки противника. Разведчики старались действовать скрытно, но в ходе операции немцы их заметили. Шквал огня из пулеметов обрушили на разведчиков фашистские танки. И тогда Башир решается на отчаянный шаг. Прижавшись к земле, он подползает к одному из танков. Брошенная им противотанковая граната ложится прямо под гусеницу бронированной машины. Разведчик видит, как разорванная гранатой гусеница сползает с катков танка. Лицо Ашева осветила улыбка. Ещё мгновение, удар в голову, яркая вспышка в глазах и непроглядная темень вокруг. Башир, сраженный осколком, уже не мог понять, что это было. Не чувствовал сержант, как кровь заливала его лицо и голову. Казалось, не подавал он и признаков жизни.

Разведчики не оставили на поле боя своего отчаянного сержанта, поступок которого внес сумятицу в немецкую оборону. И пока немцы разбирались, стараясь понять, в чём дело, разведчики исчезли. А вскоре Ашев был уже в руках полевого хирурга. Тот, осмотрев рану Башира, с горечью произнес: «Надо же, как угораздило солдатика!» Оказалось, злосчастный осколок раздробил Баширу челюсть, разорвал шею. Но военные хирурги, вопреки самым грустным прогнозам, спасли молодую жизнь воина.

А потом долгие месяцы в госпиталях Сочи, Тбилиси, где врачи долечивали рану Башира. Наконец его выписали из госпиталя и отправили домой, как инвалида войны. Но ещё два долгих и мучительных года Ашев не мог не только разговаривать, но и жевать пищу. Её он принимал через трубку. Шло время, речь у Башира восстановилась, но инвалидом он так и остался. Его мучила и больно ранила мысль о том, что он, молодой парень, беспомощный и бессильный, вызывает сочувствие окружающих. И хотя никто и никогда не давал повода для таких сомнений фронтовику, его гордая и сильная душа не могла примириться с его, как он считал, ничемным положением в жизни.

Однажды, как вспоминали родные Башира, он твердо заявил: «Хватит. Такая жизнь не по мне. Я сумею жить и работать, как все вокруг меня. И докажу, что на многое ещё способен». Близкие радовались такому стремлению парня и во всем ему помогали.

Наверное, в тоскливые ночи в госпиталях Башир не раз вспоминал о том времени, когда его призывали в Красную Армию. Жил он тогда в селении Кызбырун-1. И, уходя на службу, не представлял, какая суровая судьба ему уготована. Всего лишь несколько месяцев прослужил молодой солдат в мирной обстановке. Потом грянула война. Великая Отечественная. И с первых её дней на

долю Башира выпала участь сойтись в открытой схватке с жестоким и беспощадным врагом – фашистскими захватчиками. И бился с ними Ашев бесстрашно, пока мог стоять в боевом строю.

Израненный, искалеченный вернулся солдат домой. Но и здесь, вдали от передовой, собрав всю свою волю в кулак, нашел свое место среди тех, кто вносил посильный вклад в восстановление народного хозяйства, порушенного вражеской армией. Спустя много лет после тех событий, я не могу не сказать о том, что сделал для этого Башир Траович в мирные годы.

Первые шаги после тяжелого ранения Ашев делал, работая в Баксанском исполкоме. Здесь ему помогли окончательно обрести уверенность в своих силах. Позже, оценив его стремление приносить как можно больше пользы, доверили должность директора Кызбырунского кирпичного завода. В этой должности он не щадил себя, сумел поднять производство и создать людям более благоприятные условия для их нелегкого труда. Но главный вклад его в укрепление экономики республики был впереди.

На Вольноаульский керамический завод Башир Траович пришел не новичком. Он уже обрёл серьезный опыт организации производства и нужное директору качество – умение общаться с рабочими, настроить их на труд с полной отдачей сил. Но, прежде всего Ашев на новом месте постарался вникнуть во все тонкости, связанные с производством керамических труб. В те годы эта продукция пользовалась большим спросом. Директора беспокоило лишь одно обстоятельство. Очень долгим казался ему процесс изготовления керамических труб. Производственный цикл длился тогда 170 часов, а на обжиг труб в печах тратили до 80 часов.

Люди, близко знавшие Ашева, рассказывали, что он заболел идеей о сокращении этого цикла до возможного минимума. А чтобы овладеть нужными техническими знаниями, поступил заочно в индустриальный техникум в Орджоникидзе – нынешний Владикавказ. Но как ни старался директор воплотить свою идею в практику, ничего не получалось. На каком-то этапе обжига трубы внезапно лопались. И при этом Ашев не собирался мириться с неудачами. Он идет к ученым в НИИ, посещает научные конференции и родственные заводы в других городах страны. И, более того, пытается проникнуть в технологические тайны изготовления керамических труб в США, Великобритании и других странах. Но и эти попытки оставались безуспешными. Повсюду трубы изготавливали почти таким же способом, как на его заводе.

У другого директора давно бы опустились руки, только не у Ашева. Он решает на отчаянный шаг и начинает искать свой путь к совершенствованию технологического процесса. Опытные рабочие, посмеиваясь над никчёмными, как им казалось, попытками директора, старались отговорить его от бесполезной траты времени. В конце концов, Ашев, человек с сильным характером, добился того, к чему стремился долгое время. Не

станем вдаваться в технологические тонкости, скажем лишь главное. Изменения, внесенные Баширом Траовичем в процесс изготовления керамических труб, дали возможность обжигать трубы за 16 часов, а охлаждать их за 10 часов. Такой режим позволил увеличить нагрузку на печи обжига с 3-4 оборотов в месяц до 18-19. Подобного показателя не достигали ни на одном другом предприятии в советской стране и за её пределами. Изобретение Б. Ашева не имело аналогов в мировой практике. Специалисты лаборатории кислотоупоров государственного НИИ строительной керамики предложение Башира Траовича признали принципиально новым, технически обоснованным, проверенным на практике, экономически эффективным. Институт рекомендовал изобретение Б. Ашева внедрять и на других родственных заводах.

Все, сделанное мужественным воином в мирной послевоенной жизни, иначе как трудовым подвигом не назовешь. Своё слово о том, что он ещё пригодится людям, израненный солдат, не смирившийся с положением инвалида, оправдал с честью. И да будет ему наградой вечная слава за ратные и трудовые подвиги во имя людского счастья на мирной и прекрасной земле Кабардино-Балкарии!

Жаухар АППАЕВА,
искусствовед

ОСВОБОЖДАЯ КАМЕНЬ ОТ ОКОВ

Путь в искусство у скульптора Станислава Катони был долгим и непростым. Хотя еще в раннем детстве он почувствовал тягу к изобразительному искусству, получить азы знаний было не у кого, поскольку семья жила в небольшом селе Горышковка Винницкой области Украины. Учась в школе, Катони не оставлял надежды стать профессиональным художником. По окончании десятилетки поехал в столицу, чтобы поступить в Киевский государственный художественный институт на скульптурный факультет. Случилось так, что он опоздал к вступительным экзаменам, но не стал возвращаться домой, а устроился электриком на крупный железнодорожный узел Вапнярка. Оттуда Станислава призвали в армию. Служил он в Белоруссии, в ракетных войсках. В школе сержантов, куда его направили, судьба свела его с двумя сослуживцами, которые окончили художественное училище. По признанию Катони, он многому научился у них. В дивизии, где служил, числился художником-оформителем. Занимался наглядной агитацией, выполнял настенные росписи в армейских столовых и чайных, декорировал интерьеры офицерских и солдатских клубов. По просьбе начальства выполнял копии картин. Все это помогло заложить основательную базу для дальнейшей учебы.

В 1974 году после окончания срочной службы и до начала вступительных экзаменов Станислав работал в бюро эстетики на крупном заводе «Ленинская кузня». Он успешно справился с серьезным заказом для авианосца «Киев» – чеканными панно на меди для кубриков. Выполнил также бюст Героя Советского Союза Василия Григорьевича Яковенко для Смоленской области (1976 г.). Позже создал еще два варианта бюста Яковенко, которые нашли свое место в музее завода «Ленинская кузня» (1983 г.) и в школе, где учился герой войны. Фасад завода украсил горельеф работы С. Катони с образом Яковенко (1981 г.).

В 1976 году Станислав без труда поступил на скульптурный факультет Киевского государственного художественного института. Он учился под началом прекрасного педагога, выдающегося скульптора, народного художника СССР, лауреата Ленинской премии Василия Захаровича Бородая.

Выставочной деятельностью Станислав Иванович начал заниматься еще в годы учебы в вузе. Очень удачной для него стала Всесоюзная выставка «Олимпиада-80», на которой была представлена его композиция «Каратэ» (1980 г.) из оргстекла. О ней тепло отозвались на обсуждении выставки.

Заинтересовались ею и гости из разных стран. Нашлись на нее и покупатели из ГДР. Это было большой честью для молодого ваятеля.

С. Катони впитал в себя особенности классической украинской культуры, огромную роль в его дальнейшей творческой судьбе сыграли уроки мастерства, полученные им у В. З. Бородая. Особенно ярко это проявилось в одной из ранних серьезных работ Катони – статуе

ученого-помолога Симеренко (1983 г.), обладающей мощной внутренней энергетикой. Скульптура привлекает внимание зрителя, прежде всего, своим тонким душевным строем. Ученый как бы озарен духовным подъемом, внутренним горением. Каждая точка зрения на скульптуру раскрывает новый нюанс в прочтении образа академика.

Еще в годы учебы в институте у С. Катони обнаружилась особая тяга к военно-патриотической и спортивной тематике. Он и сам увлекался силовыми видами спорта, так что хорошо представлял себе, как передать в материале пластику движений своих персонажей – борцов, боксеров и т. д. Работы С. Катони неоднократно демонстрировались на выставках разного ранга: республиканских, всероссийских и всесоюзных и получали высокую оценку. Среди особенно удачных автор называет «Портрет тренера Пилипенко» (1980 г.), композицию «Схватка» (1980 г.), в которой изображены борцы каратэ. С. Катони сумел остро схватить движение спортсменов. Благодаря строгой ясности концепции, умелой передаче авторского замысла скульптура оказывает на зрителя сильное воздействие.

В 1983 году Станислав переехал в нашу республику. Вскоре ему поступил серьезный заказ от мэра города Нальчика Феликса Харарева. Нужно было выполнить художественное оформление детского сада «Насып» (1984 г.). Работал он с энтузиазмом. Труд его получил признание и у заказчика, и у многочисленных гостей буквально со всего света, которым специально демонстрировали удачный образец оформления интерьеров и территории детского дошкольного учреждения. С. Катони сумел внести в типовую архитектуру эмоциональное, ассоциативно-образное начало. Он эффективно использует средоформирующие возможности пластики: соотносит свои произведения с зелеными насаждениями, с особенностями внутренних помещений. Решение художественных задач тесно переплетается с функциональностью здания. Его пластика сомасштабна детям, настраивает их на оптимистический лад.

Талант С. Катони по достоинству оценил и председатель совета ветеранов Баксанского района, Герой Социалистического Труда Хачим Бгажноков. По его просьбе он выполнил несколько монументальных произведений, посвященных героям Великой Отечественной войны. Это мемориалы в селе Куркужин (1994 г.), городе Баксане (1988 г.), а также в селениях Кызбурун-1, Кызбурун-2, Кызбурун-3, над которыми он работал в 1989-1991 годах. Они выполнены из меди и алюминия в технике выколотки. Их отличает лаконизм, строгость форм. Особенно много памятников, изваянных Катони, украшают столичный культурный ландшафт. Это памятные доски, на которых увековечены имена первого президента КБР В. М. Кокова, балкарского поэта и писателя Керима Отарова, писателя и драматурга Аскерби Шортанова и другие. Они установлены на фасадах домов, где они жили.

Резцу скульптора также принадлежат памятники погибшим в годы Великой Отечественной войны в селе Плановское (1994 г.) и жертвам войны в Афганистане на территории школы № 17 в Нальчике (1995 г.). Большой интерес представляет также мемориальный ансамбль в Кенже (1992 г., архитектор Ю. Логоватовский), который соответствует всем канонам монументального искусства. Он состоит

из нескольких частей, органично связанных в единую цельную композицию.

С. Катони и сегодня продолжает работу над темой Великой Отечественной войны. К 65-летию Победы он выполнил несколько моделей памятников. Это полуфигурное изображение солдата со снарядом в руках («За Родину, за Кавказ», 2010). Зрителя сразу покрывает смелое, мужественное лицо бойца Красной Армии, его сила и уверенность в победе. Не осталась незамеченной и многофигурная композиция «Мы победили» (2009), в которой запечатлены советские солдаты-победители в самой кровавой войне в истории человечества.

Для Катони характерен натуральный тип образности, его манера работы над скульптурой аналогична его идентичности художника. Он прославляет вечные человеческие ценности: любовь, преданность, дружбу, гражданственность, материнство и т.д. Всегда искренен в своих произведениях. Композиция «Материнство» (1991 г.), установленная в Урвани на территории детского сада, эмоционально наполнена, гармонична, окружена светлой аурой. В ней доминирует человеческое начало, материнские чувства. Работая над скульптурой, ваятель исходит из общего объема, находит точный силуэт, тщательно работает над каждой «мелочью», чтобы добиться нужного эффекта.

Интересен по своим формальным и содержательным особенностям эскиз горельефа «Комсомол», который хранится у С. Катони в мастерской без всякой надежды быть реализованным в твердых материалах и найти себе постоянное место пребывания. Композиция выстроена по вертикали, отдельные ее фрагменты посвящены этапам истории комсомола и искусно объединены в единое целое. Каждая из пяти частей симметрична относительно незримой центральной оси, проходящей через всю композицию. Поскольку произведение отличается сложным характером, то для ваятеля было важно решить непростые проблемы тектоники, формообразования, ритмики, абриса и при этом дать эмоционально-обобщенное прочтение истории комсомола.

Одним из наиболее интересных мемориалов С. Катони стал «Памятник афганцам» (2005 г., архитектор Владимир Бублик), органично вписавшийся в контекст Ореховой рощи в Нальчике и создавший новую ситуацию в архитектурно-пространственной среде городского парка. Автор запечатлел достоверную, обыденную для войны сцену гибели солдата. «Афганец» бережно держит на руках умирающего товарища, но трагизм события воплощен им эмоционально сдержанно. Авторами учтены особенности природного окружения, естественного освещения и рефлексов от зеленых насаждений.

Интересным образцом скульптуры, установленным в память значительной личности, стало надгробие первому президенту КБР Валерию Кокову (2006 г.) в Дугулбгее. С. Катони выбрал полуфигурную композицию. Он точно нашел характерные для Кокова жест и взгляд, акцентировал внимание не на следах прожитых лет, а старался подчеркнуть его опыт крупного политика, умного, зрелого человека. На лице президента спрессовано множество мыслей. Под внешним спокойствием скрывается душевный трепет. Автор сумел найти нужные пропорции, масштабные соотношения, формы и объемы, чтобы надгробие приобрело истинную монументальность и значительность.

С. Катони обогатил культурный ландшафт столицы республики и монументально-декоративной пластикой. Несомненно, большую роль в иконографии Нальчика играет скульптура «Бык», которая искусно вписана в интерьер города. Автор умело обыгрывает пространство, сочетает декоративность, заостренность форм с точной реалистической передачей характера, повадок животного.

Станислав Катони прежде всего скульптор-монументалист, который активно участвует в формировании архитектурно-пространственной среды городов и сел Кабардино-Балкарии. Он отдал дань и станковому искусству, создав множество прекрасных образцов портретной скульптуры. Внимание ваятеля привлекают образы известных людей, культовые фигуры советского времени, такие, как Василий Шукшин или Владимир Высоцкий. Он стремится создать документально точные изображения своих героев, в которых были бы сохранены их неповторимо-личные черты. Для него важно, чтобы портреты отличались не только внешним сходством, но и были психологически убедительными и художественно выразительными. Его Шукшин сидит в характерной для него позе, выдающей в нем сельского жителя, прочно связанного с землей. С другой стороны, это интеллигент, личность творческая, потому автор стремился запечатлеть в материале как бы саму работу мозга. Игра света и тени на лице Шукшина создает впечатление изменчивости настроения, переживаний актера и писателя. В общем, скульптор сумел передать в образе своего героя все, что было в нем самого существенного.

Свой вклад в создание иконографической галереи Высоцкого внесли многие художники. По-своему увидел его и Катони. Он акцентировал внимание на раскрытии внутреннего мира барда.

Внимание Станислава Катони привлек и олимпийский чемпион по греко-римской борьбе Мурат Карданов. В его интерпретации – это активная, энергичная натура, многогранная личность. Ваятель изучает каждую черточку лица портретируемого, едва уловимую смену его настроения. Он подчеркивает доминирующие качества модели – достоинство, уверенность в своих силах. Тщательная моделировка делает скульптуру выразительной, передает неповторимую индивидуальность спортсмена. Прекрасно используются фактурные возможности, цветовые нюансы бронзы.

Из интересных работ скульптора можно назвать композицию «Космос» из алюминия, украшающую вестибюль Дворца культуры в г. Тырнаузе. Художественную ценность представляет и многочисленная декоративная пластика, украшающая рестораны столицы республики. С. Катони создал и тиражируемые образцы скульптуры, которые хранятся в частных коллекциях по всему миру. Их основная тематика – «Похищение невесты» и «Кафа». Скульптуры выполнены с явным национальным колоритом.

С. Катони не останавливается на достигнутом. Он постоянно находится в поисках новых свежих идей. У него множество авторских проектов и творческих задумок, которые ему, конечно же, удастся воплотить в вечных материалах.

ЗОЛОТЫЕ РУКИ МАСТЕРА

Почти 50 лет человек редкой профессии – кварцевуд-универсал Михаил Висангиреевич Батаев плавит стекло. Его мастерская расположена в цокольном этаже главного корпуса Кабардино-Балкарского государственного университета. Ни разу он не пожалел о своем выборе, хотя работа с кварцем очень сложная. То, что он плавится при температуре почти равной 2000 градусам, уже говорит о многом. Батаев творит с куском стекла что-то невероятное и волшебное. С прозрачным материалом он обращается как с хрупким драгоценным камнем.

Мастера высокой квалификации Михаила Висангиреевича знает большинство химиков, биологов и физиков КБГУ, то есть представители тех специальностей, которым для проведения лабораторных занятий и научных исследований необходимо наличие технической посуды из стекла и кварца. О его профессионализме говорит вот такой факт. Как-то для сотрудников химического факультета был выполнен заказ на стеклянное оборудование в Институте общей и неорганической химии АН СССР, одном из ведущих академических вузов страны. Но изделие, выполненное Михаилом Висангиреевичем, оказалось на несколько порядков качественнее.

Далекое детство

Вечерело. От света заходящего солнца все длиннее становились тени деревьев. Под одним из них сидел белобородый старец с благообразным лицом и совершал омовение. Настало время вечерней молитвы. Он медленно поднялся, опираясь на палочку, и вошел в дом. На молельном коврике старец встал на колени. Его губы беззвучно шептали молитву. В наступившей тишине было слышно лишь мерное тиканье часов. Лучи заходящего солнца освещали небольшую комнату, четко вырисовывая силуэт молящегося.

Рука маленького Миши невольно потянулась к карандашу и, как обычно, на газетном обрывке (из-за дефицита с бумагой) он начал рисовать дедушку. За несколько минут портрет был готов.

Часто Батаев вспоминает этот случай. Тогда ему крепко досталось от отца. Ведь у мусульман не принято изображать людей. Но рисовать он не перестал и рисует всю жизнь. Бросить любимое занятие – это для него все равно, что перестать дышать воздухом.

Сказочный материал очаровал его

Родом Михаил Висангиреевич из селения Чернореченское Пригородного района СОАССР. В 1944 году ингушский народ был депортирован в Среднюю Азию, так многолетняя семья Батаевых оказалась в Северо-Восточном Казахстане. В 1956 году после реабилитации вместе со своими соотечественниками семья вернулась на Кавказ, Михаил стал жить в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Когда пришло время служить в рядах Советской Армии, парня направили в Ленинградскую область. Заметив его способности (в свободные

минуты он занимался живописью, используя краски, которые захватил с собой из дома), руководство части поручило ему заниматься оформительской работой. Так и был он все три года художником-оформителем... Вдохновленный первыми творческими успехами, после завершения службы Михаил решил сразу не возвращаться домой. Он поехал в Северную Пальмиру, хотелось воплотить свою мечту в жизнь – стать художником. Так случилось, что Батаев опоздал на вступительные экзамены, и начал работать учеником живописца на Ленинградском фарфоровом заводе имени М. В. Ломоносова. Но монотонная работа на конвейере, заключающаяся в раскрашивании шаблонных узоров на фарфоровых изделиях, не несла в себе элементов творчества. И талантливый молодой человек заскучал, уже подумывал о возвращении на родину. Если бы не работник отдела кадров, к которому он зашел с заявлением об увольнении, посоветовавший заглянуть в кварцевудувный цех, иначе бы сложилась его судьба и он не стал бы обладателем редкой профессии.

Так начался новый период жизни Михаила Висангиреевича. Из 25 учеников в кварцевудувном цехе (среди них был и Батаев) остался он один. Работа была нелегкая, но хорошо оплачиваемая. Но дело было не в деньгах. Там были мастера, работавшие с дореволюционных пор. Что они творили! Эти мастера имели магическую власть над стеклом. Сказочный материал, в котором преломляется свет, в котором все играет и блестит, очаровал Михаила. Несколько лет Батаев проработал мастером, создавая сложнейшую кварцевую аппаратуру для научных исследований. Работа с расплавленным стеклом нравилась парню, и довольно быстро он стал выполнять сложные работы не только технического характера, но и первые художественные изделия – фигурки животных и птиц. Ведь мир живой природы стал главной и самой устойчивой его страстью с раннего детства.

Из Ленинграда – в Новосибирск

В 1967 году на завод приехал заместитель директора Института физики полупроводников Сибирского отделения АН СССР В. П. Мягков. Вверенному ему учреждению требовался кварцевуд. Ему рекомендовали Батаева.

Для его трудовой деятельности в Институте физики полупроводников были созданы все условия. До сих пор Михаил Висангиреевич вспоминает годы, проведенные в Академгородке, как самые лучшие в своей жизни. Ему было интересно выполнять сложные заказы не только института, но многих ведущих академических учреждений – Алма-Аты, Краснодара, Хабаровска (институтов ядерной физики, катализа, органической и неорганической химии, геофизики, геодезии). Таким образом, Батаев продолжал оттачивать свое мастерство. Как оказалось, во всех этих учреждениях были свои квалифицированные специалисты, но выполнение работ, требующих филигранной точности, чаще всего доверяли Михаилу Висангиреевичу. Достаточно сказать, что в эти годы им была создана уникальная

лазерная установка из кварца, при изготовлении которой должна была соблюдаться точность до микрона. Но и при такой загруженности кварцевуд находил время для творчества.

Выставки

Замечательный мастер прожил в Новосибирске десять лет, почти к концу этого срока, незадолго до переезда в Нальчик, он поступил в Заочный университет искусств имени Н. К. Крупской, в котором учился живописи три года. Начиная с 70-х годов, он становится участником художественных выставок самого различного уровня. После первых успехов Михаил с еще большей энергией продолжил занятия художественным творчеством. Первый раз в 1970 году работы Батаева экспонировались на областной выставке художников прикладного искусства Новосибирской области, затем в том же году – в Москве на Всесоюзной выставке прикладного искусства и Всесоюзной выставке, посвященной 100-летию В. И. Ленина. В 1975 году руководство Сибирского отделения АН СССР предложило Михаилу Висангиреевичу принять участие в выставке в США, в которой должны были демонстрироваться достижения академии в различных областях, в том числе в области изобразительного искусства. Анонс об открытии этой выставки, его фотография и фотография многофигурной композиции «Русская тройка» были опубликованы в американской газете «Вашингтон пост». Полтора года проходила выставка Новосибирского Академгородка по 11 городам США и имела большой успех. В это же время в американском журнале «Soviet life» были опубликованы фотографии работ Батаева, его самого и заметка о нем.

Когда Михаил переехал в Нальчик, продолжал участвовать в выставках художников, есть на его счету и персональные. Проходили они в Москве, Нальчике, Волгограде, Астрахани, Краснодаре, Назрани...

То, что творчеству Батаева на этих выставках специалисты дают высокую оценку, говорит тот факт, что он – обладатель многих почетных грамот и дипломов.

Почти месяц, с 23 августа по 14 сентября прошлого года, в г. Санкт-Петербурге проходила персональная выставка работ Батаева в галерее «Стекло Росвуздизайн». Выставка называлась «Радуга в стекле. Художественное стекло, живопись». Ее проведение стало возможным благодаря финансовой поддержке руководства КБГУ.

На выставке было представлено 7 картин, в основном пейзажи, несколько десятков работ из цветного и кварцевого стекла (мелкая пластика): животные, человеческие фигурки – «Горянка с кувшином», «Всадники», «Горский танец», «Знаки Зодиака», декоративные сосуды и многое другое.

В северной столице был проявлен большой интерес к творчеству Михаила Висангиреевича. На открытии звучало много восторженных отзывов. Все специалисты, присутствовавшие на вернисаже, а были

среди них академики из Санкт-Петербургской академии художеств имени Штиглица, живописец, академик Санкт-Петербургской академии художеств Заур Цхадая, график, член Союза художников России Дарико Беридзе, дизайнер, директор компании «Стекольная эпоха» Анатолий Пелипенко, художники из Санкт-Петербурга и Китая... В своих выступлениях они отметили, что у Батаева есть свое творческое лицо. Было подчеркнуто, что работы интересные по замыслу и технике исполнения. Все находились под большим впечатлением и принимали художника очень хорошо. В этот радостный день поддержали Батаева проректор КБГУ по административно-хозяйственной работе и капитальному строительству Ибрагим Леонидович Тишков и представители ингушской диаспоры Санкт-Петербурга. Больше часа по пятому каналу радио телерадиокомпания Санкт-Петербурга длилась передача с Батаевым, с ним беседовали ведущий информационно-публицистических и развлекательных программ Константин Петрук и эксперт, художник по стеклу Бажена Кутергина.

Более 40 лет художник по стеклу М. В. Батаев работает в двух жанрах: художественного стекла и живописи. В 2008 году ему присвоено звание «Народный художник Республики Ингушетия» за вклад в развитие декоративно-прикладного искусства и необыкновенное мастерство. Работу с художественным стеклом Михаил освоил самостоятельно, поэтому его имя можно с полным правом отнести к замечательной плеяде гениальных самоучек. Для Батаева источником вдохновения служит все красивое: деревья, цветы, птицы, звери, герои сказок... Творчество Батаева стоит особняком в отечественном художественном стеклоделии, так как большинству мастеров интересны массивные скульптурные формы и интенсивная многоцветность. Чтобы получились изящные фигурки, мастер долго трудится, а на создание многофигурной композиции уходит порой до нескольких месяцев.

За многие годы мастером создана большая коллекция, вызывающая неизменное восхищение зрителей и специалистов. Используя нетрадиционный для российского (да и мирового стеклоделия) материал – кварцевое стекло, художник выработал свои методы работы. Многолетняя упорная работа позволила Батаеву свободно пользоваться широчайшим диапазоном способов обработки кварцевого стекла, разработать свои приемы окраски и иризации, особый стиль, поэтому его работы легко узнаваемы. Хрустальная сказка, стеклянное чудо, волшебный мир стекла – какими только эпитетами не награждают его работы. Стекло, к которому прикоснулись руки мастера, превращается в невесомое, хрупкое, сказочно прекрасное чудо. Его изысканные скульптуры поражают посетителей многих выставок. Работы Батаева находятся во многих частных коллекциях нашей страны и за рубежом.

АВТОПРОБЕГ ПАМЯТИ

«Счастливого вам пути, – говорил, стоя на площадке второго этажа автобуса с участниками автопробега, приуроченного к 70-летию насильственной депортации балкарского народа, художественный руководитель детского ансамбля «Минги Тау» карачаево-балкарского национального культурного центра в Казахстане Артур Оганнисян. – Передавайте на родине привет всем от нас... АРМЯН». Под общий смех и шутки делегаты тронулись в путь – в общей сложности был проделан путь почти в десять тысяч километров, проведены встречи с соотечественниками в Бишкеке, на Иссык-Куле, Алматы, установлена памятная стела на одном из балкарских кладбищ недалеко от бывшей столицы Казахстана... Худрук ансамбля, в репертуаре которого не только балкарские, но и вообще кавказские народные танцы, был искренен: в составе труппы есть представители многих наций – кроме карачаевцев и балкарцев танцуют русские, армяне, грузины, казахи, уйгуры... Атмосфера самая доброжелательная – в Казахстане нет межнациональных проблем, люди живут спокойно и обеспеченно, уверенно смотрят в будущее. Как заметила на прощальном концерте ведущая телепрограммы «100 народов Казахстана» Мадина Балгабаева: «Не думаю, что кто-то из балкарцев, живущих в Казахстане, сможет сегодня назвать причины для возвращения на Кавказ, но все они помнят, кто они и откуда, чувствуют неразрывную связь с родиной, её культурой и своим народом».

Больше двух недель на колёсах принесли участникам автопробега не только усталость, но и массу впечатлений, чувство удовлетворения от уровня жизни соотечественников, от содержания кладбищ, от сохранённых в чистоте языка и культуры, от негибаемой воли людей к жизни.

Путь на Восток

Отправляясь из Нальчика, участники автопробега отправной точкой выбрали площадь перед Мемориалом жертвам политических репрессий против балкарского народа, где прошел небольшой митинг и была совершена молитва.

Стоит отметить, что среди тех, кто решил в год 70-летия депортации посетить могилы предков в Средней Азии и Казахстане, много людей старшего возраста, которые родились на чужбине, и даже тех, кто помнят саму скорбную дорогу 1944 года. Много молодёжи, которая представляет в том числе общественные организации Фонд развития карачаево-балкарской молодёжи «Эльбрусойд», Федерацию экстремальных видов спорта КБР, – было в числе инициаторов автопробега. Основную ношу по финансовому и организационному обеспечению мероприятия приняло на себя правительство Кабардино-Балкарской Республики, а списки составлялись Советом старейшин балкарского народа, лидер которого Исмаил Сабанчиев принял на себя роль руководителя делегации. Все участники с большим воодушевлением отправлялись в дальний путь: возможность большой делегацией (почти в 60 человек) ближе познакомиться с историей своего народа, установить на кладбищах в Кыргызстане и Казахстане памятные обелиски, встретиться с родственниками, потомками тех, кто остался в Средней Азии, – представилась впервые.

14 апреля большой двухэтажный туристический автобус в сопровождении трёх легковых автомобилей, с трудом выбравшись из забитого транспортом Нальчика, словно натягивая тетиву лука, отправился на северо-запад, а затем, недалеко от Ставрополя, повернул на восход и устремился к границе Российской Федерации и Казахстана. Составляя маршрут, организаторы старались держаться ближе к железнодорожному полотну, по которому шли

эшелоны с депортированными народами Кавказа, настолько, насколько это позволяют автодороги. Первое знаковое пересечение двух маршрутов произошло в Астрахани, где один из протоков Волги караван пересекал рядом с тем самым железнодорожным мостом, на котором 70 лет назад один из эшелонов с депортированными балкарцами стоял больше пяти часов.

Дорога всегда открывает что-то новое, в пути всегда что-нибудь происходит. В казахстанский город Атырау (бывший Гурьев) – крупный центр нефтепереработки, колонна добралась от границы по разрушенной дороге с ещё советским асфальтом. Интересно, что дорога дальше в основном была образцовой – Казахстан активно реконструирует дорожную сеть на очень высоком уровне. На окраине города возле стоящего автобуса с номерами Кабардино-Балкарии неожиданно остановился автомобиль, из которого вышел молодой человек, который стал расспрашивать, кто мы, узнал о цели поездки, представился, сказал, что он чеченец и предложил свои услуги по устройству в гостиницу.

Несколько раз останавливавшие колонну казахстанские дорожные полицейские вели себя предельно доброжелательно – с удивлением слушая знакомую-незнакомую балкарскую речь пассажиров, интересовались, откуда едет такая разнокалиберная разновозрастная публика, и узнавая, что с Кавказа, с улыбкой отпускали с миром.

Дорога через Уральск, Актобе, Тюратам (Байконур), Кызылорду заняла около двух суток и проходила по не проснувшейся ещё после зимы степи, в которой тут и там встречались нарастающие полосы льда на северных склонах оврагов, соляные озёра, пасущиеся верблюды разной масти, строящиеся саманные дома, кладбища возле дороги, на которых над каждой могилой выстроены склепы самой разной архитектуры, иногда с выложенными кирпичом именами погребённых.

Первая встреча с соотечественниками произошла в городе Туркестан, где похоронен один из суфийских святых, поэт и проповедник Ходжа Ахмед Ясеви. Его мавзолей сам по себе является не только святыней тюркского мира, но и замечательным памятником средневековой азиатской архитектуры. Зна-

менитый двухтонный бронзовый котёл, отлитый специально для мавзолея по приказу Тамерлана, мечеть внутри комплекса, могилы последователей Ахмеда Ясеви привлекают к себе множество посетителей и паломников. Здесь мы и встретили Рахимат Цакоеву, её детей, племянников ехавшего с нами Мурата Баллиева – детей его сестры и брата, Лидию Жарашуеву с дочерью. Женщины вышли здесь замуж за местных казахов, но все дети их помнят о своих корнях и родственных связях.

Наконец колонна, минуя Джамбул – один из центров расселения балкарцев в Казахстане, добралась до Бишкека. В пригороде столицы Киргизии селе Новопокровском сегодня проживает большинство балкарцев Киргизии. Многие возвращаются на Кавказ – здесь это слово произносится с большим пиететом, а те, кто ещё не собрались этого сделать, постепенно переезжают сюда из других районов республики. Сейчас здесь компактно живёт около ста пятидесяти семей, причём все очень ревностно сохраняют родной язык и стараются поддерживать обычаи, хотя молодёжь уже больше говорит на русском. Здесь как бы маленькая колония, в которой все друг друга знают и поддерживают. Полноценно работает национальный культурный центр, которым руководит Башир Акаев. Он, по его собственному признанию, для всех местных балкарцев вроде старшины, решает многие вопросы диаспоры, возникающие ежедневно. Дети занимаются в национальном ансамбле «Кьюуанч», которым руководит переехавший сюда двадцать лет назад из КБР Назми Бапинаев. Местные власти оказывают им в этом всю возможную поддержку. Это не значит, что балкарцы Киргизии живут в отрыве от своей родины. Многие из них регулярно бывают у родственников в Кабардино-Балкарии, ведут дела, поддерживают кровные узы, в курсе всех новостей. Большинство из них планирует возвращаться раньше или позже – после развала союзного государства и закрытия практически всех заводов жить стало тяжелее. Бывало и такое, что во время массовых беспорядков вооружённые мужчины патрулировали места компактного проживания балкарцев во избежание грабежей.

По случаю приезда гостей, которых все местные ждали, в одном из ресторанов был устроен необыкновенно тёплый вечер. За праздничными столами встретились родственники, знакомые и незнакомые, пожилые люди и молодёжь, которых объединяла и объединяет общая судьба и неразрывная родственная связь. Эта связь на родине, в Кабардино-Балкарии, не так бросается в глаза, ей не бравировуют. Здесь же радость встречи была искренней и непосредственной. Выступления руководителей национальных центров, чиновников прерывались концертными номерами на редкость богатой талантами местной самодеятельности. Во всяком случае, явно видно, что детьми и молодёжью здесь занимаются, а слово старших имеет положенный вес.

В одном из пригородных сёл Бишкека на кладбище, где захоронены высланные балкарцы, планируется установить одну из специально привезённых памятных стел. Затем путь автоколонны лежит на берега озера Иссык-Куль, а затем в Алматы, где участников пробега ждут встречи с балкарской диаспорой Казахстана.

Ад и рай Иссык-Куля

Могилы, кладбища... В сёлах, разбросанных вдоль дороги по северному берегу озера Иссык-Куль, на каждом кладбище есть отдельные участки, на которых могильные холмики еле угадываются, а памятных камней с именами нет. Когда в марте 1944 года сюда привезли «людоедов» с Кавказа, руководители местных совхозов с неохотой брали к себе новых поселенцев, а местные люди, веря слухам, их откровенно побаивались. Спецпереселенцы старались держаться вместе с родственниками и соседями, поэтому в каждом селе собирались, как правило, представители одного населенного пункта из далёкой теперь Кабардино-Балкарии: например, в селе Ананьево жили семьи из аула Шики, а в райцентре Тюп и колхозе имени Фрунзе – холамцы. Люди старались помогать друг другу, но в первое время от недоедания, резкой смены климата, суровых условий жизни массово гибли самые слабые – старики и дети. Зачастую каждому не могли выкопать отдельное место последнего упокоения – кое-где здесь встречаются и братские могилы. Те, кто выжил в первый год, смогли затем обустроиться, хотя и были заняты на самых тяжёлых работах – сплаве леса по горным рекам, строительстве железной дороги.

Сегодня здесь живут потомки тех без преувеличения героических людей, которые смогли тогда выстоять, да и самих стариков ещё немало в живых. Сегодня многие из живущих здесь балкарцев расскажут вам, какое это райское место. Огромное озеро с солоноватой водой, фактически море, широкая плодородная орошаемая долина вокруг него, окружающие всё это великолепие заснеженные вершины гор, с которых стекают многочисленные речки, мягкий климат, – всё здесь благоприятствует занятиям и отгонным скотоводством (овцы и кони круглый год на выпасе), и земледелием, в том числе и садоводством. После развала Советского Союза земли колхозов и совхозов были розданы в частную собственность, и у каждой семьи оказалось по 10-

15, а то и больше гектаров пашни, помимо этого сады, животноводческие фермы. Поэтому на жизнь здесь никто не жалуется, и никто никому не завидует – работай, занимайся крестьянским трудом – и у тебя будет всё. Только молодёжь, как это обычно бывает, стремится выехать в большой мир, не видя перспектив для развития в достаточно замкнутом обществе Иссык-Куля.

Участники автопробега из Кабардино-Балкарии побывали на кладбищах и совершили на каждом из них поминальную молитву, вспомнили тех, кто навсегда остался на чужбине, познакомились с тем, как сейчас живут местные балкарцы. А также почтили память молодого поэта Аката Шаваева, который умер в высылении в 1957 году в 29-летнем возрасте, создав пронзительный цикл стихотворений о судьбе репрессированного народа.

Как и в Бишкеке, делегацию из Кабардино-Балкарии и здесь встречали с размахом – на торжество в селе Семёновское собрались практически все проживающие в Иссык-Кульском районе Киргизии балкарцы. Это был хороший повод – и чтобы лишний раз встретиться и поговорить, и чтобы познакомиться с родственниками, с которыми до сих пор не виделись. Списки с фамилиями приехавших были известны заранее, поэтому встреча получилась очень тёплой. Как это водится, празднество сопровождалось выступлениями официальных лиц: руководителей местной администрации, балкарской диаспоры и гостей из Кабардино-Балкарии. Молодёжь в это время развлекалась, активно знакомилась друг с другом, всё это под национальные мелодии и танцы. Надо сказать, что и здесь молодёжь, как и в Кабардино-Балкарии, часто танцует в «чеченском» стиле. Поэтому танцоры из ансамбля «Балкария» и здесь показали правильный, классический рисунок национального танца, что для многих подростков было откровением. По предложению руководителя местного детского ансамбля «Къууанч» Назми Бапинаева все они вместе станцевали «Абезек» под шумные аплодисменты собравшихся. Не давали спуску молодым и старшие – даже восьмидесятилетний старейшина местных Ольмезовых Добак прошёлся в танце со своей молодой родственницей, приехавшей с Кавказа.

Расставание было долгим. На следующий день предстоял переезд в бывшую столицу Казахстана город Алматы, вокруг которого тоже множество могил выселенных 70 лет назад балкарцев, в том числе и прямых предков вашего корреспондента.

Родина есть родина

Алма-Ата, ныне называемая Алматы – полуторамиллионный быстро растущий, меняющийся на глазах мегаполис. Несмотря на строительство новой столицы Казахстана – Астаны, фактическим центром деловой жизни страны, её сердцем продолжает оставаться Алматы. В её пригороде, селе Чемолган, родился первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, здесь находится дом его родителей. В этом селе и в нескольких соседних была расселена часть депортированных балкарцев. И именно в эту сторону смещается сейчас центр города. Буквально за последние пять лет вдоль красивейшего проспекта Аль-Фараби на месте колхозных садов, выпасов, большого кирпичного завода выросли современные дома, сверкающие небоскрёбы с дорожными магазинами, на горе высится лыжный трамплин, под ним поля гольф-клуба, ря-

дом с президентской резиденцией разбит огромный парк с десятками тысяч свежесажённых деревьев.

Теперь на месте, где жили депортированные, ничего не напоминает о том, что происходило 70 лет назад. Селения, разбросанные вдоль дороги в сторону гор, застроены элитными особняками: эта земля – одна из самых дорогих в Казахстане. И только небольшие старые кладбища посреди этого великолепия всё помнят. Эти заросшие участки никто не выкупает и не трогает. Люди, которые лежат здесь, испили свою горькую чашу до дна. У автора этих строк, например, должно было быть на дядю и тётку больше: они – два ребёнка двух и четырёх лет – умерли от тифа в первый же месяц житья в полуразрушенной конюшне посёлка «Пятый ГЭС».

Всего в селениях в районе Алматы сегодня проживает около 250 балкарских семей. Конечно, все они живут одной большой семьёй – все всё друг про друга знают, поддерживают тесные связи не только между собой, но и с родственниками на малой родине, придерживаются обычаев, стараются сохранять традиционный семейный уклад. Здесь есть выходцы из всех пяти ущелий Балкарии. Местную общину балкарцев возглавляет Мустафир Бабаев, предприниматель, владелец строительной компании. С его помощью у входа на одно из действующих кладбищ, где с самого выселения хоронят именно балкарцев, участниками автопробега была установлена стела в память о погибших спецпереселенцах, которая была привезена из Кабардино-Балкарии. Это была одна из главных целей экспедиции. Прочитав подле установленного памятника «Ясин», члены делегации с Северного Кавказа не спешили уезжать, читая надписи на камнях, находя своих родственников и близких.

По общему мнению, сделано большое дело. И все участники акции посчитали своим долгом вспомнить добрым словом не только казахский и

киргизский народы, которые в трудное время, сами недоедая, делились куском хлеба с несправедливо и непонятно за что наказанными переселенцами. По свидетельству местного жителя Магомета Бачиева, родители нынешнего президента Казахстана, простые рабочие люди, с особым вниманием относились к несчастным, постоянно подкармливая всех проживающих в округе балкарцев. И сейчас отношение к нашему народу в этой стране не то чтобы особое, но очень доброе. Балкарцы считаются одними из самых трудолюбивых и законопослушных народов Казахстана, у них нет никаких проблем с трудоустройством, карьерными перспективами. А за хычинами в кафе с говорящими названиями «Малкъар», «Холам», «Басхан», приезжают со всех концов Алматы. Добрым словом члены делегации вспоминали руководство Кабардино-Балкарии и лично врио Главы Юрия Кокова, которые обеспечили возможность совершить эту поездку.

Но остаётся ещё множество дел: со всеми общинами договорились о совместной работе, обеспечении литературой на родном языке, о помощи при возвращении на родную землю тех, кто этого пожелает, юридическом сопровождении в получении российского гражданства. Родина есть родина. И как бы хорошо, благополучно ни было в Казахстане, в Киргизии, душа и сердце у всех там – в горах Северного Кавказа.

Автопробег закончился там же, где и начался – на площади перед Мемориалом. Встреча была радостной, особенно для старших его участников. Многим из них за 70 лет, и выдержать такую дорогу для них – это просто подвиг. Хотя, наблюдая за ними, понимаешь – то поколение способно и не на такое. Жизнь спрашивала с них круто и безжалостно, но они не дрогнули. Мы так, наверно, не сможем...

Нальчик – Астрахань – Бишкек – Иссык-Куль – Алматы

ПОТУСТОРОННЯЯ ИСТОРИЯ ОТ ПАВЛА НАЗАРОВА

В ходе поиска в интернете материалов по истории Кабардино-Балкарии мы наткнулись на сайт agartis.narod.ru. Вначале не могли понять, что он из себя представляет, но, вчитавшись, познакомившись поближе, осознали – в наше время, рядом с нами жил и творил человек, сумевший заглянуть в прошлое и отразить его в удивительных и загадочных трудах. Речь о Павле Григорьевиче Назарове, авторе 25 книг и 50 статей по древней истории и мифологии. Большинство из них являются составной частью грандиозного труда о ведической Арте, под которой автор подразумевал вселенскую правду, порядок и совершенство.

Наберитесь терпения и прочитайте, как анонсируется этот проект: «В книгах дана история авестийской Арты, ведийской Артхи, античного совершенства Арти, эллинской доблести Аретэ, Астарты Артемиды Ортигии, римского Арта, авестийской империи Артаксерксов, Артакидов и Арташесидов, шумерской Аратты, ахейских стран Артавы и Дадонской Арты, еврейской Арцы, арабской аль-Арды, стран Ур-Арту и Суб-Арту, ведийской Арьяв-Арты, росоманской Аорсии, Древнерусской Артании и беловодской Агарты-Шамбхалы, учения буддийского Сиддх-Артхи и британского Артура»...

Прервемся, потому что это описание лишь малой части того, что затронуто в означенном труде, написанном, кстати, в стихотворной форме, охватывающем практически всю мировую историю, содержащем энциклопедический массив событий, имен дат. Тех самых фактов, которые, будучи простым человеком, невозможно изучить, постичь, узнать, если только... Если только тебя не отметила десница высших сил. Если тебе не помогли, не подсказали, не направили.

Не спешите нас упрекать в ереси, давайте попытаемся понять, откуда автор мог знать (или не знать – домыслить) то, что касается истории адыгов. Он, никогда не бывавший на Северном Кавказе, не читавший этнографических трудов, не знакомый с обычаями, традициями, менталитетом народов, населяющих регион.

Впрочем, о его биографии мы поговорим ниже, а пока обратимся к 26-й книге ведической Арты, которая называется «Анналы Иналидов: черкес-койсакская Урда от Тригарты и Ардилана до Эордии и Артабрии (1020–1690)» и атрибутирована как вышедшая в Челябинске в 2006 году.

Анонс ее гласит: «О внешней и внутренней политике Гуридского гулямского Делийского султаната (урды) – как восточного крыла Киргиз-койсакской орды, и Египетского мамлюкского султаната – как западного крыла Черкес-косоградской или Черкас-казакской артели».

И далее: «Книга написана в традициях средневековых мусульманских анналов-летописей черкесской династии иналидов и является приложением к 25-й книги («Севериаде»), посвящённой Агартису и его пращурам: жанейским, козожским и чигирским мореплавателям афаджанам из рода «Кармоко-Ларуноко»; иналидам: Кармокоевым, Егуновым-Кансуоковым и Чихириным, их контактам с антами, суварями, северами, севрюками, саварами и саварками»...

Понятно, рядовому читателю сложно пробраться через подобного рода терминологию, поэтому обратимся непосредственно к текстам, насыщенным обилием исторических реалий и имен.

Итак, третья глава, озаглавленная «Кабарда и иберы...». Напомним, иберы, по античным источникам, восточно-грузинские племена, жившие на территории Иберии (Восточная Грузия).

Раздел 390: Кабарду пшир / Инал основал. / В тлашкателеву / Честь так назвал. / Тлашкатели / Князьями там слыли. / Орки тоже / Князьями там были. / Тлашкателям / Они подчинялись. / Тлашкатели же / Пши поклонялись.

Как известно, генеалогические предания кабардинцев считают князя Инала родоначальником кабардинских, бесленеевских, темиргоевских, хатукаевских и части хегакских княжеских родов. Согласно легенде Инал прибыл на Кавказ из Египта, более того, по арабско-турецкой версии считается, что он и мамлюкский султан Инал из черкесов, правивший в Египте с 1453 по 1461 год, – одно и то же лицо. Известно, что верховный князь Кабарды середины XVI века Темрюк (Кемиргоко) считался правнуком князя Инала.

Относительно же сословного деления адыгского общества, обратимся к статье «Привилегированные сословия Кабардинского округа (Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3, Тифлис 1870): «Собственно в Большой и Малой Кабардах существуют следующие сословия: ворк (благородный) и пшитль (неблагородный). К первому сословию относятся: пши, вид его – тума, тлакотлешь джинуго, беслен-ворк и ворк-шаотлахуса; ко второму: пшекеу, азет, логанапут, ог и унаут». А вот что писал Хан-Гирей: «Наименование пши (князь) произошло от слова «Нахипш» или «выше», который на черкесском языке употребляется обыкновенно для означения высшей степени достоинства. Естественно, что люди, повиновавшиеся, почитали тех, от которых были в зависимости выше себя достоинствами, а потому это название присвоилось классу, облеченному верховною властью».

Раздел 445: Анты от / росоманов пошли. / Анты те – / роксаланов сыны. / Все адыги / от антов идут. / Их касогами / ныне зовут.

Перед нами словно цитата из труда Шоры Ногмова «История адыгейского народа». А вот как ее дополняет П. И. Ковалевский, автор книги «Народы Кавказа» (1914): «Кабарда происходит от древних антов, что доказывается многими данными кабардинских поэтических преданий, памятников и слов. Греки называли кабардинцев «черкесами». Пребывание антов, кабардинских предков, на

нынешнем Северном Кавказе, доказывается свидетельством многих арабских, греческих и римских писателей».

Раздел 461: Те хоть крепости / Фряжскими были, / В городах / Византийцы тех жили. / Греки в них / И армяне селились, / Караимы, евреи, / Ютились. / Много турок / И руссов жило. / Фрязей в Кафе / Семьсот лишь было. / То купцы да / Епископы были, / Всеми урбами / Руководили... / Православными / Греки являлись. / Униатами / Эллины звались... / Чгук католиком / Зваться был рад, / Православный хоть / Был униат... / Там жанец / Епископом был, / Католичеством / Фряжским рулил. / Жан тот / Архиепископом слыл. / Жан де Зих тот / Жаневцем звался. / Жан викарием / Папы являлся. (1349) / Жан Жану-страну / Зихией звал. / В честь неё / И фамилию взял.

Каффа (Кафа) – так называлась античная Феодосия – во времена средневековья один из самых многолюдных городов Черноморского побережья, в основе роста которого лежало соперничество итальянских городских республик Генуи и Венеции. Знаменитый торговый центр – через него проходил Великий шелковый путь, многолюдный город. По запискам баварского путешественника Иоганна Шильтбергера (1380 – не ранее 1438), автора «Книги путешествий» о скитаниях в Малой Азии, Египте, Средней Азии, Сибири и на Кавказе, в Каффе насчитывалось в начале XV века 21 тысяча домов, а этносостав был обширнейший: употребляя современные понятия – греки, армяне, болгары, евреи, русские, аланы, зики. Об этом подробно пишет А. Л. Пономарев, автор удивительной по информационной насыщенности «Население и территория генуэзской Кафы – по данным бухгалтерской книги Массарии – казначейства за 1381-1382 гг.».

Раздел 464: Янычары ж, что / В фортах селились, / С мамлюками, / Черкесами слились. / Бесланейцы ж / Адыгами звались, / К морю из-за / Хребта не спускались. / Возле моря / Жанейцы там жили, / Братом старшим / Беслановцам слыли. / За Бесланом ж / Цвела Кабарда – / Тоже это – / Адыгов страна.

Здесь и далее Павел Назаров дает всестороннюю картину расселения адыгского этноса, которая по большому счету и в комментариях не нуждается, за исключением одного: автор и представления не имел кто такие абадзехи, бесланевцы, бжедуги, жанеевцы, егарухаевцы, мамхяговцы, махосевцы, натухайцы, темиргоевцы, хатукаевцы. Допускаем, что из 12 основных адыгских племен он мог знать только о кабардинцах и шапсугах. Как и об абазинах, шапсугах, убыхах, абхазах, но с такой детализацией, орографией расселения, употреблением топонимов...

Раздел 465: Все народы ж, / У Понта что жили, / Все адыгами / Вовсе не слыли, / Хоть им старшими / Братьями звались – / Как «абаджи», / «абаски» писались, / Абазинами, впрочем, / Не были, / Хоть и братьями / Тоже им слыли... / С юга все / От абхазов пришли. / Их касогами / Тут нарекли. / Прежде Зихией / Жану их звали. / Как «Казахию» / Зиху писали... / Все шапсуги ж / На юге остались. / Все

жанейцам / Родней ближней звались. / Их апсилы ж, / Абаски родили. / Их абаджами ж / Всех окрестили... / Дальше к югу / Убыхи селились, / Меж абхазов, / Абаджей теснились. / Те абаджами уж / Не являлись, / Но абхазами / Тоже не звались... / Там ахейцы ж, / Аше, проживали. / Возле Сочи ж / Шаше обитали, / Всех убыхов / Родней величали... / Те убыхи ж / Вокруг Туапсе / Возле берега / Жили уже. / Там Аше рядом, / Речка текла. / То ахейцев / Была уж страна.

Кстати, многие исследователи считают, что Сочи происходит от названия одного из убыхских племен шача (шьача), проживавшего в междуречье Хосты и Шахе. Шапсуги и сегодня называют Сочи Шъачэ (Шъаше) – также, как Павел Назаров...

Раздел 541: Мы адыгами, / Антами были, / Псёл «водой» / По-адыгски крестили. / Псёл «апсу» мы, / Водой, зовём, / Ту-апсе / «двое-водьем» рекём. / То в Шумере мы / Имя приняли, / Там Апсу, / Мать воды, почитали. / Мы в Суб-арте / Тогда проживали.

О том, что означает название Туапсе, нет однозначного мнения, но основные таковы: «место апсов (абхазцев)» и «две души» или «две реки (воды)» или «двуречье». У Павла Назарова это звучит поэтичнее: двоеводье. Кстати, вода по-кабардински «псы», а душа – псэ». Последнее переводится еще как «наличие жизни».

Раздел 542: С нами анты. / Аорсы сроднились, / В севрюков мы / Орду превратились. / До Севера уж / Флавия нас (305) / Зрел на северных / Склонах Кавказ. / Плиний нас / На Кавказе застал. / Плиний Старший / О нас написал. / Нас «северами» / Плиний назвал... / Птоломей нас / Потом изучил. / Нас «суварами» / Птол окрестил. (300) / Птоломей нас / «саварами» звал, / Имя «сервиев», / «сервов» нам дал. / Нас «саурами» / Также писали. / Саувиру мы / Родиной звали. / Меотиду мы / Всю заселили, / По-северски мы / Песни учили.

Считается, что савиры (сабиры, савары, сувары) – группа кочевых племен первого тысячелетия нашей эры. Из военных хроник (очень немногочисленных), следует, что савиры являлись серьезной военной силой на Северном Кавказе, не раз осуществляли набеги на Византию. Последняя старалась использовать их в качестве наемников: именно савиры научили византийцев строить переносные тараны с помощью которых последними был взят город Петру.

Раздел 543: Как Агартис / Великий писал, / Заберган к нам / Болгарский примчал. (25 кн) / Хан северов всех, / Антов сплотил, / На Дунай след / Бояну отбыл. (560) / Синдилих след / За братом подался, / Антов, северов / Набрать постарался. / После булгров / Кубрат возглавлял. (632) / Хан Кубрат / Аспаруха зачал. / Аспарух уж / Дунай перешёл. / Мёзу, Фракию / Хан там нашёл. / Там Болгарское / Царство возникло. (688) / Антов племя там / Жить уж привыкло. / Анты в Сербию / Уж проникали, / Там склавинии / Уж покоряли. / Только тесно там / Антам всем было. / Племя антов, / Северов решило / Вновь на Дон, / На Кавказ возвратиться, / На Тамани / В Анапе селиться.

Есть такой болгарский кинофильм «Хан Аспарух» (режиссёр Людмил Стайков, 1981) – историческая драма, воспроизводящая события, предшествующие и сопутствующие созданию Болгарского государства. Аннотация к нему достаточно полно освещает события тех лет: «После смерти хана Кубрата (около 665), его империя распалась, поскольку была разделена между его сыновьями. Старший сын Батбаян унаследовал Великую Болгарию, но после ухода своих братьев с отдельными племенами был покорён хазарами. Второй сын, Котраг, с племенем котрагов ушел в Среднее Поволжье и основал государство Волжская Болгария. Аспарух унаследовал племя оногондуров и под давлением хазар откочевал со своей ордой за Дунай. Найдя поддержку в славянских племенах и, покорив несогласных, он завоевал у Византии Добруджу и в 679 году основал Первое Болгарское царство, заключив союз с местными семью славянскими племенами. После тщетных попыток византийского императора Константина IV покорить болгарские земли, он признал Болгарское царство в 681 году».

В другой аннотации, повторяющей все сказанное выше, уточняется: «Третий брат ушел на Кавказ – это Кабардино-Балкария». В статье И. Ангелова, председателя движения «За восстановление исторической памяти болгар» читаем: «Государство, созданное Кубратом, просуществовало с 632 по 668 г. н. э., не зная ни единого военного поражения. Напоминанием об этой древней Булгарской державе сегодня являются... развалины крепостей в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии».

И у него же: «Старший сын Кубрата хан Батбаян блестяще выполнил завет отца. Как старший в семье взял на себя самую трудную задачу, благодаря чему народ выжил, обрел в разных частях света новую родину, где предки болгар живут и поныне. История как-то умалчивает о заслугах Батбаяна, о нем известно, что нынешними потомками его племени утигуров являются кабардино-балкарцы и карачаево-черкесцы... Мы, потомки всех Болгарий, находимся в неоплатном долгу перед памятью этого великого болгарина и его малочисленным племенем утигуров и их потомками – кабардино-балкарцами и карачаево-черкесцами». (Простите, но так у автора, которому, судя по всему, неизвестно, что речь идет не об одном, а о разных этносах – *авт.*)

Все то же, но схематично и куда как более емко описал Павел Назаров.

Раздел 544: Так за Дон / Двести тысяч вернулось. (764) / Племя антов, / Северов сомкнулось, / Со склавинами / Перемешалось, / Уж болгарами / Чёрными звалось... / Там «антыгами» / Анты уж стали, / После имя / «адыгов» приняли... / Патриарх то / Никифор узнал, / В Цареграде / Про нас написал: / «Вновь в Артану / Северы прибыли, / Ясов всех / И алан захватили.» (764) / Он «Артаной» / Задонщину звал. / Дон Танаисом ж / Он нарекал...

Раздел 557: ...На Дону / Кара-булгры селились, / Черно-булгра-

ми / Там окрестились. / Карачай и Болкар / Уж от них, / От северов / К Эльбрусу проник. / Кабарда там / С Черкесом не жили. / Карачай и Болкар / Там лишь были. (764-1427).

Раздел 565: Вдруг варяг / Святослав появился, / Саракел-град / Спалить изловчился. (965) / Тамутарху / Варяг захватил. / Град князь / Тьмутаракань заложил. / Чёрных с Дона / Булгар князь согнал, / На северов / Болгарских помчал. (970) / ...Булгры чёрные / В Киев ушли. / Там черкасами / Стали они. / На Донце, / На Осколе селились, / С севрюками там / Все породнились»... – / «Беренджер» – / Варачан так писался. / Берендейский народ / Там зачался. / От савар род, / От варов их шёл. / В Варачане том / Гуннский был стол. / Берендеи / Саварами слыли, / Все борускам / Собратьями были. / Перундеями / Их нарекали. / Все Перуна / Они почитали.

Раздел 567: ...Берендеи / Болгарам служили, / Коней в Истре / Болгарском поили, / Казаками, / Мамлюками были... / В Варачан они / Не возвратились, / В Кабарде / «Беренджер» расселились...

Раздел 568: Беренджеры / С мадьярами жили. / Все к мадьярам / На Дон уж отбыли. (880) / Град Маджар / В Кабарде их стоял. / Град мадьярских / Купцов принимал... / Берендеи же / В Киев пришли. / Там черкасами / Стали они.

В этих поэтических текстах находят объяснение многие исторические загадки: в частности, появления экзоэтнонима черкасы; зарождения Тмутараканского княжества (русского княжества, существовавшего в X–XII веках на Таманском полуострове, обитателями которого были касоги, аланы, русы, хазары, гоеки, обезы (абазинцы); истории Маджара – одного из крупнейших золотоардынских городов в XIII–XVI веках на Северном Кавказе, находившегося на месте нынешнего Будённовска – центра пересечения транзитных торговых путей из Закавказья в Северное Причерноморье и Поволжье. Путешественник XIX века Евгений Зичи, исследователь венгеро-черкесских связей, автор работы «Миграция венгров» сделал вывод, что (цитируем по газете «Новое обозрение № 4685 за 1897 год): «Последующая история гунно-мадьярских народов говорит, что раса эта была разбита на 3 части: одна часть направилась к западу и образовала венгерскую нацию, которая сохранила свой язык в течение десяти веков, вторая – к северо-востоку и смешалась с народами того края, там, где живут ныне башкирцы; третья вернулась на Кавказ, во-первых, потому, что он почти в течение 8 веков служил местопребыванием мадьярской расы и, во-вторых, потому что еще, что Кавказ, – это страна, которая в течение веков служила убежищем стольких других народов, что это дает мне возможность предполагать искать именно здесь остатки древних мадьяров, сохранившихся до наших времен.

Граф Зичи сам лично нашел поразительное сходство собственных имен венгерских и некоторых из кавказских племен. Кроме всего этого, он нашел на расстоянии 150 верст к западу от Каспийского моря, на берегу реки Кумы, развалины известного в древно-

сти города по названию Великий Маджар (маленький Маджар) и маленькую территорию, название которой соответствует среднему Маджару; потом, на расстоянии 2-часового пути оттуда, находится озеро Маджар-су (вода венгерская). В 6 верстах к западу от Сухум-Кале есть река от 60 до 80 верст длиною, которая называется также Маджаром».

Вот такие исторические реалии. А ведь есть еще и бытовые! Чего хотя бы стоит пассаж об одежде черкесов. Напомним только, что фашэ с кабардинского означает костюм, платье, наряд. Ассоциируется это слово и с черкеской. У современной адыгской поэтессы Ларисы Шебзуховой читаем: «Как прекрасна кавказская фаша – / Утонченный веками наряд. / В ней кавказская выправка наша. / В ней особый кавказский заряд. / В строгих линиях – четкость пропорций, / Благородство и скромность души. / Стать горянки, подтянутость горца. / В горской фаше все хороши!».

А есть еще песня «Адыга-фаша (черкеска)», а в ней припев: «Слава Кавказа, знамя Кавказа – адыга-фаша. / Наша одежда, наша надежда – адыга-фаша».

Раздел 593: «Князи-орки мундиром, / «фаше» щеголяют. / Все оргузы «фаше», / Тот мундир, почитают. / Честь мундира блюдут / Орки, держат фасон. / Наш «фасон» от «фаше» / Тех касогов рождён... / Те черкески уж орки / Же сорок веков / Чтут, приняв их от древних / суб-артских богов. / В тех черкесках в Суб-Арту / Хурриты служили, / В помощь хаттам, касситам, / Гиксосам ходили. (3000-1530).

Раздел 594: По весне каждый орк / Свой «фаше» обновляет, / Пред артелью узденей / В «фаше» щеголяет. / Те уздени дворянами / Орков слывут. / Все в дружине дружинники / Дружно живут... / Все уздени коня лишь / Да саблю имеют, / Саблей хлеб добывают, / Не жнут и не сеют... / Орк в мундире прекрасном / Их в битвы ведёт, / В красной яркой рубашке / Как роза цветёт! / Все уздени с восторгом / На орка взирают! / От восторга аж очи / Узденей сверкают!

Раздел 595: Коль уздень вдруг фасон / Тот похвалит, любя – / Орк рубашку тотчас же / Снимает с себя, / Узду дарит «фаше», / Кодекс чести храня! / Сам же снова черкеску / Орк шить начинает. / До того же орк старый / Фаше одевает... / Орки хуже узденей / Бывают одеты: / Быстро шить невозможно / Черкески же эти...

Раздел 596: Но уздени хабзу, / Аретэ соблюдают, / Одеяния орков / Хвалить избегают, / Чтобы орк им рубашки / Свои не дарил, / Чтобы сам орк в рубашках / Атласных ходил... / Если орк всё ж рубашку / Дарить начинает: / Приглянулась узденю та, / Орк замечает – / Вмиг уздень отвечает: / «Ты мне не дари, / Сам в черкеске своей ты / Прекрасной ходи», – / Щедрость орка так узд / Ограничивает, – / «У тебя же другого / Фаше ещё нет!».

Раздел 597: ...Дар принять целый час / Тот уздень не желает. / Наконец орк фаше свой / Узденю вручает. / Сам орк в старой черкеске / На битву летит – / Лишь оружие златом, / Рубином горит.

/ Лишь сапожки прекрасные / Маком сияют, / Золотые застёжки / Алмазом сверкают... / Эти красные только, Свои сапоги / И оружие орки / Дарить не вольны... / Все уздени чубы, / Как и орки, имеют. / Остальную же голову / Орки все бреют. / Гур Кансуху мамлюку / Они подражают, / В шароварах, чубах, / Как Кансух, все сияют.

Не правда ли, поразительное знание черкесских обычаев и традиций! У человека, который по причине своих интересов и обязанностей практически не имел представления об адыгах. А ведь мы процитировали лишь малую часть – меньше 20 из сотен разделов, посвященных адыгам.

На сайте Южно-Уральского государственного университета размещена достаточно подробная биография П. Г. Назарова. Она, написанная, без сомнения, самим автором, оставляет довольно странное впечатление. Впрочем, судите сами: «Родился в 1962 г. в Саймановой долине, в Сунгурских горах, у Старомедного поселка, севернее г. Карабаш Челябинской области... В детстве маленький Павлик никогда не играл с другими детьми и не безобразничал, но много читал или путешествовал по окрестным горам. В 1977 г. начал составление «Всемирной летописи всех стран и народов» и «Хроники правозащитного движения в СССР». В качестве источника – регулярно прослушивал около 20 зарубежных радиостанций, вещающих на русском языке. Делал ежедневные записи по каждой из 200 стран мира. К 1980 г. «Летопись...» насчитывала уже тысячу страниц».

Некая ирреальность, а если уж быть совсем откровенными – неадекватность ощущается при чтении этих строк даже несмотря на то, что они обрамлены реалиями советской действительности тех лет: школа, оконченная с золотой медалью, учеба в Челябинском госуниверситете, во время которой начал писать «Всеобщую летопись Древнего мира и Средних веков». Но трудовая деятельность в качестве лектора-международника в обществе «Знание» сменяется преподаванием балетных танцев в школе, далее учебой в аспирантуре МГУ, перестроечными событиями и непосредственным участием в них (был делегатом учредительного съезда Демократической платформы в КПСС, участвовал в защите Белого Дома от гэкачепистов). Но, решив, что «все цели демократизации России достигнуты, ушел из политики на позиции ведической созерцательности».

Созерцательность эта тем не менее вылилась в защиту в 1991 году кандидатской диссертации, подготовку докторской («Российская артельность и промысловая кооперация (от древнерусской Арты до 1960 г.), работу в Южно-Уральском госуниверситете старшим преподавателем, доцентом, старшим научным сотрудником, а с 2002 года, после переподготовки в Институте повышения квалификации работников высшей школы по специальности «веб-дизайн и интернет-технологии», – методистом по современным информационным технологиям Центра гуманитарных и социально-экономических дисциплин ЮУрГУ. Потрясают финансовые детали этих

должностей: на четверть ставки методиста, на четверть ставки секретаря-машинистки...

Сведениями, которым уже более десяти лет, биография и заканчивается. Но на одном из сайтов мы нашли ее не очень радостное продолжение: «В самом начале Эры Водолея (считается, что эпоха Рыб закончилась в 2003 году – *авт.*) П. Г. Назаров был зверски замучен в системе карательной психиатрии КГБ СССР. Возможно, перед смертью он был освобождён и умер от голода или замёрз на улице, лишённый жилья, одежды и пищи. Накануне смерти П. Г. Назаров оставался в сознании, и успел переправить часть своих книг в Интернет. Рукописи его прочих 50 томов, возможно, до сих пор ещё хранятся где-то в мрачных казематах уральских психиатрических клиник, но представляют собой лишь планы поэтических творений, а не сами эти шедевры, ибо основная часть этих поэм хранилась в памяти П. Г. Назарова, а не на бумаге. Так же лишь планами-конспектами являются размещённые тут 11-23 книги П. Г. Назарова».

«Смерть» – так озаглавлен этот раздел биографии человека, который называл себя «блаженный юродивый старец Агартис». И как будто верить сказанному надо, но верится с трудом. Уж очень много в данной трактовке эмоций при полном отсутствии фактов. А самое главное, остается неясным ответ на вопрос, что перед нами: грандиозная мистификация, бред душевнобольного человека или провидение, которое ему выпало донести нам.

В этой связи напомним значение последнего термина: *провидение* – есть целесообразное действие Высшего Существа, направленное к наибольшему благу творения вообще, человека и человечества в особенности.

Мы склоняемся к последнему, ибо в творениях Павла Назарова – сумасшедшего на взгляд окружающих и юродивого (то есть, мнимого безумца) по его собственному определению – есть нечто, что заставляет верить: его рукою водили те, кто знает больше, чем мы, видит дальше, оценивает глубже. В силу того, что им открыто прошлое, то информационное поле, в котором собраны сведения о мире людей с его зарождения.

И в этом контексте нам кажется, что П. Г. Назарову был дан особый и редкий дар – общения с потусторонним миром посредством автоматического письма. Термин этот обозначает способность писать осмысленные тексты вне сознательного контроля за этим процессом, причем не только в состоянии гипноза или транса. Ученые, изучавшие этот феномен, особенно в период увлечения спиритизмом, пришли к выводу, что «автоматическое письмо» представляет собой возникший в особых состояниях сознания доступ к бессознательному. Таких фактов известно великое множество. Считается, что русская писательница В. И. Крыжановская (1861–1924) создала свои произведения (множество исторических и оккультных романов: «Два сфинкса», «Железный канцлер древнего Египта», «Сим победиши», «Геркуланум», «На соседней планете», «Адские чары»,

«В ином мире». «Дочь колдуна», «В царстве тьмы», «Мертвая петля» и др.) методом автоматического письма.

Мало кто знает, что британец Вальтер Скотт свои романы начал писать в пятидесятилетнем возрасте, причем создавал их с невероятной скоростью. Осталось свидетельство одного из современников, Уильяма Лейдло, который рассказывал, что «в его присутствии за неполных три часа были написаны без исправлений и помарок более сорока страниц убористого текста».

Сам Вальтер Скотт утверждал: «Порой мне кажется, что рука у меня пишет сама по себе, независимо от головы». А вот что писал доктор теологии Самуэль Никольсон в статье «Явленные шедевры»: «Нет сомнения, что наш великий соотечественник находился под постоянным влиянием какой-то светлой сущности, направлявшей его труды. Правы были современники, считавшие создание такого количества произведений физически невозможным. Лишь высочайший духовный порыв, не всегда осознаваемый самим творцом, позволил сделать это. Ему сопутствовала помощь каких-то высших сил, которые осуществляли особое предназначение».

Впрочем, зачем далеко ходить – феномен автоматического письма помогает творить и одному из жителей нашей республики, создавшему за последние годы целый цикл произведений по истории адыгов и хеттов, вышедших (в силу его материальных возможностей) отдельными книгами. Мы видели написанные им собственноручно рукописи – солидные кипы листков, заполненных строчками сверху донизу без всякого намека на знаки препинания. Более того, провели своего рода эксперимент, когда в нашем присутствии означенный имярек мгновенно, опираясь на кодовые слова, создал афоризм, из него – стихотворение, а последнее воплотил в притчу. Готов был писать и дальше – произведения более крупных форм... И, к слову, пишет, одно за другим.

Кстати, кодовые слова были такими: колесо, время. А афоризм, родившийся на их основе, звучал так: прошлое – это ось, которое крутит колесо будущего. Оцените.

...Нам никогда не узнать, кто водил рукой Павла Назарова, восстанавливая перед ним вехи истории адыгов, как и то, сколько в этих хабарах правды, а сколько выдумки. Но сам факт, что в созданной им грандиозном (от себя добавим – непонятом современниками) труде о ведической Артерте народу этому посвящена целая книга, говорит о многом.

Юрий ГОНГАПШЕВ

ПРОСТОЕ ЧУДО

Болезнь прогрессировала с чудовищной скоростью. Диагноз, поставленный ей два месяца назад, который, по сути, являлся приговором, подтверждался во всех деталях. Она уже не вставала. Жизнь из нее выходила по каплям, а надежда угасала с каждым следующим часом. Схватка с ужасным недугом была почти проиграна.

Дикие боли, подавляемые «лошадиными» дозами морфия, которые ей кололи едва ли не через каждые два часа, перемежались с состоянием то панического страха перед неизбежным концом, когда ее буквально трясло, лихорадило от одной мысли о смерти, от этой черной пропасти неизвестности, то полнейшего равнодушия ко всему, некоего оцепенения и ухода от реальности. Но в короткие моменты полной ясности ума в ее воспаленном мозгу проносился калейдоскоп лиц и событий из прошлого в каком-то потрясающе приятном сиянии, и тогда ее охватывало острое желание жить, сродни жажде, которую ничем уже нельзя было утолить. В конце концов было обидно уйти так рано, на самом взлете, в неполные шестнадцать, толком еще не пожив, даже по-настоящему ни разу не испытав самого утреннего из чувств.

Ей, конечно же, никто не говорил о безнадежности ее положения, все кругом пытались ее подбадривать, поддержать дух и все такое. Но она чувствовала приближение конца по собственным ощущениям и читала по лицам близких и врачей. И их нарочито оптимистичные речи, сквозь которые сквозило плохо скрываемое сочувствие, выглядели неуместно и нелепо и скорее раздражали, чем помогали.

Сказать, что за ее жизнь боролись, значит ничего не сказать. Лучшие столичные клиники, дорогостоящие препараты, медицинские светила, экстрасенсы, даже маги и гадалки. Перепробовали все, пока не кончились деньги. И вот теперь девочка умирала в богом забытой районной больнице, у которой не было ни сил, ни средств, чтобы хоть как-то продлить ее сочтенные часы. Болеутоляющие, снотворные, принудительное питание через катетер лишь усугубляли течение болезни. Утренние осмотры и консилиумы носили уже формальный характер, местные эскулапы, беспомощно разводя руками, в очередной раз делали совершенно бессмысленные назначения. Совсем недавно цветущее тело иссыкало и таяло, превращаясь в скелет, обтянутый бледно-желтой кожей: сейчас в ней, вероятно, было не более тридцати кило. По молчаливому сговору и под разными предлогами ей последние недели не давали зеркала, слишком уж жалкое отражение она могла там увидеть.

И на родителей страшно было смотреть. Они словно постарели

на два десятка лет, не меньше. Бесконечно длинные в своем однообразии дни и бессонные ночи у постели умирающей дочери, жуткая мысль о том, что они неминуемо ее теряют, осознание собственного бессилья, превратили их в почти призраков. Смертельно-белое, осунувшееся лицо отца, безвольно опущенные плечи, он как-то весь ушел в себя. Изможденный, затравленный взгляд матери, которая то откровенно и цинично богохульствовала, проклиная небо за то, что оно так скоро и несправедливо забирает жизнь у той, которая, как никто другой её заслуживала, то неистово и одержимо молилась Господу о ниспослании счастливого спасения своему невинному единственному ребенку, в которое она, чего там греха таить, уже и не верила.

Когда же боль возвращалась, а вместе с ней – отчаяние, девочке больше всего на свете хотелось умереть. И вот в такие моменты вязкая, тягучая мысль о смерти не казалась столь уж страшной. Пару лет назад в каком-то ток-шоу по телевизору она слышала разговор об эвтаназии. Тогда она была ее безусловной противницей. Как так можно? Что за малодушие? Добровольно согласиться уйти из жизни, пусть даже ради избавления от страданий себя и своих близких! Бред какой-то! При любых обстоятельствах нужно бороться до конца, так она тогда считала. Она и предположить не могла, что эта участь так скоро коснется её самой. Теперь гуманность эвтаназии для нее была ясна и очевидна, особенно если воспринимать смерть как переселение в мир иной, что наверняка лучше, в мир, где нет боли и мучений. Но было жалко оставлять родителей, чьим единственным утешением и надеждой она пока оставалась. Жалко было и себя. Она завидовала всем, которые могли продолжать жить, всем, кого она когда-либо знала и всем, кому до неё не было дела...

Тело признало свое поражение, а мозг все еще не сдавался, только поэтому она все еще была жива.

Сегодня вечером ей стало особенно худо. Организм полностью отказался дальше бороться, сознание провалилось в глухую черную бездну беспомощности. Это был конец... Суетливые, но совершенно бесполезные телодвижения и манипуляции персонала, безумные метания родителей по палате, их беззвучная истерика – всего этого она уже не видела и не слышала. Мозг умирал, сердце же упрямо, по инерции, продолжало работать. Сколько времени могла продолжаться эта агония – десять минут или целые сутки, никто не знал. Но чем все это закончится – никто уже не сомневался.

Вдруг она очнулась от легкого прикосновения. Через сомкнутые веки угадывалось чье-то присутствие. Налитое свинцом тело никак не реагировало. Но откуда-то изнутри к горлу подкатывала теплая волна необъяснимой эйфории. Она заставила себя открыть глаза, во всяком случае ей так показалось – в палате, до тошноты знакомой ей каждым своим углом, никого не было. «Куда все делись?» – мелькнула мысль, словно ей не принадлежавшая. Такая же посторонняя и равнодушная следующая мысль шепнула: «Скорей всего я

уже не здесь, не в этом мире, либо ТАМ, либо на полпути ТУДА» Удивительная ясность сознания и полное отсутствие боли и усталости – тому явное подтверждение. «Так вот ты какая, смерть!» – она сама себе удивилась: никакой паники, напротив, все нарастающий сладостный восторг. «Отчего ее так боятся? И вовсе она не похожа на страшную костлявую старуху, ее вообще не видно. А если она и есть, то, должно быть, весьма очаровательная дама. Стоп! Но где же тоннель, яркий свет, что там еще бывает? Ничего похожего».

Какой-то толчок вывел ее из этих раздумий. Она огляделась – никого. Вдруг в полумраке палаты буквально вырисовался чей-то силуэт, из пустоты, как спецэффект в кино. Она не могла разглядеть лица из-за яркого завораживающего нимба, который его окружал. Незнакомец-фантом жестом показал, что она должна следовать за ним. Она молча, сама себе удивляясь, повиновалась. Захватив с собой по-прежнему казавшееся чужим тело, она вдруг воспарила. Машинально посмотрев на себя, обнаружила, что совершенно нага, и это новое обстоятельство почему-то нисколько ее не смутило, тем более, что тело было прекрасно в своей невинности. Ей вспомнилось путешествие Маргариты на бал к Воланду, прямо один к одному. Она выпорхнула в открывшуюся перед ней дверь и оказалась на залитой солнцем лужайке. Ослепительно синее небо, мягкий ковер разнотравья под ногами, издающий душистый запах, который, казалось, можно потрогать, прозрачный, кристально чистый ручей поодаль, веселый щебет пестрых птиц и... ОН, сидящий на белом коне сказочной красоты, который чутко реагировал на малейшие движения своего гордого седока. ОН ловко, одним махом, спешил и направился к ней. Наконец-то она ЕГО разглядела: это был белокурый юноша примерно ее лет, с правильными чертами лица, с глазами цвета того самого неба, которое сейчас покровительственно распростерлось над их головами. Только теперь она впервые почувствовала смущение и неловкость из-за своей наготы, которые, впрочем, как-то сразу испарились, как только молодой человек заговорил.

«Привет! – коротко он произнес, словно говорил со старой знакомой. – Наша встреча устроена не нами, мы тут точно ни при чем. Мы никогда раньше не встречались, и наши пути не разу не пересеклись, у меня у самого миллион вопросов».

После некоторого замешательства она вдруг выпалила: «Кто-нибудь объяснит, что все это значит, где я, кто вы?»

Юноша все тем же спокойным тоном: «Поверь, я и сам не знаю. Вряд ли можно происходящее объяснить рационально, может следует воспринимать все как ЧУДО, как ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО. Послушай, у нас мало времени, поэтому постарайся быть внимательной, ничего не упускай».

Она не нашла что ответить, зато остро почувствовала, как нарастает симпатия и еще что-то, чему она пока не придумала определения, к юному собеседнику.

«Мы должны быть вместе, и это обязательно должно рано или

поздно произойти, – уверенно произнес он. – Не могу объяснить, откуда и как я это знаю, считай по наитию, но я уверен, что тебе необходимо справиться с болезнью во что бы то ни стало».

Болезнь! Ее как током ударило: на секунду вернулись боль и отчаяние. «Нет!!! – решительно воскликнула она. – Я больше не могу, у меня нет сил бороться дальше. Я не хочу ТУДА возвращаться»...

«Не смей так даже думать, – отреагировал он. – Ты не имеешь права так уйти и не сделаешь этого, хотя бы ради тех, кому ты так дорога, и тех, кто так дорог тебе, и... еще... (наступила короткая пауза)... и ты так нужна мне», – произнес он, неожиданно покраснев.

От последних слов у нее закружилась голова, и внутри разлилось неведомое тепло.

Господи! Как же хорошо ей было сейчас. Между ними было всего несколько сантиметров, они чувствовали дыхание друг друга и не могли и не хотели отвести взгляда друг от друга. «Хоть бы это продлилось вечность!» – мелькнула сладостная мысль. И вдруг юноша к ней резко приблизился и – это было и неожиданно и ожидаемо одновременно – буквально впечатал горячий, но при этом целомудренный поцелуй в ее оставленные без присмотра губы. Дикое блаженство, она едва не задохнулась от восторга, на мгновение ей показалось, что она теряет сознание. «Мне пора», – его бархатный голос вывел ее из оцепенения. «Мне пора, – повторил он еще раз. – Мы обязательно увидимся, только дождись меня, прошу. Ты ведь тоже этого хочешь, разве нет?» – «Да, очень!» – прошептала она, хотя хотела это крикнуть. – «Отлично! Все будет хорошо, верь мне...» – и на ее глазах он постепенно стал растворяться в солнечном свете, пока не исчез совсем. «Не уходи!» – попыталась крикнуть она ему вслед, но его уже не было видно.

То утро выдалось необычайно светлым. Золотые солнечные блики играли, переливаясь, на стенах и потолке палаты. Она открыла глаза и узнала это невыносимое, постылое место, но теперь оно почему-то не было столь ненавистным. Рядом, свесив голову на грудь, вздрагивая, в какой-то совершенно неестественной позе дремала мама. Куча трубок разного цвета и диаметра, прикрепленных, казалось, к каждому сантиметру ее худенького тела, страшно мешали собраться с мыслями. Вдруг она решила, что это все ей больше не нужно и стала с каким-то остервенением выдергивать трубки из себя. И она была права, потому что чувствовала себя превосходно. Она действительно ощущала прилив непонятно откуда взявшихся сил, удивительную легкость и бодрость. Разумеется, она ровным счетом ничего не помнила о своем маленьком ночном приключении: ни Его слов, ни Его лица – совершенно стертый файл памяти.

Избавившись от всего, она тихонько прикоснулась к руке матери. Та вскочила буквально, как распрямившаяся пружина. Она увидела на подушке милое, родное, улыбающееся порозовевшее лицо дочери и не поверила своим глазам. Едва не лишившись чувств, она припала к нему и стала неистово его целовать, обливаясь слезами. «Мам, все в

порядке, все хорошо – и через секунду – Мам! У нас есть что-нибудь пожевать?» Мать чуть не задохнулась от счастья. Впервые за последние полгода дочка просила есть! Потом опьяневший от навалившейся радости отец, который все допытывался, не болит ли где что. Потом глубокомысленные выражения лиц врачей, которые никак не могли объяснить происходящее, тех самых врачей, которые ещё вчера вечером не давали ей ни одного шанса, хором утверждавшие, что такого не может быть, потому что не может быть никогда.

И действительно, динамика ее выздоровления была запредельной, ей становилось лучше час от часу. Вечером она уже могла встать. Через пару дней она бегала по коридорам. А через неделю она была готова к выписке.

Феномен! Мистика! Божий промысел! Что бы это ни было – результат был потрясающий. Болезнь отступила под натиском какой-то неведомой силы...

В то самое счастливое утро в тысячах километрах отсюда, в реанимационном отделении специализированного медицинского центра в городе N, из комы вышел молодой человек...

Они оба остановились за полшага, полсекунды до точки невозврата. Они сумели ОСТАТЬСЯ вопреки всему, даже вопреки здравому смыслу.

С этого момента они стали неотвратимо приближаться друг к другу. Ручейки их судеб обязательно должны были слиться в один мощный поток.

И это, несомненно, произойдет. Они встретятся, чтобы уже никогда не разлучаться. Разве они этого не заслужили?

*Элина БАЦЕВА,
студентка 4 курса ФГБОУ ВПО
«СПИИ», г. Железноводск*

Влияние кавказской действительности на становление Л. Н. Толстого как писателя

Кажутся несовместимыми с именем Л. Н. Толстого такие определения характера, как безалаберность, беспечность, которыми он сам определил свое состояние в Петербурге во время пребывания в высшем свете на балах, музыкальных вечерах, спектаклях. Несмотря на теплый прием повсюду, в том числе в доме декабриста П. И. Колошина, где он с детства был влюблен в его дочь Сонечку, будущий писатель чувствовал свою жизнь никчемной и пустой.

Он принял решение отправиться на Кавказ вместе с братом, который служил там в артиллерийском полку. На всю жизнь запомнилась Л. Н. Толстому эта поездка. От Саратова до Астрахани они плыли по Волге. Свои впечатления он отразил в части рассказа «История вчерашнего дня» – «Еще день (на Волге)» [1].

«О Кавказе Л. Н. Толстой прежде знал мало. Он представлял его себе по описаниям М. Ю. Лермонтова и Марлинского. Л. Н. Толстой был потрясен красотой Кавказа – величием гор, бурлящими быстрыми реками. Но больше всего ему нравятся жизнь и быт казаков, никогда не знавших крепостного права, их независимый, мужественный характер, особенно у женщин» [5].

На Кавказе Л. Н. Толстой своими глазами увидел войну и освободительную борьбу народа. Толстой считал, что русские ведут справедливую войну, но он был против жестокостей, применяемых русскими к горцам.

Среди горцев Толстой находит много замечательно смелых, самоотверженных, простых и близких к природе людей. В станице он познакомился с девяностолетним гребенским казаком Епифаном Сехиным, подружился с ним, полюбил его.

Обычаи, быт, народный фольклор вызывают у начинающего писателя живой интерес. Л. Н. Толстой слушал и записывал казачьи песни, смотрел на состязания джигитов, сам учился джигитовке.

Обычай кровной мести, который существовал у горцев и в ту пору, Толстой отразил в повести «Хаджи-Мурат» в чеченской песне:

«Высохнет земля на могиле моей – и забудешь ты меня, моя родная мать! Порастет кладбище могильной травой – заглушит трава твое горе, мой старый отец. Слезы высохнут на глазах сестры, улетит и горе из сердца ее.

Но не забудешь ты, мой старший брат, пока не отомстишь моей смерти. Не забудешь ты меня, и второй мой брат, пока не ляжешь рядом со мной.

Горяча ты, пуля, и несешь ты смерть. Но не ты ли была моей верной рабой? Земля черная, ты покроешь меня, но не я ли тебя конем топтал? Холодна ты, смерть, но я был твоим господином. Мое тело возьмет земля, мою душу примет небо» [6].

Хаджи-Мурат всегда слушал эту песню с закрытыми глазами, и когда она кончалась протяжной, замирающей нотой, всегда по-русски говорил:

– Хорош песня, умный песня [4].

Из этого отрывка нетрудно понять, что песня эта нравилась русскому офицеру так же, как и горцу Хаджи-Мурату.

Жил Толстой в казачьей станице Старогладковской, что на левом берегу Терека.

Военная служба на Кавказе была опасной. Шла война с горцами, предводителем которых являлся Шамиль. Л. Н. Толстой со своим приятелем, чеченцем Садо Мисербиевым, чуть не попали в плен.

Служба не стала для Толстого смыслом жизни. В первые месяцы пребывания на Кавказе он чувствовал себя одиноким и несчастным. В офицерском обществе, с его низкими духовными интересами, Л. Н. Толстой ощущал себя чужим. Ему было более уютно среди простых солдат, казаков. Будущий великий писатель вбирал в себя народную мудрость, простоту общения, сердечную доброту этих людей. Вольная жизнь казаков, непокорность, суровый, свободолюбивый нрав горцев все более восхищали молодого писателя. Он чувствовал непреодолимое желание запечатлеть увиденное, передать в образах героев новые чувства, мысли, переживания.

Именно на Кавказе Л. Н. Толстой сделал свой выбор – стал писателем.

Одна из основных черт его характера – недовольство собой, неуверенность в своем предназначении, в своем писательском таланте, прослеживается на протяжении всей его жизни. Но, видимо, это свойственно всем великим людям.

23 августа 1852 года Л. Н. Толстой записал в дневнике: «Мне 24 года, а я еще ничего не сделал. Я чувствую, что недаром вот уже восемь лет я борюсь с сомнениями и страстями. Но на что я назначен? Это откроет будущность» [1].

В письме родственнице Татьяне Александровне Ергольской с Кавказа в Ясную Поляну Л. Н. Толстой пишет: «... Не знаю, появится ли в свет то, что я пишу, но меня забавляет эта работа» [3].

Период пребывания писателя на Кавказе он называет «мучительным и хорошим временем».

«Я никогда и нигде не доходил до такой высоты мысли. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением», – скажет писатель, спустя годы [3].

Любовь к Кавказу, глубокий интерес к жизни горцев нашли отражение в произведениях Л. Н. Толстого «Детство», «Казаки», «Набег. Рассказ волонтера», «Рубка леса. Рассказ юнкера», «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный», «Записки маркера».

Кайсын Кулиев писал: «Толстой заинтересовался песнями горцев, читал их в записях, публиковавшихся в Тифлисе – тогдашнем культурном центре Кавказа, и дал им очень высокую оценку. Да и в произведениях этого великого писателя ощущается знакомство с устным творчеством горцев. Я имею в виду, в первую очередь, “Хаджи-Мурата” и “Казаков”» [2].

В последние годы жизни Толстой привлекла личность сподвижника Шамиля – свободолюбивого и мужественного Хаджи-Мурата. Непокорён-

ный, он бежал и погиб, защищая свою свободу, жизнь своей семьи. Толстой явно сочувствует своему герою, отмечая, наряду с храбростью и удалью, его какую-то детскую непосредственность. И в то же время жестокость, мстительность горцев вызывают осуждение писателя. Война есть война, она всегда кровь, пожарища, плач вдов, матерей и сирот. Видеть это писателю больно, любое убийство для него противоестественно.

Как бы предвидя современную трагедию русско-кавказских отношений, А. С. Пушкин писал:

*Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно,
Но не спасла вас наша кровь...*

А Лермонтов, как бы в продолжение этой темы, философски замечает:

*И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек...
Чего он хочет? ... Небо ясно.
Под небом много места всем;
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?» [7]*

Л. Н. Толстой пробыл на Кавказе не более двух лет, но это время изменило его мировоззрение, стало стартовой площадкой зарождения и дальнейшего развития в его творчестве идей гуманизма.

Писатель спустя годы стал острее ощущать влияние Кавказа на свое творчество. Его интерес к фольклору горцев не угасал. Он читал книги о народах Кавказа. Рассказ «Кавказский пленник» был написан спустя более шестнадцати лет после пребывания на Кавказе, в 1870-е годы. Он был основан на реальных событиях, свидетелем которых был сам писатель.

Л. Н. Толстой уехал в Крым в 1854 году. Спустя полтора года после отъезда, он записал в дневнике: «Я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи: война и свобода» [3].

Литература

1. *Арденис Н. Н.* Творческий путь Л. Н. Толстого. М., 1962 г.
2. *Кулиев К. Ш.* Поэт всегда с людьми. М., 1986 г.
3. *Ломунов К. Н.* Лев Толстой, очерк жизни и творчества; издание 2-е, Москва: Детская литература, 2001 г.
4. *Толстой Л. Н.* Повести и рассказы. Москва: Художественная литература, 1981 г, серия «Классики и современники».
5. «Ставропольская правда» от 13 апреля 2004 г.
6. http://elbrusoid.org/content/liter_theatre/p137294.shtml – Песни горцев.
7. «Независимая газета» от 01.06.2001 Оригинал: http://www.ng.ru/style/2001-06-01/16_song.html.

В номере:

К 150-летию окончания Кавказской войны	2
Касболат Дзамихов. Черкесская историческая мысль и проблемы Кавказской войны. <i>Статья</i>	6
Места проживания и численность адыгов (черкесов) в странах мира	16
Самир Хотко. Знаменитые сыновья неизвестных черкешенок. <i>Статья</i>	17
Адыги в истории	26
Джамия Хазарова. «Юрий Темирканов. Монолог». <i>Гл. из книги</i>	46
Муаед Ахметов. Адыгские амазонки. <i>Отрывок из романа</i>	62
Ибрагим Абаза. <i>Стихи</i>	80
Амин Афасиж. <i>Стихи</i>	81
Рафик Тхагазит. <i>Стихи</i>	81
Зульфикар Ансоко. <i>Стихи</i>	83
Эргун Бабуг. <i>Стихи</i>	84
Метин Меретуко. <i>Стихи</i>	86
Зейн Кандур. <i>Стихи</i>	87
Хаути Шогенов. Родоначальник русской ветви Лермонтовых и князя Черкасские. <i>Статья</i>	88
Светлана Моттаева. Сентиментальная поэма	92
Адам Готов. Из записных книжек	107
Валерий Дзыба. Черкесский полк Кавказской туземной конной дивизии в Первой мировой войне 1914–1917 гг. <i>Очерк</i>	119
Аслан Казак. Российские офицеры Асланбеговы. <i>Статья</i>	127
Юрий Леонов. Три глотка горькой воды. <i>Рассказ</i>	133
Мадина Буранова. Инна Кашежева – яркий, живой образ литературного наследия. Поэтический мир Хабаса Бештокова. <i>Статьи</i>	137
Тамерлан Техов. Чаша счастья для Кавказа. <i>Статья</i>	145
Нафи Джусойты. <i>Стихи</i>	147
Камал Ходов. <i>Стихи</i>	149
Сергей Хугаев. <i>Стихи</i>	152
Музафер Дзасохов. <i>Стихи</i>	155
Ахсар Кодзати. <i>Стихи</i>	157
Мелитон Казиты. Списки. <i>Рассказ</i>	160
Гастан Агнаев. Старший брат. <i>Рассказ</i>	166
Аслан Эржибов. Хорошая память. <i>Очерк</i>	172
Анатолий Емузов. Журналист – всегда дипломат. <i>Очерк</i>	176
Аслан Шамеев. Интеллигенция: смена имиджа – новые кумиры и вожаки. <i>Ст.</i>	181
Задин-хаджи Маремов. Имам, благотворитель, воспитатель... <i>Очерк</i>	185
Борис Борисов. Настоящий полковник. <i>Очерк</i>	190
Арнольд Баскаев. Трудовой подвиг воина. <i>Очерк</i>	193
Жаухар Анпаева. Освобождая камень от оков. <i>Статья</i>	196
Фатима Дударова. Золотые руки мастера. <i>Очерк</i>	200
Расул Гуртуев. Автопробег памяти. <i>Очерк</i>	205
Виктор и Мария Котляровы. Потусторонняя история от Павла Назарова. <i>Ст.</i>	213
Юрий Гонганшев. Простое чудо. <i>Рассказ</i>	223
Элина Бацева. Влияние кавказской действительности на становление Л. Н. Толстого как писателя. <i>Статья</i>	228

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

*Фотографии на обложках
Элины Караевой, Артура Елканова, Юрия Сабанчиева.
Иллюстративные материалы – из архива Мухамеда Хафицы.
В сборе материалов и подготовке номера принимали активное участие
Владимир Мамишев, Жанна Кандорова и Лейла Батит*

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
Управление Роскомнадзора по КБР
ПИ № ТУ 07-00037 от 12.10.11 г.
Подписной индекс 78452

Компьютерная верстка: *Л. М. Батит*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Подписано в печать 29.05.14. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,5 .

Тираж 2500 экз. Заказ № 107. Свободная цена

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Тел.: главный редактор – 47-74-02,

редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,

сайт: pressa.smikbr.ru,

e-mail: literaturnayakb@mail.ru.

Отпечатано ООО «Тетраграф».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
